

ISSN 2223-4047

ВЕСТНИК

МАГИСТРАТУРЫ

10-2, 2025

научный журнал

ВЕСТНИК 10-2 (169) **МАГИСТРАТУРЫ** 2025

Научный журнал

издается с сентября 2011 года

Учредитель:

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65 – 44-01.
e-mail: magisterjourn@gmail.com.
<http://www.magisterjournal.ru>.
Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROекТ
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Распространяется бесплатно.
Дата выхода: 30.10.2025 г.
ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Главный редактор Е. А. Мурзина

Редакционная коллегия:

Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (главный редактор).

А. В. Бурков, д-р. экон. наук, доцент (г. Йошкар-Ола).
В. В. Носов, д-р. экон. наук, профессор (г. Москва)
В. А. Карачинов, д-р. техн. наук, профессор (г. Великий Новгород)
Н. М. Насыбуллина, д-р. фарм. наук, профессор (г. Казань)
Р. В. Бисалиев, д-р. мед. наук, доцент (г. Астрахань)
В. С. Макеева, д-р. педаг. наук, профессор (г. Орел)
Н. Н. Сентябрев, д-р. биолог. наук, профессор (г. Волгоград)
Н.С. Ежкова, д-р. педаг. наук, профессор (г. Тула)
И. В. Корнилова, д-р. истор. наук, доцент (г. Елабуга)
А. А. Чубур, канд. истор. наук, профессор (г. Брянск).
М. Г. Церцвадзе, канд. филол. наук, профессор (г. Кутаиси).
Н. В. Мирошниченко, канд. экон. наук, доцент (г. Саратов)
Н. В. Бекузарова, канд. педаг. наук, доцент (г. Красноярск)
К. В. Бугаев, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск)
Ю. С. Гайдученко, канд. ветеринарных наук (г. Омск)
А. В. Марьяина, канд. экон. наук, доцент (г. Уфа)
М. Б. Удалов, канд. биолог. наук, науч. сотр. (г. Уфа)
Л. А. Ильина, канд. экон. наук. (г. Самара)
А. Г. Пастухов, канд. филол. наук, доцент, (г. Орел)
А. А. Рыбанов, канд. техн. наук, доцент (г. Волжский)
В. Ю. Сапьянов, канд. техн. наук, доцент (г. Саратов)
О. В. Раецкая, канд. педаг. наук, преподаватель (г. Сызрань)
А. И. Мосалёв, канд. экон. наук, доцент (г. Муром)
С. Ю. Бузоверов, канд. с-хоз. наук, доцент (г. Барнаул)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>М.Д. Зимакова</i> АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	4
<i>Н.С. Харитонов</i> РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЗРАЧНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕПОЧЕК ПОСТАВОК В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	8
<i>Н.С. Харитонов</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ОБРАБОТКИ КЛИЕНТСКИХ ЗАЯВОК В СИСТЕМАХ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ.....	10
<i>Е.А. Бастрарева</i> ПОНЯТИЕ МИНИМИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ.....	12
<i>Е.А. Бастрарева</i> СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ В ЦЕЛЯХ УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	14
<i>П.С. Воронцов</i> РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	16
<i>П.С. Воронцов</i> УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ.....	18
<i>П.С. Воронцов</i> ИНСТРУМЕНТЫ НАЛОГОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ДЛЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ...	20
<i>Н.А. Грошев</i> ОЦЕНКА ПРАВОВОЙ БАЗЫ ГЧП НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ.....	22
<i>Д.Н. Артёмов, Н.Д. Зуева</i> АУДИТОРСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА	33
<i>Р.Р. Марданов</i> ИНСТРУМЕНТЫ ОЦЕНКИ ЗАМЕНЫ ОБОРУДОВАНИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ И ПРОЦЕСС РОСТА ОБЪЕМОВ ПРОИЗВОДСТВА.....	37

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>К.Е. Фомина</i> ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	40
<i>К.Е. Фомина</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	44
<i>К.Е. Фомина</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СВЯЗАННЫЕ С ПОРЯДКОМ ПРОДЛЕНИЯ СРОКОВ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....	47
<i>Е.Н. Барабаш</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	50
<i>Ю.А. Бароха</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	53
<i>А.Е. Михайленко</i> РЕШЕНИЕ, СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	57
<i>Ю.А. Сопко</i> ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	60
<i>Е.С. Ярошова</i> СУДЕБНЫЙ ШТРАФ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	64
<i>И.Н. Аракелян</i> НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.....	67
<i>И.Н. Аракелян</i> ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВУЮЩИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В БРЯНСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЯХ.....	72

Ю.В. Олзоев ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	77
А.Э. Тайсаев НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ, ЦЕЛЕЙ И ПРИНЦИПОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ	80
С.А. Епимахова СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	83
А.А. Трибой О ПРОБЛЕМЕ ПРИЗНАНИЯ СТАТУСА «ЖИЛИЩЕ» ДЛЯ ПОМЕЩЕНИЙ, НЕПРИГОДНЫХ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ, В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	86
М.Ю. Нестерова ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	88
П.Н. Мясникова ДОГОВОРНЫЙ РЕЖИМ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОБСТВЕННИКАМИ ПОМЕЩЕНИЙ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА И УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ	93
О.О. Ветелина ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОЛОСОВОЙ БИОМЕТРИИ ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.....	96
А.К. Хадаев ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	99
Х.Т. Абаев УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ	102
А.Ю. Езеев ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	104
В.Т. Тедеева ОТГРАНИЧЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ ДЛЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	106
О.К. Бугулиев ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ К ИНТЕГРАЦИИ В ЕДИНУЮ СИСТЕМУ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ	108
О.К. Бугулиев МУНИЦИПАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ.....	110
Информация для авторов.....	112

Э
К
О
Н
О
М
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

М.Д. Зимакова

АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Исследуются различные методы анализа ключевых финансовых показателей, включая рентабельность, ликвидность, финансовую устойчивость и деловую активность. Уделяется внимание на практическое применение прогнозных моделей. Рассмотрено прогнозирование финансовых показателей по отраслям деятельности организации.

***Ключевые слова:** Анализ, финансовое состояние, баланс, организация, финансовые отношения, устойчивость, отрасли, расходы.*

Анализ финансовой эффективности предприятия — ключевой инструмент для оценки его текущего состояния и перспектив развития. Он помогает выявить сильные и слабые стороны бизнеса, определить потенциальные риски и возможности для улучшения, а также принимать обоснованные управленческие решения, способствующие долгосрочной стабильности и росту компании. [1].

Как правило, показатели не служат непосредственно целям стратегического анализа, а характеризуют любые экономические явления, независимо от целей их дальнейшего использования, в связи с чем во многих случаях необходим их целевой отбор, систематизация, дополнения, обобщение и интерпретация. Для того чтобы показатели могли быть использованы для целей стратегического анализа, они

© М.Д. Зимакова, 2025.

Научный руководитель: *Бушинская Татьяна Владимировна* – кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Тульский филиал, Россия.

должны отражать состояние и результаты деятельности определенной сферы предприятия, быть актуальными, компактными, динамичными, ориентироваться на прогнозирование, быть сопоставимыми. [3]

Основными показателями, характеризующими деятельность организации, являются:

1. Выручка и объем продаж
2. Себестоимость и валовая прибыль
3. Операционные расходы и операционная прибыль
4. Чистая прибыль и рентабельность
5. Оборачиваемость активов и оборотные средства
6. Коэффициенты ликвидности и платежеспособности
7. Долг и собственный капитал
8. EBITDA (прибыль до вычета процентов, налогов, износа и амортизации)
9. Рентабельность капитала и инвестиций
10. Показатели эффективности управления запасами и дебиторской задолженностью

Эти показатели позволяют комплексно оценить финансовое состояние и эффективность деятельности организации

Если посмотреть на отрасль производства пластмассовых изделий, используемые в строительстве, то по анализу показателя готовой продукции на конец периода можно увидеть, что компании в Московской области имели хорошие запасы для реализации своей продукции.

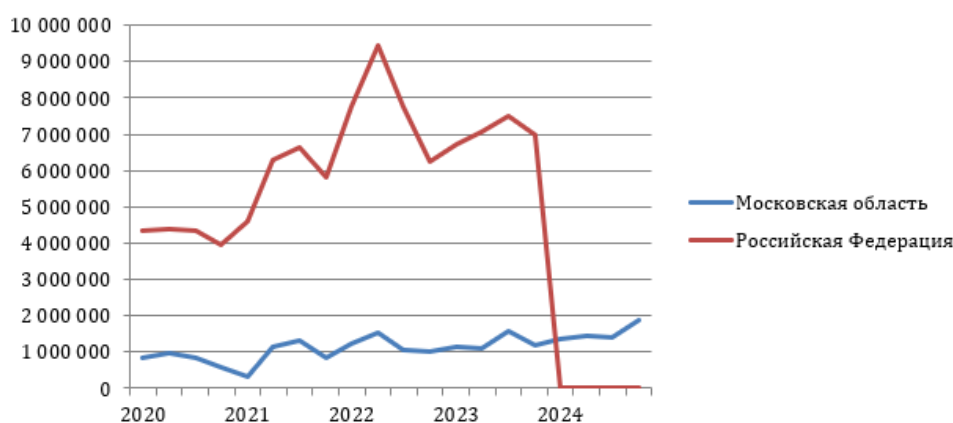

Рис. 1. Показатели готовой продукции на конец периода по области и РФ

Также при анализе основного показателя финансовой деятельности организации: выручки (рисунок 2), можно отметить, что в сравнении по регионам, в Московской области данные предприятия начали выходить на прибыль только в 2021 году. Что означало, что в данном регионе рентабельность, ликвидность и другие ключевые показатели начали выходить в плюс только к 2021 году. Именно для этого организациям нужно проводить анализ финансовых показателей организации и делать дальнейший прогноз

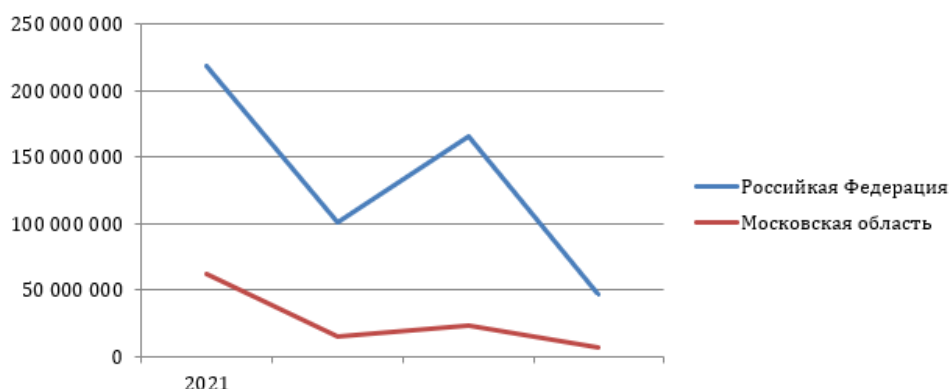

Рис. 2. Выручка от продажи продукции в Московской области и РФ. [3]

Для анализа ключевых показателей организации для примера возьмем предприятие ООО «СПГ». Проанализируем темпы роста выручки по отрасли в Российской Федерации и в организации СПГ (рисунок 3.)

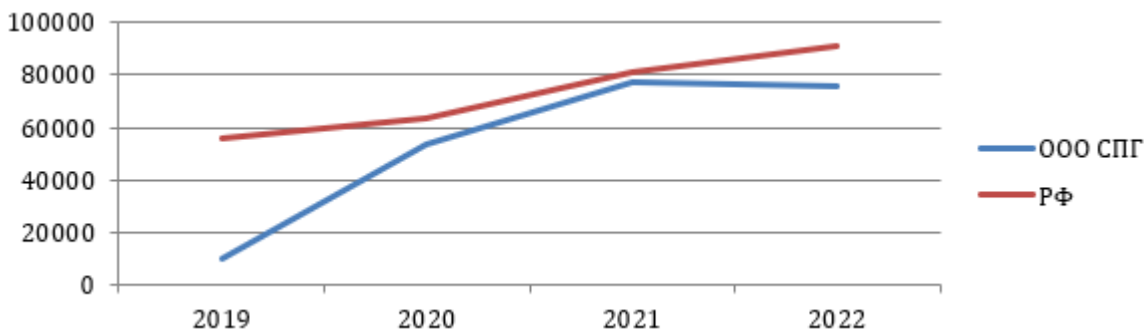

Рис. 3. Темпы роста по отрасли и в ООО «СПГ» [4]

ООО «СПГ» успешно росло в выручке с 2019 по 2021 год, демонстрируя динамичный рост продаж и конкурентоспособность на рынке. Однако после 2021 года наблюдается стагнация, что указывает на возможное снижение спроса или другие внутренние и внешние факторы, влияющие на продажи. Для дальнейшего развития организации важно провести детальный анализ причин спада и применить методы стимулирования продаж, такие как расширение ассортимента, улучшение маркетинговых стратегий, повышение качества обслуживания или внедрение новых технологий. Это поможет вернуть рост и обеспечить долгосрочную стабильность бизнеса. Также не менее важным показателем в анализе организации является коэффициент автономии – показывает долю активов организации, которая обеспечена собственными средствами.

Показатели	ООО "СПГ", 2023 г.	Отраслевые показатели, 2023 г.		
		Существенно хуже* среднего	Среднеотраслевое значение	Существенно лучше** среднего
Коэффициент автономии	0,19	≤0,05	0,22	≥0,57

Рис. 4. Коэффициент автономии по отрасли и ООО «СПГ» [4]

Значение коэффициента хуже среднеотраслевого, не менее половины аналогичных предприятий имеют большую долю собственных средств в капитале. Дисбаланс в пользу заемных средств снижает финансовую устойчивость. Рекомендуется увеличить собственный капитал на 1531 тыс. руб., чтобы он составил 22% от общего капитала организации.

Что касается коэффициентов ликвидности, то они играют также ключевую роль в анализе финансовой деятельности организации. Существует 3 коэффициента ликвидности:

1. Коэффициент текущей ликвидности - достаточно ли у организации оборотных средств для ведения хозяйственной деятельности и своевременного погашения обязательств.

2. Коэффициент быстрой ликвидности - достаточно ли у организации оборотных средств для ведения хозяйственной деятельности и своевременного погашения обязательств.

3. Коэффициент абсолютной ликвидности - какая часть краткосрочных обязательств может быть погашена немедленно.

И если по первым двум показателям организация вышла в положительный результат и превысила отраслевые и общероссийские показатели, то по коэффициенту абсолютной ликвидности организация отстает.

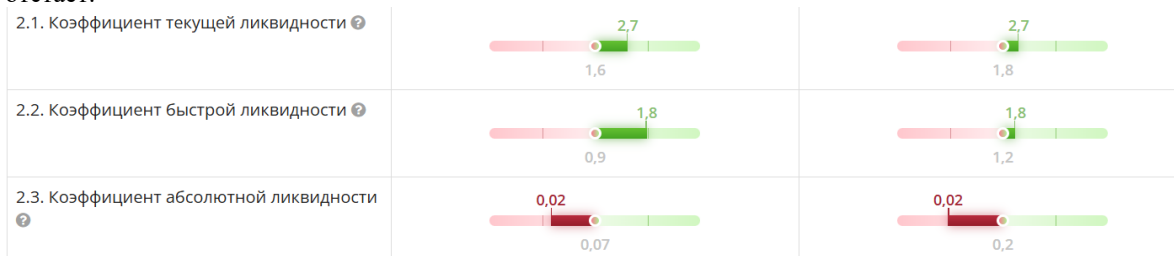

Рис. 5. Коэффициент абсолютной ликвидности по отрасли и ООО «СПГ» [4]

ООО «СПГ» обладает хорошей платежеспособностью в долгосрочной и среднесрочной перспективе, что снижает риск финансовых проблем в будущем. Однако, в краткосрочной перспективе организация менее обеспечена высоколиквидными активами для покрытия текущих обязательств по сравнению с отраслевыми стандартами. Это может создать сложности при выполнении текущих расчетов и требует внимания к управлению ликвидностью, например, оптимизации оборотных средств или ускорению

сбора дебиторской задолженности. Проведем сравнительный анализ ООО «СПГ» с показателями по отраслям и общероссийскими показателями.

Таблица 1

Сравнительная таблица показателей ООО «СПГ» с отраслевыми и общероссийскими.

Показатель	Результат сравнения показателей ООО "СПГ"	
	с отраслевыми	с общероссийскими
1. Финансовая устойчивость		
1.1. Коэффициент автономии (финансовой независимости)	-1	-1
1.2. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	1	-1
1.3. Коэффициент покрытия инвестиций	1	1
2. Платежеспособность		
2.1. Коэффициент текущей ликвидности	1	1
2.2. Коэффициент быстрой ликвидности	1	1
2.3. Коэффициент абсолютной ликвидности	-1	-2
3. Эффективность деятельности		
3.1. Рентабельность продаж	-1	-1
3.2. Норма чистой прибыли	-2	-2
3.3. Рентабельность активов	-2	-2
Итоговый балл	-0,3	-0,7

Финансовое состояние организации хуже среднего по отрасли. Финансовое состояние организации хуже среднего по РФ.

Отрицательные значения (-0,5 по отрасли, -0,7 по РФ) подтверждают, что финансовое состояние организации хуже среднего как в отрасли, так и в целом по стране.

- Рекомендации:

- Увеличить долю собственного капитала для улучшения финансовой устойчивости.

- Оптимизировать структуру активов для повышения ликвидности.

-Снизить издержки и повысить доходность операционной деятельности для улучшения рентабельности.

Организации ООО "СПГ" необходимо срочно предпринять меры по стабилизации финансового состояния. Начать стоит с оптимизации долгов и затрат, затем перейти к увеличению ликвидности и рентабельности. Если не принять меры, ситуация может ухудшиться, что приведет к риску банкротства.

Анализ ключевых показателей (KPI) играет критическую роль в оценке финансового состояния и эффективности деятельности компании. Грамотный анализ ключевых финансовых показателей является краеугольным камнем эффективного управления и позволяет компании двигаться к устойчивому росту и успеху. Он требует постоянного мониторинга, анализа и интерпретации данных, а также готовности адаптировать стратегию компании в соответствии с полученными результатами. [2]

Библиографический список:

1.Айназаров Н., Бабышева Е. Современные методы анализа финансового состояния предприятия// Символ науки. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-analiza-finansovogo-sostoyaniya-predpriyatiya> (дата обращения: 10.04.2025).

2.Айназаров Н., Бегджанов Г. Важность анализа финансовой эффективности предприятия// Символ науки. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vazhnost-analiza-finansovoy-effektivnosti-predpriyatiya> (дата обращения 18.08.2025)

3.Глаголев С.Н., Курбатов В.Л., Бухонова С.М.. Система экономических показателей в стратегическом анализе для целей стратегического планирования и прогнозирования предпринимательской деятельности// Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ekonomicheskikh-pokazateley-v-strategicheskom-analize-dlya-tseley-strategicheskogo-planirovaniya-i-prognozirovaniya> (дата обращения: 12.04.2025).

4.Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/58235>

5.ООО "СПГ": бухгалтерская отчетность и финансовый анализ [Электронный ресурс]/ Режим доступа: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/5043067792_ooo-spg

ЗИМАКОВА МАРИЯ ДЕНИСОВНА – магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Тульский филиал, Россия.

Н.С. Харитонов

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЗРАЧНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕПОЧЕК ПОСТАВОК В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается современное применение технологии блокчейн в управлении цепочками поставок промышленности. Анализируются особенности распределенных реестров, их роль в обеспечении прозрачности, отслеживаемости и безопасности информационных потоков между участниками производственных цепочек. Приводятся примеры внедрения блокчейн-платформ в различных отраслях промышленности с целью минимизации риска фальсификаций, ускорения процедур контроля качества и снижения затрат на логистику.

Ключевые слова: Блокчейн, цепочки поставок, промышленное производство, распределенный реестр, безопасность данных, прозрачность, цифровая трансформация.

Технология блокчейн в последние годы стала одним из значительных прорывов в сфере цифровой трансформации бизнеса, и особенно актуальна она для управления цепочками поставок в промышленном производстве. Прозрачность, надежность и безопасность данных — ключевые требования к современным логистическим и производственным системам, и блокчейн способен удовлетворить эти требования с высокой степенью эффективности. [1]

В основе блокчейн-технологии лежит распределенный реестр, который обеспечивает неизменность и прозрачность записей о всех операциях в цепочке поставок. [2] В отличие от традиционных централизованных систем, блокчейн дает возможность всем участникам производственного процесса видеть актуальную информацию в режиме реального времени, что минимизирует риски мошенничества, подделки данных или ошибок при передаче информации. Это особенно важно в условиях глобальных производственных цепочек, когда множество партнеров из разных стран взаимодействуют для создания продукта.

Одним из примеров использования блокчейна является отслеживание происхождения сырья и комплектующих, что позволяет гарантировать качество и подлинность конечной продукции. Такая прозрачность повышает доверие между участниками и способствует соблюдению стандартов и нормативов, что особенно критично в отраслях с высокими требованиями к безопасности, например, в автомобилестроении, авиации или фармацевтике. Технология также снижает потребность в бумажных документах, упрощая процедуры таможенного оформления, проверки сертификатов и аудита.

Кроме того, блокчейн интегрируется с такими технологиями, как Интернет вещей (IoT), что позволяет автоматически фиксировать события, например, температуру перевозимого груза или соблюдение условий хранения, и надежно записывать их в реестр. Это дает возможность не только контролировать качество, но и оперативно реагировать на непредвиденные ситуации, предотвращая потери и сбои в производстве.

Использование смарт-контрактов на базе блокчейна автоматизирует выполнение договорных обязательств между участниками цепочки поставок. Например, оплата может автоматически инициироваться при подтверждении доставки товара, что снижает издержки и ускоряет финансовые операции. Автоматизация таких процедур также повышает прозрачность и подотчетность бизнеса, что привлекает инвестиции и облегчает взаимодействие с регулирующими органами.

Однако внедрение блокчейн-технологий требует решения ряда важных задач: обеспечение масштабируемости решений для больших производственных систем, интеграция с существующими ERP и CRM-платформами, разработка стандартов безопасности и взаимодействия, обучение персонала и адаптация бизнес-процессов. Поскольку блокчейн является относительно молодой технологией, вопросы регуляторного и юридического сопровождения остаются в центре внимания, особенно касательно защиты персональных данных и правовой значимости транзакций, записанных в распределенном реестре.

Реальные кейсы показывают, что внедрение блокчейна в цепочки поставок уже принесло ощутимые экономические и качественные результаты. Например, крупные промышленные компании, внедрив-

шие такие решения, отмечают сокращение времени на документооборот до 40%, снижение операционных расходов на 15–20%, а также повышение прозрачности процессов, что положительно влияет на общую конкурентоспособность. Эти проекты также способствуют созданию новых стандартов взаимодействия в отрасли и формированию экосистемы, в которой цифровые сервисы взаимно дополняют друг друга.

Перспективы развития технологии связаны с дальнейшей интеграцией искусственного интеллекта для анализа больших данных, оптимизации логистических решений и прогнозирования рисков. Блокчейн в тандеме с ИИ и IoT открывает возможности для создания полностью автоматизированных и саморегулируемых производственных систем нового поколения. [2]

Таким образом, технология блокчейн является мощным инструментом для повышения прозрачности, безопасности и эффективности цепочек поставок в промышленном производстве, способствуя устойчивому развитию и цифровой трансформации отрасли.

Библиографический список:

1. Дадалко В.А. Управление бизнесом в цифровой экономике: вызовы и решения / под ред. И. А. Аренкова и др. — Электронный ресурс. — Режим доступа: https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/40820/1/%D0%94%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%BE_Blockchain.pdf — Дата обращения: 29.10.2025.

2. Лопатин И.Б. Блокчейн в управлении цепочками поставок: теоретические и практические аспекты. — М.: Инфра-М, 2023. — 280 с.

ХАРИТОНОВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

Н.С. Харитонов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ОБРАБОТКИ КЛИЕНТСКИХ ЗАЯВОК В СИСТЕМАХ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

В статье рассматривается современное применение методов машинного обучения и обработки естественного языка (NLP) для повышения эффективности работы служб поддержки пользователей. Анализируются алгоритмы автоматической классификации заявок, сегментации запросов и определения приоритетов, а также внедрение чат-ботов и интеллектуальных помощников, обеспечивающих быстрый отклик и автоматическое решение типовых проблем.

Ключевые слова: автоматизация поддержки, машинное обучение, искусственный интеллект, чат-боты, NLP, клиентские заявки, обработка запросов.

В условиях современного цифрового развития бизнеса увеличение объемов клиентских обращений стало значительным вызовом для компаний разных отраслей. Ручная обработка запросов, их классификация и приоритизация требуют больших усилий и времени, что негативно сказывается на качестве обслуживания и операционной эффективности. Именно поэтому внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ), в первую очередь машинного обучения и обработки естественного языка (NLP), становится стратегически важным направлением в развивающихся системах техподдержки.

Ключевыми компонентами современных систем автоматизированной обработки клиентских заявок являются алгоритмы классификации, сегментации и распознавания текстов. Они позволяют автоматически сортировать обращения по типам проблемы, определять уровень важности и перенаправлять их на соответствующие отделы или автоматизированные системы решения. Например, системам чат-ботов и интеллектуальных ассистентов под силу вести диалог с пользователем, понимать суть вопроса и давать предварительную рекомендацию или сразу решать проблему, если она типовая и проверенная.

Одним из наиболее значимых преимуществ внедрения ИИ в работу клиентской поддержки является сокращение времени реакции. Вместо долгого ожидания ответа операторов, пользователи получают мгновенные ответы на типовые вопросы, что значительно повышает уровень удовлетворенности. Кроме того, автоматизация позволяет снизить операционные расходы, повысить производительность работников и освободить их для решений более сложных задач, требующих человеческого вмешательства.

Аналитика больших данных, построенная на применении машинного обучения, дает возможность выявлять закономерности и тренды в потоках обращений, прогнозировать пики нагрузки и предупреждать о возможных сбоях или сбоях в системе. Такой подход позволяет оптимизировать работу технических служб и предоставлять клиентам не только качественную поддержку, но и превентивные рекомендации.

Еще одной важной задачей является формирование базы знаний и автоматическое обновление сценариев решений. Системы ИИ могут самостоятельно анализировать новые обращения, обучаться на них и улучшать свои модели, что повышает их эффективность. В перспективе такие системы станут неотъемлемой частью любой крупной компании, оказывать поддержку 24/7, а также интегрироваться с CRM, ERP и другими корпоративными системами, создавая единую экосистему клиентского сервиса.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение ИИ в систему клиентской поддержки сталкивается с рядом вызовов. Среди них — необходимость обеспечения конфиденциальности и безопасности данных, прозрачности алгоритмов и отслеживания процессов принятия решений. Важно соблюдать баланс между автоматизацией и человеческим фактором, чтобы не снизить уровень доверия клиентов и сохранить возможность ручного вмешательства при сложных ситуациях.

В будущем технологии обработки естественного языка и машинного обучения будут развиваться стремительно, охватывая все новые области клиентского сервиса. Внедрение голосовых помощников, прогнозных аналитических систем и автоматических систем маршрутизации заявок позволит повысить качество обслуживания и снизить нагрузку на персонал. Развитие таких решений связано с растущим спросом на персонализированный подход и быстрое реагирование, что сегодня является конкурентным преимуществом.

Таким образом, использование ИИ для обработки клиентских заявок становится ключевым направлением цифровой трансформации систем поддержки. Эти технологии обеспечивают не только повышение эффективности и снижение затрат, но и формируют новые стандарты качества обслуживания, особенно в эпоху растущей конкуренции и глобализации бизнес-процессов.

Библиографический список:

1. Семенова А.А. Путь машинного обучения: междисциплинарный анализ развития технологий // Высшее образование в России. — 2024. — №5. — С. 85-87. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/put-mashinnogo-obucheniya-mezhdistsiplinarnyy-analiz-razvitiya-tehnologiy> (дата обращения: 29.10.2025).
2. Зайков Д.А. Применение NLP-технологий в логистическом чат-боте для автоматизации обработки пользовательских запросов // Информационные технологии. — 2025. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-nlp-tehnologiy-v-logisticheskom-chat-bote-dlya-obrabotki-polzovatel'skih-zaprosov> (дата обращения: 29.10.2025).

ХАРИТОНОВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

Е.А. Бастракова

ПОНЯТИЕ МИНИМИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Данная статья исследует понятие минимизации налоговых платежей, раскрывает её сущность и значимость для предприятий и частных лиц. Освещается проблема увеличения налоговой нагрузки и её негативное воздействие на экономический рост и финансовое благополучие. Представлены основные методы и инструменты, используемые для законной оптимизации налогов, подчеркнута разница между минимизацией и уклонением от уплаты налогов. Раскрыты принципы безопасной налоговой оптимизации и подчёркнуто значение привлечения высококвалифицированных специалистов для формирования эффективной налоговой стратегии.

Ключевые слова: минимизация налогов, налоговая нагрузка, налоговая политика, налоговые риски, уклонение от уплаты налогов.

Вопрос минимизации налоговых платежей является актуальным для большинства предприятий и частных лиц, стремящихся снизить налоговую нагрузку, сохраняя при этом законность своей деятельности. Рост налоговой нагрузки негативно сказывается на финансовых показателях, замедляет темпы экономического роста и снижает инвестиционную активность. Понимание сущности и природы минимизации налоговых платежей, знание существующих методов и инструментов являются необходимыми условиями для формирования эффективной налоговой стратегии.

Целью настоящего исследования является изучение понятия минимизации налоговых платежей, выявление её основных элементов и характеристик, а также разработка подходов к формированию эффективной налоговой политики, обеспечивающей оптимальное соотношение между соблюдением законодательства и достижением максимальных экономических результатов.

Минимизация налогов — важный элемент финансовой стратегии, позволяющий снизить налоговую нагрузку законными методами. Это улучшает финансовое состояние, конкурентоспособность и привлекает инвестиции.

Минимизация налоговых обязательств осуществляется посредством применения различных законных методов и инструментов, направленных на оптимизацию налоговой базы и снижение налоговых обязательств: применение налоговых льгот и преференций, выбор оптимального налогового режима, оптимизация структуры доходов и расходов, использование налоговых вычетов, оптимизация структуры бизнеса.

Минимизация налоговых обязательств и уклонение от уплаты налогов представляют собой два принципиально различных подхода к управлению налоговыми рисками. Уклонение от уплаты налогов является противоправным деянием, влекущим за собой юридические последствия в виде административной и уголовной ответственности. В отличие от уклонения, минимизация налоговых обязательств предполагает использование исключительно законных способов оптимизации налоговой нагрузки, соответствующих нормам действующего налогового законодательства.

К недобросовестным действиям, направленным на уклонение от уплаты налогов, относятся [1]:

- Искусственное дробление бизнеса для сохранения права на применение специальных налоговых режимов, что может привести к налоговым спорам и доначислению налогов.

- Фиктивное оформление договоров займа или оказания услуг, создающее иллюзию экономической деятельности и снижающее налоговые обязательства.

- Соккрытие реальных размеров доходов и завышение расходов, что искажает налоговую базу и приводит к налоговым доначислениям.

Такие действия могут повлечь за собой наложение штрафов, пени и дополнительных налоговых обязательств, нивелируя потенциальную экономию.

Эффективная и безопасная минимизация налогов возможна при соблюдении шести основных принципов:

1. Экономической целесообразности — мероприятия должны приносить больше пользы, чем затрачены средства.
 2. Законности — строгое следование правовым нормам и исключение правонарушений.
 3. Конфиденциальности — защита внутренней информации от утечек.
 4. Соответствия формы и содержания — точное отражение хозяйственной деятельности в документах.
 5. Системности — интеграция мероприятий в единую систему налогового планирования.
 6. Разумности — принятие взвешенных решений с учётом долгосрочного развития компании.
- Для эффективной налоговой оптимизации необходимы профессиональные консультанты, способные грамотно разрабатывать стратегии, минимизировать риски и соблюдать законы. Комплексный подход помогает укреплять финансовое положение компании, повышает её конкурентоспособность и создаёт основу для долгосрочного развития.

Библиографический список:

1. Базаров Н.П., Сагараев И.Ю. Налоговая оптимизация: законные и незаконные методы // Вестник науки. - 2024. - Т.3.- № 5 (74). – С. 70-74.

БАСТРАКОВА ЕЛИЗАВЕТА АНДРЕЕВНА – студент специалитета, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

Е.А. Бастракова

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ В ЦЕЛЯХ УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена исследованию стратегического управления региональным развитием как ключевого инструмента укрепления экономической безопасности государства. Авторы рассматривают роль эффективного регионального планирования в повышении устойчивости регионов перед внутренними и внешними факторами нестабильности. Приводятся практические рекомендации по разработке комплексных стратегических планов развития территорий, основанных на принципах инновационного подхода, региональной интеграции и кооперации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, регионы, стратегическое управление, устойчивость, инновационное развитие, интеграционные процессы.

Современная мировая экономика характеризуется повышенной степенью непредсказуемостью. Для российского государства сохранение стабильного уровня социально-экономического развития требует устойчивого функционирования всех территориально-экономических единиц. Вопрос эффективного управления регионом становится особенно важным в связи с усилением глобализации, изменением мировых рынков энергоресурсов и продовольствия, ростом геополитической напряженности, поэтому формирование устойчивых региональных экономик приобретает особое значение для обеспечения национальной экономической безопасности.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании вопросов стратегического управления регионами, обеспечения устойчивого укрепления экономической безопасности страны.

Стратегическое управление — это процесс принятия решений и осуществления действий, направленных на достижение долгосрочных целей и поддержание устойчивого положения региона в постоянно меняющихся условиях окружающей среды. Оно включает в себя анализ ситуации, разработку стратегии, реализацию принятых решений и контроль над исполнением.

Исходя из приоритетов, обозначенных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации, жизненно важными интересами регионов можно считать следующее [1]: обеспечение стабильности, надежности и постепенного прогресса в развитии экономики региона; сохранение существующей численности населения и создание предпосылок для естественного прироста жителей; повышение благосостояния и качества жизни населения региона; рациональное использование и охрана природного ресурса территории; гарантированное наличие необходимых трудовых, финансовых и производственных ресурсов, соответствующее темпам экономического роста и другие.

Анализ текущего состояния показывает значительное различие в уровне социально-экономического развития регионов. Некоторые субъекты демонстрируют высокие показатели экономического роста, тогда как другие сталкиваются с серьезными трудностями. Причины таких диспропорций кроются в географическом положении, наличии природных ресурсов, демографической ситуации, состоянии инфраструктуры и управлении.

Основные проблемы и угрозы включают: недостаточную поддержку промышленности и сельского хозяйства, низкий уровень технологического оснащения предприятий, ограниченность бюджетного финансирования, высокую степень износа объектов социальной и инженерной инфраструктуры, непредсказуемые изменения внешнеэкономической конъюнктуры. Все эти факторы негативно влияют на экономическую безопасность региона и требуют незамедлительных мер по устранению негативных последствий.

Разработка и реализация стратегий развития регионов должна осуществляться на основе комплексной методологии, включающей: SWOT-анализ (оценка сильных и слабых сторон, возможностей и угроз); PESTEL-анализ (учет влияния политических, экономических, социокультурных, технических, экологических и правовых факторов).

© Е.А. Бастракова, 2025.

Научный руководитель: *Шемякина Марина Сергеевна* - кандидат экономических наук, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

Среди эффективных инструментов и механизмов стратегического управления выделяются: государственно-частное партнерство, кластерный подход к развитию производительных сил, инфраструктурные проекты, реформа государственных учреждений и служб, программа переселения населения и трудовых мигрантов. Использование этих инструментов позволяет привлекать дополнительные ресурсы и развивать новые отрасли экономики.

Стратегическое управление развитием регионов играет важную роль в обеспечении экономической безопасности страны. Проведение регулярных исследований, разработка адекватных стратегий и внедрение передовых инструментов управления позволяют существенно повысить качество жизни населения, ускорить модернизацию экономики и укрепить финансовую устойчивость региона. Успех зависит от согласованности действий властей, бизнеса и общественности, а также готовности адаптироваться к изменениям внешнего окружения.

Библиографический список:

1. Шляхта А.И. Стратегическое управление региональным развитием в системе мер обеспечения экономической безопасности РФ // *Мировая наука*. - 2021. - № 5 (50). – С. 144-148.

БАСТРАКОВА ЕЛИЗАВЕТА АНДРЕЕВНА – студент специалитета, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

П.С. Воронцов

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена изучению роли экономической безопасности в обеспечении устойчивого развития предприятия. Раскрываются основные функции и механизмы экономической безопасности, направленные на снижение рисков и улучшение надежности бизнеса. Подчеркивается необходимость комплексного подхода, включающего мониторинг угроз, внутренний контроль и использование информационных технологий, для достижения долгосрочной стабильности и успеха в условиях современной экономики.

Ключевые слова: Экономическая безопасность предприятия, стратегическое управление, устойчивое развитие, управленческие задачи, внутренняя среда предприятия, инновационное развитие.

Современная экономика отличается высокой степенью неопределенности и множеством рисков, отрицательно сказывающихся на предприятиях. Для их эффективного функционирования и развития необходима высокая экономическая безопасность, особенно в условиях усиливающейся конкуренции и постоянных изменений окружающей среды.

Основной целью исследования является изучение роли экономической безопасности в обеспечении устойчивого развития путем выявления эффективных методов и механизмов снижения рисков и улучшения надежности бизнеса.

Актуальность проблемы экономической безопасности обусловлена возрастающими рисками и вызовами, характерными для современной экономики. Достижение поставленных целей предприятием возможно лишь при условии рационального использования имеющихся ресурсов, направленного на максимизацию прибыли, расширение объемов продаж и укрепление собственной экономической безопасности. [1].

Экономическая безопасность предприятия понимается как совокупность условий и мероприятий, направленных на защиту его жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз. Как подчеркивает Е.Ю. Кузнецова, конкурентные преимущества предприятия зависят от способности поддерживать баланс между доходностью и степенью защиты от неблагоприятных воздействий [3].

Исследователи считают, что экономическая безопасность важна для устойчивого функционирования предприятия. Своевременное обнаружение и устранение угроз позволяет адаптироваться к изменениям внешней среды и поддерживать стабильное положение на рынке. Основная цель экономической безопасности предприятия заключается в обеспечении его стабильного и высокоэффективного функционирования в настоящем, а также создании прочного фундамента для перспективного развития в будущем [2].

Экономическая безопасность предприятия обеспечивает его устойчивое развитие, выполняя три основные функции: защита активов, поддержка стабильности операций и минимизация рисков. Это создает условия для оптимального распределения ресурсов и фокусирует усилия на главных направлениях развития.

Действенный механизм экономической безопасности создается путем учета нескольких факторов: четкого определения финансовых интересов предприятия (рост капитализации, прибыль, собственные средства), интеграции систем внутреннего контроля и аудита с финансовым планированием, активного использования информационных технологий для мониторинга внутренней среды и адаптации к внешним изменениям. Регулярный мониторинг позволяет быстро выявлять проблемы и предпринимать необходимые меры.

Экономическая безопасность представляет собой фундаментальный аспект стратегического планирования предприятия, направленный на укрепление его конкурентных преимуществ и обеспечение устойчивого развития в условиях динамично меняющейся экономической среды. Комплексная система защиты активов, базирующаяся на принципах высокого качества и надежности, позволяет существенно

© П.С. Воронцов, 2025.

Научный руководитель: *Абдулаев Вячеслав Ибрагимович* – кандидат технических наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

снизить зависимость от внешних и внутренних угроз, минимизировать потенциальные финансовые потери и создать благоприятные условия для расширения предпринимательской деятельности. В этом контексте экономическая безопасность становится ключевым фактором, обеспечивающим долгосрочную стабильность и успешное функционирование предприятия в условиях глобальной конкуренции.

Библиографический список:

1. Балакова А.И. Современные подходы к обеспечению экономической безопасности предприятия // Вестник науки. - 2022. - Т.5.- № 5 (50). – С. 47-56.
2. Климова Е.З., И.А. Павлова Сущность и функциональные составляющие экономической безопасности организации // Инновационные аспекты развития науки и техники. – 2021. – С. 112-117
3. Кузнецова Е.Ю. Взаимосвязь экономической безопасности и конкурентоспособности предприятия // Теория и практика современной науки. – 2021. - №5 (71). – С. 121-125.

ВОРОНЦОВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

П.С. Воронцов

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ: ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

В условиях глобализации и экономической нестабильности экономическая безопасность предприятия приобретает стратегическое значение. Статья рассматривает ключевые индикаторы оценки экономической безопасности, акцентируя внимание на управленческих аспектах. Анализируются внутренние и внешние риски, разрабатываются стратегии для устойчивого функционирования. Особое внимание уделяется финансовым показателям, методам управления рисками и адаптации к рыночным условиям. Исследование подчеркивает необходимость комплексного обеспечения экономической безопасности для долгосрочного развития.

Ключевые слова: Экономическая безопасность, экономическое управление рисками, финансовые индикаторы, стратегии развития, финансовая устойчивость, риски.

В условиях постоянно увеличивающегося количества угроз и неопределённостей, вызванных глобализацией и экономическими потрясениями, вопрос обеспечения экономической безопасности предприятия выходит на первый план. Уровень экономической безопасности оказывает непосредственное влияние на устойчивость и жизнеспособность любого предприятия, являясь одним из основных факторов его выживания и дальнейшего процветания.

Целью исследования является анализ основных показателей экономической безопасности предприятия, факторов риска и разработка направлений стратегического развития для обеспечения устойчивого функционирования в условиях неопределённости.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного подхода к управлению экономической безопасностью в условиях глобализации, экономической нестабильности и изменения рыночных условий. Это позволяет предприятиям адаптироваться к новым вызовам, минимизировать риски и обеспечить долгосрочное развитие.

Основополагающим понятием является экономическая безопасность, означающая надежную защиту национальной экономики от различных угроз, гарантирующую экономический суверенитет государства, единство его экономического пространства и создающую условия для достижения стратегических национальных целей [1].

Обеспечение экономической безопасности предприятия заключается в поддержании его устойчивого функционирования и сохранении финансовой стабильности, несмотря на высокие экономические риски. Данный процесс охватывает несколько важных аспектов: финансовую устойчивость, диверсификацию источников доходов, управление рисками, рациональное распределение ресурсов, соблюдение законодательных требований, информационную безопасность, готовность к изменениям, качественное финансовое планирование, поддержание деловой репутации и постоянный мониторинг финансового состояния.

Для оценки уровня экономической безопасности предприятия используют целый ряд количественных и качественных показателей. Рассмотрим некоторые из них подробнее: [2]:

1. Показатель покрытия показывает, насколько текущие активы покрывают краткосрочные обязательства. Формула расчета: $\text{Покрытие} = (\text{Текущие активы} / \text{Текущие обязательства})$.

2. Рентабельность измеряет прибыльность предприятия отношением чистой прибыли к общей выручке.

3. Коэффициент ликвидности свидетельствует о скорости конвертации активов в денежные средства для погашения долгов. Формула: $\text{Ликвидность} = (\text{Оборотные активы} / \text{Краткосрочные обязательства})$.

4. Коэффициент задолженности характеризует пропорцию заемных средств среди общего объема активов. Формула: $\text{Задолженность} = (\text{Общая сумма долговых обязательств} / \text{Общая стоимость активов})$.

© П.С. Воронцов, 2025.

Научный руководитель: *Абдулаев Вячеслав Ибрагимович* – кандидат технических наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

5. Оборачиваемость активов отражает эффективность использования активов для увеличения выручки. Формула: Оборачиваемость = (Годовая выручка / Средняя стоимость активов).

Применение рассмотренных показателей позволяет всесторонне оценить уровень экономической безопасности предприятия, своевременно выявлять слабые места и формировать стратегию их устранения. Регулярный мониторинг этих индикаторов помогает руководству предприятия принимать обоснованные управленческие решения, снижать риски и улучшать финансовое состояние, что в конечном итоге способствует повышению устойчивости и конкурентоспособности бизнеса в условиях рыночной неопределенности.

Библиографический список:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года".
2. Рудая О.В. Угрозы экономической безопасности предприятия // Актуальные исследования. - 2021. - №11 (38). - С. 61-63.

ВОРОНЦОВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

П.С. Воронцов

ИНСТРУМЕНТЫ НАЛОГОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ДЛЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Статья представляет собой всесторонний анализ современных инструментов налогового планирования, доступных физическим лицам в условиях обновленного налогового законодательства начиная с 2025 года. Основное внимание уделяется ключевым изменениям в системе налогообложения доходов физических лиц (НДФЛ), включая введение прогрессивной шкалы налогообложения. Рассматриваются практические аспекты применения имущественных, социальных и стандартных налоговых вычетов, а также возможности индивидуального инвестиционного счета (ИИС) и пенсионного страхования.

Ключевые слова: налоговое планирование, НДФЛ 2025, налоговые вычеты, ИИС, пенсионные накопления, имущественный вычет, стандартные вычеты.

Цель исследования заключается в анализе инструментов налогового планирования, доступных физическим лицам в условиях изменений российского налогового законодательства, вступивших в силу с 2025 года, с особым вниманием к новым правилам налогообложения доходов физических лиц (НДФЛ) и возможным методам оптимизации налоговой нагрузки.

Актуальность исследования обусловлена введением прогрессивной шкалы налогообложения, что создает новые возможности и вызовы для налогоплательщиков, требуя глубокого изучения механизмов эффективного управления налоговым бременем.

С 1 января 2025 года в российской налоговой системе введены значительные изменения, главным из которых стало внедрение прогрессивной шкалы подоходного налога с физических лиц. Теперь доходы делятся на пять категорий с соответствующими ставками:

- Доходы до 2,4 млн рублей облагаются по ставке 13%;
- От 2,4 до 5 млн рублей — ставка повышается до 15%;
- От 5 до 20 млн рублей применяется ставка 18%;
- От 20 до 50 млн рублей действует ставка 20%;
- Для доходов свыше 50 млн рублей устанавливается ставка 22%.

Эти изменения создают новые возможности для налогового планирования, однако требуют углубленного понимания доступных инструментов оптимизации.

Основные инструменты налогового планирования [1]:

1. Налоговые вычеты по налогу на имущество. Один из эффективных способов снижения налоговой нагрузки — имущественный налоговый вычет при покупке жилой недвижимости (квартиры, дома, земли). Можно вернуть до 13% от стоимости жилья, но не более 2 млн рублей (максимум возврата — 260 тыс. рублей). По ипотечным процентам предусмотрен отдельный вычет до 3 млн рублей (максимум возврата — 390 тыс. рублей). Для получения вычета подается декларация 3-НДФЛ и подтверждающие документы.

2. Социальные налоговые вычеты. Позволяют вернуть часть денег, потраченных на образование (собственное или детей), медицинские услуги и благотворительность. С 2024 года лимит расходов для вычета — 150 тыс. рублей, для обучения детей — до 110 тыс. рублей на каждого ребенка. Получить вычет можно через налоговую инспекцию или работодателя.

3. Применяются для уменьшения налогооблагаемой базы по НДФЛ и зависят от количества детей и наличия инвалидности: первый ребенок — 1400 Р/мес., второй ребенок — 2800 Р/мес., третий и последующие дети — 6000 Р/мес., ребенок-инвалид до 18 лет или студент до 24 лет — 12 000 Р/мес. Право на двойной вычет имеют одинокие родители или супруги, отказавшиеся от своего вычета. Вычеты действуют только для резидентов РФ при доходе до 350 тыс. рублей в год.

© П.С. Воронцов, 2025.

Научный руководитель: *Абдулаев Вячеслав Ибрагимович* – кандидат технических наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

4. Индивидуальные инвестиционные счет (ИИС) - это брокерский счет с налоговыми преимуществами. Инвестор может не только увеличивать капитал, но и экономить на налогах. Два вида налоговых льгот:

- Тип А: возврат 13% от годовых взносов (до 52 тыс. руб. в год); доступен при наличии налогооблагаемого дохода.

- Тип Б: освобождение инвестиционного дохода (дивиденды, проценты, прибыль от роста стоимости активов) от НДФЛ при сохранении счета минимум 3 года; подходит долгосрочным инвесторам.

Преимущества ИИС заключаются в гибкости выбора стратегии, долгосрочной экономии и дополнительной прибыли за счет налогового возврата.

5. Пенсионные накопления. Граждане могут получать налоговый вычет за взносы в негосударственные пенсионные фонды или программы добровольного страхования пенсии. Ежегодный лимит вычета — 120 тыс. рублей. Инструмент формирует надежный финансовый запас, защищенный от инфляции за счёт инвестиций в индексированные активы.

Применение рассмотренных инструментов обеспечивает следующие преимущества: сокращает текущие налоговые обязательства на 15–30% легально, улучшает финансовое положение за счёт экономии средств, формирует надежную финансовую подушку через диверсификацию активов (недвижимость, акции, облигации, страховки), повышает пенсионные накопления благодаря программам финансирования государства. Рациональное налоговое планирование базируется на контроле доходов, разумном управлении семейным бюджетом и полном использовании законных налоговых льгот, помогая эффективнее управлять финансами и укреплять будущее благосостояние.

Библиографический список:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 19.02.2018).

ВОРОНЦОВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Поволжский государственный технологический университет, Россия.

Н.А. Грошев

ОЦЕНКА ПРАВОВОЙ БАЗЫ ГЧП НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Несмотря на растущее количество проектов ГЧП в России, наличие существенных правовых и институциональных ограничений на федеральном и региональном уровнях сдерживает дальнейшее развитие данного механизма. В частности, налицо отсутствие взаимосвязи проектов ГЧП с долгосрочными инвестиционными и государственными программами развития, низкое отраслевое разнообразие проектов, высокая зависимость проектов ГЧП от государственных финансовых институтов, слабое информационное сопровождение региональных практик ГЧП. Ситуация усугубляется нехваткой «длинных» денег в экономике на фоне ограниченности собственных средств у частных партнеров для реализации долгосрочных проектов в сфере ГЧП. Теоретическая и практическая значимость данной темы заключается в построении целостно-логического видения решения обозначенных правовых проблем развития ГЧП на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: ГЧП, государственно-частное партнерство, региональное, сфера, правовая база, частное партнерство, оценка.

Теоретические аспекты и практика развития правовой и институциональной среды ГЧП отражены в научных работах таких авторов, как К. Х. Зоидов¹, В. Г. Варнавский², И. Н. Макаров³ и многих других научных работах российских ученых. Комплексному исследованию правовых и институциональных основ развития ГЧП посвящены работы Г. А. Борщевского⁴, И. Р. Исаакян⁵ и А. М. Киселевой⁶, в которых авторы наиболее полно исследовали институциональный аспект развития системы ГЧП, оценили нормативно-равовую среду и определили направления и ограничения совершенствования системы ГЧП.

В России в настоящее время права и обязанности государственного и частного партнеров при реализации проектов ГЧП определяются двумя главными нормативно-правовыми актами:

1) Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷ (далее — федеральный закон о ГЧП).

2) Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»⁸ (далее — федеральный закон о концессионных соглашениях).

© Н.А. Грошев, 2025.

¹ Зоидов К. Х., Медков А. А., Зоидов З. К. Государственно-частное партнерство – основа инновационного развития и безопасности транзитной экономики : монография. – М.: Экономическое образование, 2017. – 519 с.

² Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. – М.: ИМЭМО РАН, 2009 В 2-х томах. Том 1 – 312 с.

³ Макаров И.Н. Государственно-частное партнерство в управлении развитием региона: институты, механизм реализации, анализ эффективности. / монография. - Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. – 212 с.

⁴ Борщевский Г. А. Государственно-частное партнерство: учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 314 с.

⁵ Исаакян И. Р. Институциональная среда как условие развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации на региональном уровне // Государственно-частное партнерство в сфере транспорта: модели и опыт – 2019 : V ежегодная научная конференция. – СанктПетербург, 2019. – С. 35–43.

⁶ Киселева А. М., Бреусова А. Г., Самодинский К. А. Государственно-частное партнерство как инструмент развития региональной кластерной политики. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2020. — 323 с.

⁷ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: фед. закон от 13.07.2015 N 224-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Российская газета. N 277. 5 декабря 2024 г.

⁸ О концессионных соглашениях: фед. закон от 21.07.2005 N 115-ФЗ (ред. от 30.11.2024 г.) // Российская газета. N 277. 5 декабря 2024 г.

Федеральный закон о ГЧП устанавливает основы регулирования государственно-частного партнерства в России, унифицирует и систематизирует имеющиеся нормативные акты. Законом устанавливается круг субъектов, которые признаются государственными и частными партнерами, их права и обязанности, условия соглашения о ГЧП, а также закрытый перечень объектов соглашения. К объектам соглашения относятся в том числе объекты отраслей и видов деятельности социальной сферы, таких как образование, здравоохранение, культура, спорт, социальное обслуживание. В законе регламентируется процедура разработки предложения о реализации проекта ГЧП, подготовки самого проекта, принятия решения о реализации проекта.

Само принятие 224-ФЗ стало большим достижением российских законодателей, поскольку его проект находился на рассмотрении в Государственной Думе 3 года. С его вступлением в силу стало претерпевать изменения и региональное законодательство о ГЧП, которое должно быть приведено в соответствие с федеральным до 2025 года. Изначально срок был поставлен поспешно – до 1 июля 2016 года¹, однако в столь кратчайшие сроки не представлялось бы возможным реализовать уже запущенные проекты и внести изменения во всю региональную нормативную-правовую базу, которая уже в 2016 году приобрела внушительные объемы.

Данный закон позволил устранить ряд проблемных моментов в законе о концессионных соглашениях, таких как запрет передачи в залог объекта концессии, установка концессионной платы, не наделение правом собственности частного бизнес-партнера. К тому же, 224-ФЗ расширил права частных партнеров, таких, как, например, появление процедуры инициирования проекта, требований к содержанию проекта, разработка методики оценки эффективности проектов ГЧП.

Одной из основополагающих целей ГЧП-проектов, исходя из дефиниции основного понятия, представленной в самом Законе о ГЧП, является привлечение в экономику страны частных инвестиций. Таким образом, предложенные законом о ГЧП новые формы реализации сотрудничества государства и частных инвесторов должны основываться на взаимных вложениях партнеров – объединении их ресурсов.

Несмотря на то, что Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» был принят почти 20 лет назад, в настоящее время интерес государства в его реализации является приоритетным в условиях стабильно острой проблемы дефицита инвестиций в экономике страны.

Закон о концессионных соглашениях предусматривает специальную главу, посвященную гарантиям прав и законных интересов концессионеров. При этом законодатель с учетом принятой правовой традиции предоставляет равные гарантии как российским, так и иностранным концессионерам. В целом основополагающей гарантией для иностранного инвестора является общее положение правовой системы государства, принимающего иностранные инвестиции, которая характеризуется урегулированностью отношений в соответствующем законодательстве, а также недискриминационной, основанной на законе деятельностью правоохранительных органов.

С этой точки зрения закон о концессионных соглашениях, на наш взгляд, «перекрывает» главный недостаток закона о ГЧП. Федеральный закон № 224 ограничил возможности иностранных инвесторов в данной области. В соответствии с пунктом 5 статьи 3 Федерального закона частным партнером может быть только российское юридическое лицо, с которым заключено соглашение. После 2015 года субъекты РФ, в которых были утверждены региональные законы о государственно-частном партнерстве, вынуждены были привести свои нормативно-правовые акты в соответствие с федеральным законом и исключить прямое участие иностранных юридических лиц.

В то же самое время, согласно данным статистики, внушительное число проектов в сфере ГЧП в России по-прежнему основывается на концессионных соглашениях. Предусмотренные Законом о ГЧП и Законом о концессиях положения продолжают пересекаться между собой, где-то дублировать друг друга, а где-то и вовсе расходиться. На практике это ставит перед потенциальными инициаторами проектов ГЧП вопрос: «Каким механизмом следует воспользоваться?». Преимущество консервативно отдается Закону о концессиях и потому, что закон о ГЧП, по мнению ряда исследователей², до конца не проработан, ему еще только предстоит пройти испытание опытом проб и ошибок.

¹ Закон о государственно-частном партнерстве: руководство по применению / Специальное издание к Международному инвестиционному форуму «Сочи-2015». – Ассоциация «Центр развития ГЧП», Минэкономразвития России. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/c59/c5981d264ceffbc7546219313cbd85b0.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

² Гаренко А.И. Последствия принятия в России закона о государственно-частном партнерстве / Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации. – Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение». 2017. С. 289-292

На федеральном уровне также приняты и другие нормативно-правовые акты, которые регулируют отношения между публичной стороной и частным контрагентом при реализации совместных проектов. К ним следует отнести¹:

- Федеральный закон от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О банке развития»;
- договорные конструкции, предусмотренные Гражданским кодексом РФ;
- Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»;
- Федеральные законы об иных государственных корпорациях: ЖКХ, «Роснотех», «Олимпстрой» и др.;
- Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»;
- Постановление Правительства РФ от 24.08.2006 № 516 «Об открытом акционерном обществе «Российская венчурная компания»;
- Постановление Правительства РФ от 4 мая 2005 года № 284 «О государственном учете результатов научно-исследовательских, опытноконструкторских и технологических работ гражданского назначения»;
- Постановление Правительства РФ об Инвестиционном фонде РФ и др.

Среди главных трендов правового регулирования ГЧП в России к 2023 году Национальный центр ГЧП выделяет²:

- Продление и запуск новых инструментов софинансирования проектов в сфере ГЧП.
- Приоритизация отраслей ввиду ограниченности бюджетов. На первый план выходят проекты с достаточной коммерческой составляющей (парки развлечений, культурно-досуговые центры, спортивные и туристические объекты и т.п.).
- Баланс между контролем бюджетных рисков и запуском проектов. Публичный партнер, прежде всего, как главный интересант создания инфраструктурного проекта всё больше обеспечивает соответствующее возмещение части понесенных затрат – роста ключевой ставки, себестоимости строительства, секвестр бюджета, которые являются непредвидимыми факторами и могут возникнуть на любой стадии реализации проекта.
- Усиление роли государства в проектах ГЧП. В России всё больше регистрируется случаев, когда концессионерами становятся компании, учрежденными органами власти и региональными корпорациями развития.
- Повышение роли ГЧП в промышленной и технологической сферах. В 2023 году постановлением Правительства РФ №603 от 15.04.2023 г.³ определены приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономик РФ, а также принята Концепция технологического развития РФ до 2030 года⁴. Минэкономразвития России совместно с Минпромторгом России прорабатывают возможность расширения механизма ГЧП на промышленные объекты, одно из положений законопроекта будет касаться реконструкции промышленных объектов, находящихся в частной собственности⁵.

¹ Лысенко Е.В. Возникновение и становление института государственно-частного партнерства в российском законодательстве / Политико-правовые аспекты в свете современных научных исследований: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 мая 2017. – г. Новосибирск: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. С. 39-44

² Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года: аналитический дайджест. – Национальный центр ГЧП при поддержке ВЭБ.РФ. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/b0f/b0fcbdbe6927a5b75f7526d86642cf47.pdf> (дата обращения: 09.02.2025)

³ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам: постановление правительства РФ от 15 апреля 2023 г. N 603 (ред. от 06.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 47 ст. 7110. 18 ноября 2024 г.

⁴ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. N 1315-р (ред. от 21.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. N 44, ст. 6677. 21 октября 2024 г.

⁵ Закон о ГЧП намерены расширить для критически важных отраслей промышленности // ТАСС. 29 ноября 2023 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19415287> (дата обращения: 10.02.2025)

В рамках стратегической сессии Правительства РФ предложено установить единую норму финансовой поддержки крупных проектов в сфере технологического суверенитета для обеспечения окупаемости вложений инвесторов. В этой связи Минэкономразвития России готовит изменения в федеральный закон о ГЧП, согласно которому планируется предусмотреть фиксированный уровень доходности и условия по выпуску и поставке промышленной продукции¹.

Таким образом, правовая база ГЧП на федеральном уровне не «законсервировалась» с принятием отраслевого федерального закона №224, а наоборот, расширяется и совершенствуется, отвечая на современные вызовы и задачи государства.

Развитие ГЧП в регионах России идет неравномерно. Необходимо признать, что важную роль в развитии данных проектов в субъектах Российской Федерации играет политическая воля государственных органов власти и высших должностных лиц (в том числе, федерального уровня), а также наличие реальной нацеленности и желания органов власти привлекать частных инвесторов к оказанию услуг в различных отраслях.

Так, в рамках рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню развития сферы государственно-частного партнерства за 2023 г.², опубликованного на сайте Минэкономразвития России, отмечается, что наиболее высокий уровень в сфере ГЧП зафиксирован в субъектах Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов, а наименьший. Лидерами рейтинга, как правило, выступают регионы, не имеющие серьезных финансовых проблем и способные привлечь частных инвесторов и коммерческие банки для реализации проектов в сфере ГЧП.

Лидеры рейтинга обладают существенными преимуществами по сравнению с остальными участниками. У них уже накоплен большой опыт успешной реализации проектов ГЧП, а нормативно-правовое обеспечение этой сферы деятельности характеризуется наличием более развитых правовых инструментов, способных устранить ограничения, возникающие в ходе реализации проектов. Например, в регионах-лидерах существуют правила принятия решений о заключении соглашений о ГЧП на срок, превышающий срок действия утвержденных лимитов бюджетных обязательств.

Институциональная среда в данных регионах находится на более высоком уровне развития, что, в частности, характеризуется наличием уполномоченных органов в сфере ГЧП и/или специализированных структур, ответственных за сопровождение проектов, а также наличием специалистов, которые имеют соответствующую квалификацию. Механизмы ГЧП в регионах — лидерах рейтинга учитываются в региональных документах целеполагания. Помимо этого, отмечается наличие специализированных информационных ресурсов в сфере ГЧП, для которых в открытом доступе публикуется список реализуемых проектов и перечень объектов, в отношении которых планируется заключение соглашения о ГЧП.

Еще одно существенное преимущество регионов-лидеров – возможность предоставления налоговых льгот и иных мер поддержки частным партнерам. Таким образом, данные регионы, учитывая их высокую финансовую самостоятельность, как раз могут стать драйверами регионального экономического роста и способны взаимодействовать посредством создания крупных экономических агломераций на уровне регионов.

Большая часть проектов на региональном уровне реализуется в сфере социальной и коммунальной инфраструктуры. Обращает на себя внимание тот факт, что за последнее время серьезно выросло количество отраслей, в рамках которых реализуются проекты ГЧП. Региональные органы власти перенимают опыт структурирования проектов ГЧП федерального уровня в отрасли автомобильных дорог, что объясняется высокой потребностью в развитии региональной дорожной инфраструктуры.

Принятие пакета законов о государственно-частном партнерстве на федеральном уровне в 2015 г., в котором были определены основные принципы ГЧП, позволило снять ограничения на развитие ГЧП в регионах, связанные с неопределенностью рисков для всех участников партнерства. В то же время, федеральный закон о ГЧП создал стимулы для регионов к принятию следующих нормативно-правовых актов³:

- требования к порядку проведения, предмету и результатам общественного обсуждения решений органов власти субъектов Российской Федерации по заключению соглашений о ГЧП;
- порядок подготовки соглашений о ГЧП, публичным партнером в которых выступает субъект Российской Федерации;

¹ Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию о крупных проектах технологического суверенитета // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. 24 октября 2023 г. URL: <http://government.ru/news/49869/> (дата обращения: 10.02.2025)

² Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства за 2023 год. – Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/81ecb4b3ed1952d358c2d3396c21b9fc/reiting_gchp_2023.pdf (дата обращения: 10.02.2025)

³ Золотарева А.Б., Киреева А.В. Существующие модели ГЧП в социальной сфере // Российское предпринимательство. 2015. № 23. С. 4271–4280.

- порядок определения процедуры принятия решения о реализации соглашения о ГЧП, публичным партнером в котором выступает субъект Федерации;
- процедуры проведения конкурса на право заключения соглашения о ГЧП, в котором публичным партнером выступает субъект Федерации и др..

Следует отметить, что далеко не все субъекты РФ приняли данные нормативные документы, следовательно, последний «переходный» 2025 год будет полон решений на этот счет со стороны исполнительных органов власти регионов.

Анализируя региональную практику в части реализации стратегически важных ГЧП-проектов, следует выделить такой региональный институт развития ГЧП, как региональные и макрорегиональные корпорации развития. Они созданы при региональных органах власти с целью привлечения инвестиций, сопровождения инвестиционных проектов и развития ГЧП на территории регионов. С целью сопровождения инвестиционных проектов данные организации, как правило, взаимодействуют с инвесторами и органами исполнительной власти по принципу «одного окна»¹.

Особо важным представляется развитие инфраструктуры в слабоосвоенных районах, где инфраструктура становится драйвером хозяйственного освоения. Одним из таких районов является Дальний Восток. Особенно активно тема развития инфраструктуры на Дальнем Востоке стала подниматься в последние годы, и не последнюю роль здесь играет использование механизмов ГЧП. Так, в сентябре 2021 г. была запущена программа «дальневосточной концессии», в рамках которой государство компенсирует инвесторам до 100% стоимости инфраструктурного объекта в первые 10–20 лет его эксплуатации.

Дальневосточный федеральный округ приводится в качестве примера в рамках настоящей курсовой работы неслучайно. Стратегия пространственного развития России до 2025 года» закрепила за Дальним Востоком статус геостратегической территории, а во многих госпрограммах ему уделяются отдельные разделы. Это показывает особое внимание федеральных органов власти к развитию Дальнего Востока, включая как освоение его природных ресурсов, так и активизацию экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

В таких условиях возрастает потребность в соответствующей инфраструктуре, нехватка которой может стать фактором, ограничивающим общее экономическое развитие, и можно предположить, что частный капитал будет активнее привлекаться к созданию инфраструктуры, чем в других частях страны.

Согласно Закону Приморского края от 10.05.2006г. № 354-КЗ «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Приморском крае»², установлены следующие меры государственной поддержки инвестиционной деятельности:

- Финансовая поддержка.
- Имущественная поддержка.
- Организационное и информационное обеспечение.

Примечательно, что региональный закон распространяется и на иностранных инвесторов с учетом особенностей, установленных федеральным законодательством об иностранных инвестициях и ГЧП.

Финансовая и имущественная поддержка инвестиционной деятельности в Приморском крае предоставляется при условии соответствия инвестиционного проекта приоритетным направлениям развития Приморского края, определенным Стратегией социально-экономического развития Приморского края и Инвестиционной стратегией Приморского края. Законодательство региона предусматривает несколько высших приоритетов среди потенциальных проектов ГЧП³:

- Первый высший приоритет: развитие транспортной инфраструктуры, морских портов и приграничных территорий.
- Второй высший приоритет: газохимия и нефтехимия; судостроение и судоремонт; проекты рыбного хозяйства.
- Третий высший приоритет: проекты лесопромышленного и туристско-рекреационного комплексов, сельского хозяйства, добыча и обогащение полезных ископаемых.

Инвесторы проектов ГЧП в Приморском крае вправе получать одну или несколько форм поддержки инвестиционной деятельности, в частности:

- 1) получать налоговые льготы и государственные гарантии Приморского края по обеспечению возврата заемных денежных средств, привлекаемых для реализации проектов;
- 2) получать земельные участки для осуществления деятельности, предусмотренной соглашением о ГЧП, в том числе концессионным соглашением, в аренду без проведения торгов в соответствии с ч. 23,

¹ Куклинов М.Л., Югов В.В., Сабирова К.В. Региональная институциональная среда ГЧП: на примере Свердловской области / Сборник материалов Летней школы по институциональной и эволюционной экономике. Ханты-Мансийск, 2020. С. 118.

² О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Приморском крае: закон Приморского края от 10 мая 2006 г. N 354-КЗ (ред. От 03.04.2023) // Приморская газета. N26. 6 апреля 2023 г.

³ Государственно-частное партнерство / Инвестиционный портал Приморского края. URL: <https://invest.primorsky.ru/ru/ppp/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo/> (дата обращения: 10.02.2025)

ст. 39.6 Земельного кодекса Российской Федерации на льготных условиях. Арендная плата устанавливается в размере 0,1% кадастровой стоимости земельного участка в расчете на год;

3) получать организационное и информационное обеспечение в сфере ГЧП. Данная деятельность осуществляется органами исполнительной власти Приморского края, в том числе с привлечением специализированной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами.

Таким образом, правовое регулирование государственно-частного партнерства, как на федеральном уровне, так и на региональном, характеризуется разнообразием нормативно-правовых актов и отсутствием их унификации. Это объясняется тем, что исторической формой ГЧП в России являлась концессия, а все иные ее формы имплементировались в правовую систему государства только спустя время. Во второй главе мы проанализируем, к каким проблемам это привело, и какие перспективы правового регулирования в сфере ГЧП имеются на сегодняшний день.

По мнению авторитетных специалистов в области ГЧП, а именно В.Г. Варнавского и К.Ю. Ратникова, для успешного развития института ГЧП требуется фундамент – «добротное» правовое поле, которое пока в должной мере российскими законодателями обеспечено не полностью¹.

Так, Федеральный закон о ГЧП содержит ряд недостатков, которые негативно влияют на реализацию проектов государственно-частного партнерства. Прежде всего, при разработке федерального закона не была учтена специфика различных отраслей, в рамках которых утвержден перечень объектов соглашений. Отсутствие специфического регулирования ограничивает возможности развития различных механизмов государственно-частного партнерства, востребованных в социальной сфере.

В соответствии с данным федеральным законом объектом соглашения о ГЧП не может быть имущество, в отношении которого установлены принадлежность исключительно к государственной собственности или запрет на отчуждение в частную собственность. Данное условие ограничивает круг объектов партнерства и возможности использования ряда механизмов ГЧП.

Кроме того, обязательными элементами соглашения о ГЧП и концессионного соглашения являются строительство или реконструкция объекта, следовательно, за рамками закона остаются другие способы сотрудничества государства и частного сектора, в том числе текущий и капитальный ремонт объектов, аутсорсинг непрофильных функций государственных учреждений социальной сферы.

Федеральный закон о ГЧП ограничил возможности иностранных инвесторов в данной области. В соответствии с пунктом 5 статьи 3 Федерального закона частным партнером может быть только российское юридическое лицо, с которым заключено соглашение. При этом в рамках заключения концессионных соглашений российское законодательство не ограничивает участие иностранных инвесторов в проектах ГЧП.

Федеральным законом о ГЧП утвержден принцип справедливого распределения рисков и обязательств между сторонами соглашения. Однако в законе не представлено определение данного понятия. Риски публичного партнера, связанные с расходами бюджетных средств, оцениваются при проведении оценки эффективности проектов ГЧП. При этом риски частного партнера не принимаются во внимание, и велика вероятность того, что публичный партнер отдаст предпочтение проектам с минимальным риском для себя, не учитывая в равной степени риски частного партнера.

Как известно, механизм ГЧП существует для привлечения ресурсов частных компаний в те сферы, где государство действует неэффективно. Здравоохранение, коммунальное хозяйство, социальная инфраструктура, являющиеся наиболее популярными сферами для проектов ГЧП, зачастую не вполне финансово привлекательны. Между тем, сам Закон о ГЧП не основывается на том, что целью реализации проектов будет являться извлечение прибыли частным партнером. В противовес этому Закон о концессиях предусматривает широкие возможности для субсидирования частного субъекта, компенсации его затрат за счет привлечения бюджетных средств публичного партнера.

В Законе о ГЧП же содержится лишь пресловутое «объединение ресурсов», что, по нашему мнению, только декларирует деятельное участие публичного партнера в финансировании ГЧП проектов, а в действительности не позволяет сделать сотрудничество эффективным для частной стороны. Кроме того, федеральный закон №224 указанное понятие никак не конкретизирует, и вообще не устанавливает каким образом такое объединение должно происходить, что, по мнению многих исследователей института, является его существенным недостатком.

По мнению Ломовцевой О.А. и Герасименко О.А., развитие ГЧП в России тормозится рядом факторов, в том числе из-за отсутствия единого подхода к оценке эффективности проектов государственно-

¹ См., напр., Варнавский В. Г., Клименко А. В., Королев В. А. Государственно-частное партнерство. Теория и практика : учеб. пособ. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. 2010. 287 с. Ратников К. Ю. Реформа концессионного законодательства / Сборник статей Государственно-частное партнерство. Пути совершенствования законодательной базы. 2009. С. 58–71.

частного партнерства¹. Однако Минэкономразвития России утверждена методика оценки эффективности проектов государственно-частного и муниципально-частного партнерства². Методика содержит требования к построению финансовой модели, оценку финансовой эффективности проекта, оценку социально-экономического эффекта от реализации проекта и определение его сравнительного преимущества. Таким образом, в России на федеральном уровне сформирован единый подход к оценке эффективности проектов ГЧП. При этом в современной России остаются противоречия в отношении нормативно-правового регулирования государственно-частного партнерства³:

- 1) недостаточная развитость государственных институтов реализации проектов ГЧП;
- 2) У частных партнеров отсутствует энтузиазм к реализации проектов, в связи с перекалыванием на них ответственности за основные риски;
- 3) разногласия субъектов ГЧП относительно перспективных отраслей для реализации проектов ГЧП, особенно в отношении социальной сферы;
- 4) несоответствие регионального законодательства о ГЧП федеральному;
- 5) отсутствие специального режима налогообложения при выполнении соглашений о ГЧП;
- 6) сдерживание развития ГЧП за счет проведения проверок правоохранительными органами.

Справедливости ради, стоит отметить, что закон о ГЧП уже подвергся на первый взгляд незначительным, но все же принципиальным изменениям. Так, было устранено положение, обязывающее частного партнера, инициирующего проект ГЧП, уже в момент подачи заявки подтверждать соответствие всем требованиям, которые предъявляются Законом о ГЧП к частному партнеру. Указанное положение было неисполнимо на практике в связи с тем, что многие из необходимых к предъявлению документов могли быть получены частным партнером лишь после заключения соглашения или даже после непосредственного завершения проекта. Таким образом, поправка предусматривает, что не требуются документы и разрешения, получение которых возможно лишь после заключения соглашения, при непосредственной реализации проекта ГЧП или после его реализации. Кроме того, расширяется перечень объектов соглашений о ГЧП, сокращаются сроки процедур, необходимых для реализации проектов.

Одним из преимуществ анализируемого федерального закона является предоставление частным партнером независимой гарантии в объеме не менее, чем 5% объема прогнозируемого финансирования проекта. Таким образом, данное положение отсеивает недобросовестных участников. Кроме того, федеральными законами о ГЧП и о концессионных соглашениях регламентируются гарантии прав и законных интересов частного партнера. Например, в случае, внесения в законодательные акты изменений, приводящих к увеличению совокупной налоговой нагрузки на частного партнера (концессионера) или ухудшению его положения, публичный партнер (концедент) обязан принять меры, обеспечивающие окупаемость инвестиций частного партнера (концессионера). Публичный партнер обязан оказывать частному партнеру содействие в получении обязательных разрешений федеральных органов государственной власти для достижения целей соглашения. Дополнительной гарантией для частного партнера является срок соглашения о ГЧП не менее трех лет. Однако оба федеральных закона не устанавливают гарантий для частного партнера при возникновении форсмажорных событий.

Таким образом, принятие данного закона оказало положительное воздействие на функционирование института ГЧП, однако, ряд трудностей еще предстоит разрешить:

- остается открытым вопрос о сущности ГЧП и законодательном регулировании концессионных соглашений. Объекты ГЧП в законах о ГЧП и КС не совпадают, к примеру, автомобильные дороги не могут быть объектом ГЧП – только КС;
- только отечественная компания может выступать стороной ГЧП, что создает препятствия для иностранных компаний – им приходится создавать дочерние предприятия на территории России, либо руководствоваться КС, где такого ограничения нет, но не все отрасли могут выступать объектами соглашений;
- эффективность проекта рассчитывается, основываясь на подходе «одинаковая результативность при меньшей стоимости проекта», а не на «лучшей результативности при наивысшей стоимости»;
- недостаточно проработана методика расчета рисков, что может служить почвой для конфликтов сторон;
- само партнерство предполагает равенство сторон, однако государственная сторона защищена от рисков и имеет больше прав, нежели представители бизнеса. В нормах закона 224-ФЗ не содержится

¹ Ломовцева О.А., Герасименко О.А. Тенденции развития общественной инфраструктуры и механизмов государственно-частного партнерства в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: экономика, информатика. 2016. № 23. С. 43

² Об утверждении Методики оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества: приказ Министерства экономического развития РФ от 30 ноября 2015 г. N 894. Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 31 декабря 2015 г.

³ Егоров Е.В., Минина И.С. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в России и за рубежом // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. №68. С. 298-299.

информации об ответственности государственных органов и о праве частной стороны требования изменить сроки договора в случае несвоевременного/неоказания содействия частному партнеру. Напротив, в случае неисполнения частной стороной обязательств по договору, публичная сторона вправе выбрать нового партнера, минуя все конкурсные процедуры отбора.

Самостоятельный анализ нормативно-правовой базы ГЧП в Приморском крае, а также соответствующий анализ, проведенный исследователями в других регионах, дает понять, что в субъектах РФ комплексный нормативно-правовой акт, отвечающий федеральным требованиям, отсутствует, на региональном уровне, скорее принимаются законы и подзаконные акты, регулирующие не весь механизм ГЧП в регионе, а его отдельные элементы.

Пожалуй, главная из ключевых проблем в региональном законодательстве о ГЧП – наличие рисков противоречия федеральным законам. В конце 2000-х – начале 2010-х гг. регионы самостоятельно наращивали законодательную базу в данной сфере, несмотря на то, что федеральный закон еще не был принят. Теперь же, с принятием закона, региональные проекты оказались в подвешенном состоянии: функционирование института ГЧП возможно только без противоречия норм федеральному законодательству, а поскольку у регионов не было федерального ориентира, таких противоречий предостаточно. Некоторые регионы уже успешно справились с этой проблемой, но в большинстве своем принятые на местах правовые документы носят фактически декоративный характер.

Несовершенство законодательства в сфере ГЧП на региональном уровне препятствует участию субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в локальных проектах. Большое количество потенциальных инвесторов используют упрощенную систему налогообложения, а в случае заключения ГЧП-соглашений они будут вынуждены перейти на общую систему, что сразу скажется на росте налоговой нагрузки. Участие малого и среднего бизнеса в ГЧП маловероятно, поскольку он не вписывается в рамки стоимости проектов ГЧП. К тому же субъекты МСП в основном занимаются торговлей и услугами для населения.

В России в целом низкая доля частного сектора в структуре ВВП, по сравнению с другими развитыми и развивающимися странами, активно использующими ГЧП, а также значительное число естественных монополий в таких сферах, как транспортная инфраструктура, связь и коммуникации, ИТ, что существенно ограничивает частных участников проектов ГЧП. К тому же доминирование крупных государственных институтов на рынке ГЧП является одним из основных финансовых рисков для данного механизма.

Поэтому при реализации части проектов ГЧП в роли частного партнера выступают либо квазигосударственные организации, либо организации, аффилированные с крупными государственными компаниями. В результате реализация подобных проектов косвенно накладывает дополнительную нагрузку на бюджетную систему регионов. Более того, в отдельных случаях частный партнер не имеет собственные финансовые ресурсы и реализует проект с помощью субсидии, полученной из соответствующего регионального бюджета.

Для привлечения частных инвесторов некоторым субъектам РФ требуется разработать систему мер стимулирования и поддержки частного бизнеса, намеренного реализовывать проекты ГЧП в регионе. В частности, речь идет о создании льготных режимов налогообложения, льготном подключении к инженерным коммуникациям и нивелировании рисков изменения условий реализации проекта. Сегодня субъекты Российской Федерации обладают достаточно ограниченным набором подобных стимулирующих инструментов.

Для развития проектов ГЧП в регионах следует адаптировать проектные требования для крупных квазигосударственных организаций, переложив на них, например, обязательства по структурированию проекта, консультированию участников, сопровождению реализации проекта и т.п. Участие указанных организаций позволит снизить финансовую нагрузку на частную и публичную сторону по транзакционным и сопутствующим издержкам, а также будет преимуществом в тех сферах, где данные организации являются монополистами и имеют существенный опыт своей проектной деятельности (железнодорожная и информационная инфраструктура, образование и здравоохранение, экология и пр.).

Важным институциональным фактором, который серьезно ограничивает развитие ГЧП в России на региональном уровне, является отсутствие «длинных» денег и дефицит собственных средств у частных инвесторов. Большинство проектов ГЧП имеют контрактный срок от 15 до 30 лет, а некоторые длятся дольше 30 лет. Подход «на всю жизнь», лежащий в основе ГЧП-проектов, учитывающий затраты на весь период проекта и выгоды после его реализации, максимизирует эффективность предоставления услуг. Вместе с тем сложности с долгосрочным финансированием зачастую вынуждают частный бизнес отказываться от участия в проектах ГЧП и инвестировать в альтернативные финансовые инструменты.

Также серьезными ограничительными факторами для развития взаимодействия государства и частного сектора являются доступность кредитов и ограниченность применения других финансовых инструментов (в частности, инфраструктурных облигаций, «зеленых» облигаций, облигаций социального воздействия). В российской практике круг банков, способных предоставить финансирование в необходимых объемах и на требуемых условиях, крайне узок

К тому же требования к прямым вложениям институтов развития (к рентабельности, стоимости проекта и пр.) в ГЧП-проекты являются завышенными. Так, минимальная стоимость проектов, финансируемых Газпромбанком, составляет 1 млрд руб., при этом инвестор должен профинансировать не менее 20% от стоимости проекта. Помимо этого, данный банк требует, чтобы у потенциального участника ГЧП был опыт проектирования, строительства и реконструкции, что также не всегда применимо к МСП, которые проявляют большую заинтересованность в реализации относительно небольших ГЧП-проектов в области социальной и коммунальной сферы на региональном и муниципальном уровнях¹.

Для улучшения ситуации с финансированием ГЧП-проектов на региональном уровне требуются соответствующие меры со стороны финансовых органов страны по увеличению количества банков, предоставляющих кредиты частному инвестору для реализации проектов ГЧП, созданию синдикатов банков для увеличения объемов и сроков кредитования, развитию гарантийных и страховых механизмов. Отдельного внимания заслуживает вопрос создания механизмов субсидирования субъектов РФ для реализации проектов ГЧП и финансирования проектов с помощью классических инструментов: инфраструктурных облигаций, «зеленых» облигаций и облигаций социального воздействия.

Одной из рекомендаций Центра развития ГЧП является нормативное закрепление концептуальных основ развития ГЧП на региональном уровне². Зачастую, концептуальные аспекты развития сферы ГЧП в региональных законах прописаны фрагментарно; недостаточно освещены важные аспекты развития сферы ГЧП, что затрудняет реализацию и увеличивает стоимость отдельных проектов.

Переходя к перспективам правового регулирования ГЧП на региональном уровне, следует отметить, что за прошедшее время не все регионы в должной мере доработали положения своих законов до федеральных требований. До конца 2025 «переходного» года у них есть время исправить ряд важных упущений.

Это позволит расширить возможности частного партнёра в части получения таких преференций, как налоговые кредиты, мораторий на налоги и/или штрафы, инвестиции из государственного бюджета, субсидии, погашение затрат на разработку проектной и рабочей документации за счёт софинансирования и т.д. Также важно предусмотреть утвержденный открытый перечень критериев конкурса, что упростит взаимодействие предпринимателей с органами исполнительной власти. Партнёрство, нацеленное на предоставление лучших благ обществу, должно строиться на доверии партнёров и извлечении каждой стороной тех или иных выгод. Политика стимулирования частного партнёра у каждого региона страны своя и проявляется она в различных формах. С одной стороны, это могут быть налоговые и/или неналоговые льготы, с другой – механизмы минимизации затрат и рисков частного партнёра.

Например, в Ставропольском крае установлены налоговые льготы по уплате налогов на прибыль организаций для инвесторов – участников инвестиционных проектов (4,5 % на расчётный срок окупаемости, что закреплено инвестиционным проектом), инвесторов-участников особо значимых инвестиционных проектов (4,5 % при реализации проектов стоимостью более 1 млрд руб.), инвесторов – участников консолидированной группы налогоплательщиков (3,5 % при реализации проектов стоимостью 1–2 млрд руб.; 4,5 % при реализации проектов стоимостью более 3 млрд руб.)³. В Пензенской области также предусматриваются подобные формы государственной поддержки: налоговые льготы и бюджетные кредиты, льготы при аренде объектов недвижимости, которые находятся в собственности области, и др. По существу, это снижение ставки по налогу на имущество организаций на 0,5 % в срок фактической окупаемости проекта, снижение ставки по налогу на прибыль до 4 % в зависимости от доли выручки от реализации соответствующего инвестиционного проекта в общей сумме выручки от реализации товаров или услуг и др.⁴

Переходя к выводам практической части курсовой работы, следует отметить, что во многих регионах России наметились проблемы с разработкой адекватного регионального законодательства, отвечающего всем требованиям развития государственно-частного партнерства. В этой связи, необходимо создание единого федерального центра, дающего разъяснения по вопросам ГЧП регионам, аккумулирующего опыт правоприменительной практики, синхронизирующего нормы кодексов (гражданского, бюджетного и др.) с законодательством о ГЧП. Это позволило бы повысить компетентность нерешительных региональных чиновников и служило бы неким «руководством к действию» и «правовым защитником» для обеих сторон партнерства.

Таким образом, необходимо стимулировать проведение структурных реформ на региональном уровне благодаря увеличению количества секторов и видов экономической деятельности, использующих механизмы ГЧП. Поскольку в настоящее время наиболее актуальны вложения в человеческий капитал, то именно субъекты Российской Федерации могут обеспечить некий рывок в решении данной проблемы.

¹ Могучев Н.С., Хузина А.Ф. Особенности институциональной среды государственно-частного партнерства в России: региональный аспект // Мир новой экономики. 2020; № 14(4). С. 63.

² Закон о государственно-частном партнерстве: руководство по применению...

³ Об инвестиционной деятельности в Ставропольском крае: закон Ставропольского края от 01.10.2007 г. N 55-кз (ред. от 08.11.2024) // Ставропольская правда. N 125 (28187). 13 ноября 2024 г.

⁴ Куклинов М.Л., Югов В.В., Сабирова К.В. Указ соч. С. 123.

Правовое регулирование государственно-частного партнерства на федеральном и региональном уровнях характеризуется разнообразием нормативно-правовых актов и отсутствием их унификации. Это объясняется тем, что исторической формой ГЧП в России являлась концессия, а все иные ее формы имплементировались в правовую систему государства только спустя время.

С другой стороны, данный факт не дает правовой базе ГЧП «законсервироваться». Время показало оправданность создания большого переходного периода для регионов в 10 лет. За это время совершенствовались не только региональное законодательство в сфере ГЧП, но и федеральное.

В ходе проведенного исследования выявлены следующие правовые барьеры, препятствующие развитию ГЧП в нашей стране:

1) остается открытым вопрос о сущности ГЧП и законодательном регулировании концессионных соглашений. Объекты ГЧП в законах о ГЧП и концессионных не совпадают, хотя в теории данные понятия друг к другу относятся как общее и частное;

2) только отечественные компании могут выступать стороной ГЧП, что создает препятствия для иностранных компаний – им приходится создавать дочерние предприятия на территории России, либо становится участником концессионных соглашений, где такого ограничения нет, но не все отрасли могут выступать объектами соглашений;

3) эффективность проекта рассчитывается, основываясь на подходе «одинаковая результативность при меньшей стоимости проекта», а не на «лучшей результативности при наивысшей стоимости»;

4) недостаточно проработана методика расчета рисков, что может служить почвой для конфликтов сторон;

5) само партнерство предполагает равенство сторон, однако государственная сторона защищена от рисков и имеет больше прав, нежели представители бизнеса;

6) отсутствие прозрачности процедур ГЧП по причине бюрократизации властных структур.

Исследование показало, что во многих субъектах РФ наметились проблемы с разработкой адекватного регионального законодательства, отвечающего всем требованиям развития государственно-частного партнерства и федерального законодательства. В этой связи, необходимо создание единого федерального центра, дающего разъяснения по вопросам ГЧП регионам, аккумулирующего опыт правоприменительной практики, синхронизирующего нормы кодексов (гражданского, бюджетного и др.) с законодательством о ГЧП.

Также, по нашему мнению, необходимо стимулировать проведение структурных реформ на региональном уровне благодаря увеличению количества секторов и видов экономической деятельности, использующих механизмы ГЧП. Поскольку в настоящее время наиболее актуальны вложения в человеческий капитал, то именно субъекты Российской Федерации могут обеспечить рынок в решении данной проблемы.

Библиографический список:

1. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: фед. закон от 13.07.2015 N 224-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Российская газета. – N 277. – 5 декабря 2024 г.

2. О концессионных соглашениях: фед. закон от 21.07.2005 N 115-ФЗ (ред. от 30.11.2024 г.) // Российская газета. – N 277. – 5 декабря 2024 г.

3. Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам: постановление правительства РФ от 15 апреля 2023 г. N 603 (ред. от 06.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – N 47 ст. – 7110. – 18 ноября 2024 г.

4. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. N 1315-р (ред. от 21.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – N 44. – Ст. 6677. – 21 октября 2024 г.

5. Об утверждении Методики оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества: приказ Министерства экономического развития РФ от 30 ноября 2015 г. N 894. – Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – 31 декабря 2015 г.

6. Об инвестиционной деятельности в Ставропольском крае: закон Ставропольского края от 01.10.2007 г. N 55-кз (ред. от 08.11.2024) // Ставропольская правда. – N 125 (28187). – 13 ноября 2024 г.

7. О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Приморском крае: закон Приморского края от 10 мая 2006 г. N 354-КЗ (ред. от 03.04.2023) // Приморская газета. – N 26. – 6 апреля 2023 г.

8. Закон о государственно-частном партнерстве: руководство по применению / Специальное издание к Международному инвестиционному форуму «Сочи-2015». – Ассоциация «Центр развития ГЧП», Минэкономразвития России. – Режим доступа: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/c59/c5981d264ceffbc7546219313cbd85b0.pdf>

9. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. – М.: ИМЭМО РАН. – 2009 – 312 с.

10. Зойдов К. Х., Медков А. А., Зойдов З. К. Государственно-частное партнерство – основа инновационного развития и безопасности транзитной экономики : монография. – М.: Экономическое образование. – 2017. – 519 с.
11. Киселева А. М., Бреусова А. Г., Самодинский К. А. Государственно-частное партнерство как инструмент развития региональной кластерной политики. – Омск: Изд-во ОмГУ. – 2020. – 323 с.
12. Макаров И. Н. Государственно-частное партнерство в управлении развитием региона: институты, механизм реализации, анализ эффективности. / Монография. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. – 2015. – 212 с.
13. Борщевский Г. А. Государственно-частное партнерство: учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт. – 2025. – 314 с.
14. Варнавский В. Г., Клименко А. В., Королев В. А. Государственно-частное партнерство. Теория и практика : учеб. пособ. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики. – 2010. – 287 с.
15. Гаренко А. И. Последствия принятия в России закона о государственно-частном партнерстве / Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации. – Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. – Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение». – 2017. – С. 289-292.
16. Егоров Е. В., Минина И. С. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в России и за рубежом // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 68. – С. 294-311.
17. Золотарева А. Б., Киреева А. В. Существующие модели ГЧП в социальной сфере // Российское предпринимательство. – 2015. – № 23. – С. 4271-4280.
18. Исаакян И. Р. Институциональная среда как условие развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации на региональном уровне // Государственно-частное партнерство в сфере транспорта: модели и опыт – 2019 : V ежегодная научная конференция. – Санкт-Петербург. – 2019. – С. 35-43.
19. Куклинов М. Л., Югов В. В., Сабирова К. В. Региональная институциональная среда ГЧП: на примере Свердловской области / Сборник материалов Летней школы по институциональной и эволюционной экономике. – Ханты-Мансийск. – 2020. – С. 107-132.
20. Ломовцева О. А., Герасименко О. А. Тенденции развития общественной инфраструктуры и механизмов государственно-частного партнерства в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: экономика, информатика. – 2016. – № 23. – С. 40-4.7
21. Лысенко Е. В. Возникновение и становление института государственно-частного партнерства в российском законодательстве / Политико-правовые аспекты в свете современных научных исследований: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 мая 2017. – г. Новосибирск: Научно-издательский центр «Открытое знание». – 2017. – С. 39-44
22. Могучев Н. С., Хузина А. Ф. Особенности институциональной среды государственно-частного партнерства в России: региональный аспект // Мир новой экономики. – 2020. – № 14(4). – С. 63.
23. Ратников К. Ю. Реформа концессионного законодательства / Сборник статей Государственно-частное партнерство. Пути совершенствования законодательной базы. – 2009. – С. 58-71.
24. Закон о ГЧП намерены расширить для критически важных отраслей промышленности // ТАСС. – 29 ноября 2023 г. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/19415287>.
25. Инвестиционный портал Приморского края. Режим доступа: <https://invest.primorsky.ru/ru/ppp/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo/>.
26. Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию о крупных проектах технологического суверенитета // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – 24 октября 2023 г. – Режим доступа: <http://government.ru/news/49869/>.
27. Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года: аналитический дайджест. – Национальный центр ГЧП при поддержке ВЭБ.РФ. – Режим доступа: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/b0f/b0fcbdbe6927a5b75f7526d86642cf47.pdf>
28. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства за 2023 год. – Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/81ecb4b3ed1952d358c2d3396c21b9fc/reiting_gchp_2023.pdf

ГРОШЕВ НИКИТА АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Тихоокеанский государственный университет, Россия.

Д.Н. Артёмов, Н.Д. Зуева

АУДИТОРСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА

В условиях стремительного развития цифровых технологий малый бизнес сталкивается с необходимостью эффективного управления маркетинговыми стратегиями. В данной статье рассматривается аудиторский анализ как основной инструмент оценки эффективности цифровых маркетинговых кампаний в рамках малого бизнеса. Основной акцент сделан на методиках аудита, включая анализ источников трафика, ROI и других метрик. Также в статье анализируются практические примеры реализации аудиторского подхода, выявляются преимущества и ограничения метода для предприятий с ограниченными ресурсами.

Ключевые слова: аудиторский анализ, цифровой маркетинг, малый бизнес, стратегия, метрики маркетинга, ROI, конверсия трафика.

В современном мире, где цифровые технологии проникают во все сферы бизнеса, эффективное управление маркетинговыми стратегиями становится ключевым фактором успеха предприятий, особенно для малого бизнеса. Стремительное развитие интернета, социальных сетей и аналитических платформ привело к созданию разнообразных инструментов цифрового маркетинга, таких как SEO, контент-маркетинг, SMM и др. Однако малый бизнес часто сталкивается с ограниченными ресурсами, например, бюджетом, временем и квалифицированными специалистами. Отсутствие системного подхода к оценке эффективности маркетинговых стратегий приводит к нерациональному распределению средств, где значительная часть инвестиций может оказаться бесполезной [9, с. 21].

Аудиторский анализ, как методологический инструмент, позволяет объективно оценивать результаты цифровых маркетинговых кампаний путем анализа метрик. В текущих экономических условиях актуальность такого анализа возросла. Малый бизнес нуждается в быстрой адаптации, чтобы выживать в конкурентной среде. Согласно статистике, компании, внедряющие регулярный аудит маркетинга, могут увеличить эффективность кампаний на 20-50%, что напрямую сказывается на прибыли [7, с. 312].

В российской практике, где малый бизнес составляет около 20% ВВП (по данным Росстата на 2024 г.), проблема еще острее из-за фрагментированного рынка и низкой цифровой грамотности предпринимателей [17]. Многие владельцы малого бизнеса полагаются на интуицию или базовые отчеты, игнорируя глубокий анализ, что приводит к перерасходам на неэффективные каналы, высоким оттокам клиентов и недостижению целей роста. Аудиторский анализ способствует минимизации рисков и оптимизации бюджета [10, с. 81].

Аудиторский анализ (маркетинговый аудит) – инструмент оценки эффективности цифровых маркетинговых стратегий малого бизнеса, который включает исследование ключевых метрик. В отличие от простого мониторинга, он предполагает глубокий сравнительный анализ, интеграцию данных из различных платформ и предоставление рекомендаций по корректировке стратегии [3, с. 74].

Цель аудиторского анализа – помочь малому бизнесу, работающему в условиях ограниченных ресурсов, максимизировать отдачу от маркетинговых инвестиций, минимизировать риски и адаптироваться к быстро меняющимся трендам цифрового мира [6, с. 188].

С помощью аудита можно следующее (рис. 1).

Процесс аудиторского анализа включает несколько этапов:

1) собираются данные о маркетинговых стратегиях, целях, бренде, целевой аудитории, конкурентах. Информацию можно получить из внутренних и внешних источников, таких как отчёты, статистика, исследования, а также интервью с ключевыми сотрудниками;

2) анализируются все собранные данные, проводится оценка текущей маркетинговой стратегии и деятельности;

3) на основе анализа выявляются проблемы и потенциальные возможности для улучшения маркетинговой деятельности;

4) на основе выявленных проблем и возможностей разрабатываются рекомендации по улучшению маркетинговой эффективности;

5) после разработки рекомендаций их необходимо реализовать и контролировать результаты. Контроль позволяет определить, насколько успешными были изменения, и внести корректировки при необходимости [11, с. 10].

Рис. 1. Возможности аудита в маркетинге [12, с. 28]

Аудиторский анализ, рассматриваемый в данной статье в качестве основного инструмента оценки эффективности цифровых маркетинговых кампаний, подразумевает систематическую методологию, направленную на выявление потенциалов улучшения и снижения рисков. Основной акцент делается на детализированных методиках аудита, таких как анализ источников трафика, расчет возврата на инвестиции и оценка иных ключевых метрик, что позволяет предпринимателям малого бизнеса, принимать обоснованные управленческие решения для оптимизации маркетинговых стратегий. Процесс аудита организуется путем последовательного прохождения этапов, включая подготовку, сбор эмпирических данных, аналитическую обработку и разработку рекомендаций, при этом интеграция количественных и качественных показателей обеспечивает объективность результата [1, с. 33].

Одной из центральных методик выступает анализ источников трафика, который фокусируется на оценке происхождения и характеристик посетителей цифровых платформ. Этот подход подразумевает использование специализированных аналитических инструментов, таких как Google Analytics или Yandex.Metrica, для сегментации трафика по каналам, включая реферальный трафик, платный поиск, органический поиск, социальные сети и прямые переходы. Ключевые метрики, анализируемые в рамках

данной методики, включают долю трафика по источнику в процентном выражении, уровень отказов, определяемый как процент посетителей, не взаимодействующих с контентом, а также среднюю продолжительность сессий [2, с. 15].

Процедура реализации заключается в агрегации данных за репрезентативный период, например 6 месяцев, последующей категоризацией и сравнением показателей с затратами на соответствующие каналы, что позволяет идентифицировать неэффективные источники и оптимизировать бюджет. В рамках малого бизнеса, например, для предприятий розничной торговли, такая методика часто выявляет дисбалансы, где органический трафик доминирует, но не конвертируется в продажи, побуждая к перераспределению ресурсов на поисковую оптимизацию или коррекцию целевой аудитории, тем самым повышая общую эффективность до 30-40% [4, с. 102].

Далее, анализ возврата на инвестиции представляет собой финансово-ориентированную методику, предназначенную для количественной оценки прибыльности маркетинговых кампаний путем сопоставления доходов и расходов. Данная методика опирается на интеграцию данных из систем управления взаимоотношениями с клиентами, таких как CRM-платформы, и рекламных инструментов, что обеспечивает расчет формулы ROI как отношения чистой прибыли к затратам, выраженного в процентах [16, с. 363].

Модели атрибуции, включая последний клик или множественные касания, применяются для точного распределения доходов по каналам, позволяя определить, превышает ли уровень ROI ста процентов для индикации прибыльности. Этапы данной методики включают детализированную инвентаризацию издержек, связанных с рекламой, контентом и техническими средствами, последующий расчет доходов от реализованных конверсий и сравнительный анализ по сегментам. В практическом применении к малому бизнесу, такому как услуги доставки, анализ ROI может продемонстрировать превосходство платного поиска над рассылками, оправдывая стратегические сдвиги и способствуя росту маржинальной прибыли на 15-25% [5, с. 110].

Анализ иных ключевых метрик дополняет вышеуказанные методики, обеспечивая всестороннюю оценку эффективности цифровых кампаний. Здесь внимание уделяется показателям конверсии, определяемым как доля посетителей, выполнивших целевое действие, такому как покупка или регистрация, а также стоимости привлечения клиента, рассчитываемой как отношение маркетинговых затрат к числу новых клиентов [14, с. 99].

Дополнительно оцениваются метрики, связанные с устойчивостью аудитории, включая индекс лояльности или частоту повторных покупок, что требует интеграции данных из аналитических систем и внешних источников, таких как опросы или ретроанализ. Процесс включает установление базовых значений, сравнение с отраслевыми стандартами и выявление корреляций, например, между конверсией и качеством трафика. В условиях малого бизнеса, эта методика позволяет выявлять скрытые резервы, такие как оптимизация мобильной версии сайта или персонализация контента, способствуя долгосрочному приросту эффективности маркетинговых стратегий [15, с. 306].

Рассмотрим кейс малого кафе «Кофе и Книги» в Москве, которое управляется семейной парой с бюджетом на маркетинг около 10 тыс. руб. ежемесячно и двумя сотрудниками, включая бармена. В рамках аудиторского анализа владельцы использовали бесплатную версию Google Analytics для оценки трафика своего сайта и аккаунтов в соц. сетях, выявив, что органический поисковый трафик составляет 40 %, но конверсия в заказы через приложение доставки падает из-за несоответствия ожиданиям клиентов. Методика расчета ROI показала, что инвестиции в таргетированную рекламу принесли возврат на уровне 120 %, в то время как партнерства с блогерами оказались невыгодными с отрицательным ROI в 20 %. На основе этих данных кафе переориентировало усилия на оптимизацию SEO и контента в соцсетях, что привело к росту ежемесячной выручки на 30 % за полгода. Этот пример подчеркивает преимущества метода для предприятий сферы малого бизнеса: доступность бесплатных инструментов, быстрая внедрения без необходимости в IT-специалистах и возможность получения конкретных рекомендаций для корректировки стратегии, что позволяет малым бизнесам конкурировать на рынке без крупных вложений. Однако ограничения проявляются в зависимости от точности данных, где ошибки в настройке треккодов могут исказить результаты, а также в отсутствии аналитической экспертизы, приводящей к необходимости нанимать внешних консультантов или тратить время на самообучение, что замедляет темпы анализа в условиях рутинной операционной работы [13, с. 5].

Второй пример связан с небольшим онлайн-магазином «Русские Сувениры» из Санкт-Петербурга, специализирующемся на продаже handmade товаров с годовым оборотом около 500 тыс. руб. и штатом из трех человек, включая оператора интернет-магазина. Аудит включал анализ ключевых метрик с использованием Yandex.Metrica и отчетов из Google Ads, где выявилось, что мобильный трафик составлял 60%, но низкая скорость загрузки страниц приводит к отказам на уровне 75%. Расчет стоимости привлечения клиента показал превышение маржи на 40% для рекламы в Яндекс.Директ, что потребовало перераспределения бюджета на техническую оптимизацию сайта с помощью бесплатных плагинов WordPress. Результатом стало повышение конверсии на 50% и увеличение продаж на 35% за квартал [8, с. 205].

Преимущества аудиторского подхода для такого предприятия заключаются в его экономичности, позволяющей анализировать кампании без подписок на премиум-инструменты, и в предоставлении обоснованных данных для принятия решений, что помогает оптимизировать маркетинговый бюджет и улучшить клиентский опыт. Ограничения, тем не менее, включают временные затраты на ручной сбор данных и их анализ, что для ресурсоограниченных компаний отвлекает от основных бизнес-процессов, а также риск ошибки из-за непостоянства алгоритмов платформ, таких как изменения в ранжировании поисковых систем, делающих результаты анализа менее предсказуемыми и требующими регулярных обновлений.

Таким образом, аудиторский анализ цифровых маркетинговых кампаний представляет собой неотъемлемый инструмент для российского малого бизнеса, позволяющий преодолеть проблемы. В условиях, где малый бизнес формирует около 20% ВВП и сталкивается с высокой конкуренцией, систематическое применение методик обеспечивает объективную оценку эффективности стратегий и способствует росту прибыли на 20-50%. Рассмотренные практические примеры кафе «Кофе и Книги» и онлайн-магазина «Русские Сувениры» подтверждают, что даже с использованием бесплатных инструментов и минимальным штатом возможно оптимизировать трафик, конверсии и бюджет, достигая прироста выручки на 30-50% за короткий период.

Библиографический список:

1. Алексеев И.В. Формирование понятия интернет-маркетинг / И.В. Алексеев // Актуальные проблемы развития общества, экономики и права сборник научных статей молодых преподавателей и аспирантов. - 2018. - №12. - С. 33-39.
2. Бейкер, М. Дж. Маркетинговая стратегия и управление / М. Дж. Бейкер. – Макмиллан, 2020. – 344 с.
3. Бурыкин Е.С., Мушкетова Н.С. Направления развития маркетинговой деятельности малых и средних предприятий: особенности трансформации / Е.С. Бурыкин // Вестник Московского финансово-юридического университета. - 2020. - № 25 (54). - С. 74-85.
4. Векшинский А.А., Тывин Л.Ф. Интернет-маркетинг как новое направление в современной концепции маркетинга взаимодействия / А.А. Векшинский // Журнал технико-технологические проблемы сервиса. - 2020. - № 2 (20). - С. 102-108.
5. Голубков Е.П. Основы маркетинга / Е.П. Голубков. – М.: Финпресс, 2022. – 433 с.
6. Гришкина Ю.Э. Ключевые инструменты цифрового маркетинга на онлайн-платформе / Ю.Э. Гришкина // Хроноэкономика. - 2019. - № 2(15). - С. 188-194.
7. Данько, Т. П., Клейнер, Г. Б. Маркетинг и стратегическое развитие компании / Т. П. Данько, Г. Б. Клейнер. – М.: Экономика, 2016. – 416 с.
8. Кингснорт С. Стратегия цифрового маркетинга. Интегрированный подход к онлайн-маркетингу. Руководство / С. Кингснорт. - М.: Издательско-торговая корпорация «Олимп-Бизнес», 2019. - 416 с.
9. Петрова, А. А., Романова, И. А. Контент-маркетинг как инструмент привлечения клиентов малых предприятий / А. А. Петрова, И. А. Романова // Журнал маркетинга. – 2022. – № 4. – С. 21-30.
10. Соловьев В.А., Дрыночкин А.В. Управление маркетинговым процессом / В.А. Соловьев. – М.: Восток-Запад, 2020. – 451 с.
11. Тюрин Д.В. Маркетинговый аудит как средство повышения результативности маркетинга компании / Д.В. Тюрин // Менеджмент сегодня. - 2021. - №6. - С. 10-15.
12. Уилсон О. Аудит маркетинга / Пер. с англ. О. Теплых. – Днепропетровск: Баланс-Клуб, 2023. – 233 с.
13. Шкардун В.Д. Исполнители маркетингового аудита / В.Д. Шкардун // Маркетинг и маркетинговые исследования. - 2023. - №2. – С. 5-9.
14. Brownlie D. Marketing audits and auditing: diagnosis through intervention / D. Brownlie // Journal of Marketing Management. – 2024. - Vol. 12 (1-3). - pp. 99-112.
15. Enis B.M., Garfein S.J. Computer driven marketing audit: an interactive approach to strategy development / B.M. Enis // Journal of Management Inquiry. – 2025. - Vol. 1(4). - pp. 306-317.
16. Morgan N.A., Clark V.H., Gooner R. Marketing productivity, marketing audits and systems for marketing performance assessment: integrating multiple perspectives / N.A. Morgan // Journal of Business Research. – 2023. - Vol. 55(5). - pp. 363-375.
17. Росстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssl.rosstat.gov.ru/>, свободный. – Дата обращения: 05.10.2025.

АРТЁМОВ ДЕНИС НИКОЛАЕВИЧ – магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия

ЗУЕВА НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА – магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия

Р.Р. Марданов

ИНСТРУМЕНТЫ ОЦЕНКИ ЗАМЕНЫ ОБОРУДОВАНИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ И ПРОЦЕСС РОСТА ОБЪЕМОВ ПРОИЗВОДСТВА

В данной статье представлена характеристика инструментов оценки замены оборудования на производстве, включая технический и финансовый анализ, а также рассмотрены методы ранжирования оборудования по критериям и весам для приоритизации. Далее обсуждается планирование роста объемов производства: анализ текущего состояния (теоретическая, практическая и эффективная мощность), постановка SMART-целей, формирование этапов (подготовка, реализация, запуск), оптимизация ресурсов и оценка рисков. Статья включает систематизированный обзор методов планирования (балансовый, технический расчётный и расчётно-аналитический).

Ключевые слова: замена, модернизация, производство, инструменты оценки, увеличение производства, оборудование, износ, техническое состояние.

Инструменты оценки замены оборудования на производстве. В целях проведения оценки целесообразности замены производственного оборудования и расширения объемов выпуска продукции применяются разнообразные аналитические инструменты, интегрирующие анализ технического состояния оборудования, экономической эффективности и операционных требований предприятия.

1) Анализ технического состояния оборудования является фундаментальным этапом оценки, позволяющим определить степень его пригодности к дальнейшей эксплуатации и необходимость модернизации или полной замены. Данный анализ включает оценку различных параметров, таких как физический и моральный износ, надежность, энергоэффективность, безопасность эксплуатации и точность работы. Каждая из этих характеристик анализируется с учетом специфики технологического процесса, нормативных требований и целей предприятия.

- физический и моральный износ. Физический износ отражает механическое старение оборудования, проявляющееся в износе деталей, коррозии и снижении производительности. Моральный износ связан с устареванием технологий, когда оборудование не соответствует современным стандартам эффективности или требованиям рынка. Оценка проводится путем сравнения текущих характеристик с первоначальными паспортными данными и аналогичными моделями на рынке;

- надежность. Этот параметр характеризует вероятность безотказной работы оборудования в заданных условиях. Анализ включает расчет показателей, таких как среднее время наработки на отказ (MTBF) и коэффициент готовности, что позволяет прогнозировать частоту сбоев и планировать профилактические мероприятия;

- энергоэффективность. Оценивается уровень потребления энергии на единицу продукции, с учетом современных норм энергоэффективности и потенциала для снижения затрат. Анализ включает сравнение с энергосберегающими аналогами и расчет экономии ресурсов при замене;

- безопасность эксплуатации. Проверяется соответствие оборудования требованиям охраны труда, экологическим нормам и стандартам безопасности (например, ISO 45001). Оценка выявляет риски аварий, травм или экологических инцидентов, что критично для предотвращения штрафов и обеспечения устойчивой работы;

- точность работы. Этот аспект важен для производств, где требуется высокая прецизионность (например, в машиностроении или фармацевтике). Анализируется отклонение от заданных параметров, влияющее на качество продукции и соответствие стандартам [6].

Для проведения анализа технического состояния применяются различные методы проверки, обеспечивающие объективность и достоверность результатов:

- визуальный осмотр включает внешнюю инспекцию оборудования на наличие видимых дефектов, коррозии, утечек или износа. Данный метод дополняется фотографированием и документированием для последующего сравнения;

© Р.Р. Марданов, 2025.

Научный руководитель: *Подольяк Ольга Олеговна* – кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Россия.

- инструментальные измерения используются специализированные приборы, такие как виброметры, термометры, толщинометры и диагностическое оборудование (например, ультразвуковые дефектоскопы или спектрометры). Эти измерения позволяют количественно оценить параметры, такие как вибрация, температура, толщина стенок и состав материалов;

- анализ эксплуатационных характеристик основан на обработке данных из журналов эксплуатации, отчетов о ремонтах и систем мониторинга. Статистический анализ (например, с использованием методов регрессии или анализа надежности) помогает выявить тенденции износа и прогнозировать остаточный ресурс оборудования [1, с. 28].

2) Финансовый анализ является неотъемлемой частью комплексной оценки целесообразности замены или модернизации производственного оборудования. Он позволяет количественно оценить экономическую эффективность инвестиций, сравнивая текущие и будущие затраты с ожидаемыми выгодами. Этот анализ опирается на принципы управленческого учета и финансового моделирования, интегрируя данные о затратах на эксплуатацию, модернизацию и потенциальной экономии. Основная цель – определить, оправданы ли вложения с точки зрения прибыли, сроков окупаемости и рисков. Финансовый анализ часто проводится с использованием программного обеспечения (например, Excel, специализированных ERP-систем или инструментов вроде Crystal Ball для моделирования сценариев) и включает расчет ключевых показателей, таких как окупаемость инвестиций (ROI), чистая приведенная стоимость (NPV) и внутренняя норма доходности (IRR) [4, с. 55].

3) Ранжирование оборудования – это систематический процесс оценки и сортировки производственного оборудования по степени необходимости его модернизации или замены. Представленный подход позволяет предприятию рационально распределить ограниченные ресурсы, фокусируясь на наиболее критичных активах, которые оказывают наибольшее влияние на эффективность производства, безопасность и экономику [2, с. 18]. Ранжирование основано на многокритериальном анализе, где учитываются технические, эксплуатационные и финансовые показатели. Оно помогает избежать хаотичных инвестиций, минимизируя риски и увеличивая отдачу от вложений.

Процесс ранжирования обычно включает сбор данных (из технической документации, систем мониторинга, отчетов о ремонтах и финансовых записей), выбор критериев, присвоение весов и баллов, а затем агрегацию результатов в рейтинг. Методы ранжирования могут быть простыми (балльная шкала) или сложными (матричный анализ, метод аналитической иерархии процессов – АИП). В результате формируется приоритетный список: от «высокий приоритет» (немедленная модернизация) до «низкий» (отложенная или бездействующая).

4) Производственная мощность – это ключевой показатель, отражающий максимальный объем продукции, который предприятие может произвести за определенный период (обычно год) при полном и эффективном использовании всех доступных ресурсов: оборудования, производственных площадей, рабочей силы и материалов [3, с. 15]. Данный расчет предназначен для оценки потенциала завода, планирования модернизации и анализа экономической эффективности. В рамках вопросов замены или модернизации оборудования он помогает сравнить текущую производительность с потенциальной после изменений, оценивая затраты на модернизацию (капитальные вложения, операционные расходы) и выгоду (рост выпуска, снижение себестоимости, увеличение прибыли). Без такого расчета модернизация может оказаться неэффективной, например, если оборудование простаивает, а инвестиции не дают отдачи.

Таким образом, инструменты оценки замены оборудования на производстве, включая технический анализ (износ, надежность, энергоэффективность, безопасность и точность), финансовый анализ (ROI, NPV, IRR) и ранжирование (с весами и баллами), а также расчет производственной мощности, позволяют предприятиям принимать обоснованные решения о модернизации.

Рост объемов производства. Увеличение объемов производства – это стратегический шаг, направленный на расширение объемов выпуска продукции для удовлетворения растущего спроса, повышения конкурентоспособности или диверсификации ассортимента [5, с. 107]. Однако без тщательного планирования оно может привести к перегрузке ресурсов, росту затрат или снижению качества. Планирование производственного процесса предполагает анализ текущего состояния, постановку целей, формирование этапов, оптимизацию ресурсов и оценку рисков, позволяя перейти от текущей мощности к целевой.

Представим основные этапы роста объемов производства:

1) Анализ текущего состояния производства. Первоначальный этап предполагает проведение всестороннего аудита производственной системы с целью идентификации базовых параметров и потенциальных ограничений. Оценке подлежат ключевые индикаторы: теоретическая производственная мощность (максимально возможный выпуск при идеальных условиях), практическая (учитывающая эксплуатационные факторы) и эффективная (фактический выпуск с учетом потерь), как определено в предыдущих аналитических дискуссиях.

2) Постановка целей. Следующий этап заключается в формулировке четких и измеримых целей, соответствующих принципам SMART.

3) Формирование этапов. Процесс увеличения производства структурируется в последовательные фазы для обеспечения систематической реализации. Первая фаза – подготовка (продолжительностью 1-

3 месяца), включающая закупку или модернизацию оборудования, обучение персонала и разработку протоколов. Вторая фаза – реализация (3-6 месяцев), охватывающая настройку производственных линий и пилотное тестирование (например, на 10% от целевого объема). Третья фаза – запуск, предполагающий полную загрузку с регулярным контролем KPIs и корректировками. Данная структура, часто визуализируемая в виде диаграммы Ганта, минимизирует риски переходных периодов и обеспечивает поэтапную адаптацию к изменениям.

4) Оптимизация ресурсов. Оптимизация ресурсов направлена на рациональное распределение ограниченных активов. Применяется линейное программирование при заданных ограничениях, реализуемое в программных инструментах, таких как Excel Solver или специализированное ПО.

5) Оценка рисков. Заключительный этап включает идентификацию потенциальных угроз и разработку стратегий минимизации. Применяется матрица рисков, где вероятность события умножается на его влияние [5, с. 104].

Данный обзор подчеркивает междисциплинарный характер планирования, подразумевающий инженерные, экономические и управленческие подходы для достижения устойчивого роста производства.

Процесс роста объемов производства можно осуществить тремя основными методами:

1) Балансовый метод – помогает оценить соответствие между доступными ресурсами и текущими или будущими потребностями предприятия.

2) Техническое расчётное планирование базируется на нормативных данных – техкартах, нормах времени, показателях оборотных средств, качестве продукции. Позволяет заранее оценить рентабельность, определить экономическую целесообразность запуска производственного цикла.

3) Расчётно-аналитический метод – сочетает оценку текущего состояния предприятия и факторный анализ влияния внешней и внутренней среды (поставщики, конкуренты, логистика, законодательные изменения) [6].

Таким образом, увеличение производства требует системного подхода от анализа текущего состояния (теоретическая, практическая и эффективная мощность) и постановки SMART-целей до формирования этапов (подготовка, реализация, запуск), оптимизации ресурсов (линейное программирование) и оценки рисков (матрица). Методы вроде балансового, технического расчётного и расчётно-аналитического обеспечивают устойчивый рост.

Заключение. В целом, комплексная оценка замены оборудования объединяет технический аудит (методы осмотра, измерений и анализа данных), финансовые метрики (для окупаемости инвестиций) и ранжирование (по приоритетам модернизации), дополненные расчетом производственной мощности. Представленные инструменты способствуют рациональному планированию, снижая затраты и повышая выгоды.

Стратегическое увеличение производства включает анализ мощности, SMART-цели, поэтапную реализацию (с диаграммой Ганта), оптимизацию ресурсов и оценку рисков, дополненные балансовым, техническим и расчётно-аналитическим методами. Этот междисциплинарный процесс способствует эффективному расширению, интегрируя технические, экономические и управленческие аспекты для долгосрочного успеха в динамичной среде.

Библиографический список:

1. Иванов В. А., Фещенко А. А. Особенности подходов к техническому обслуживанию и ремонту оборудования в непрерывном производстве / В.А. Иванов. – М.: Пресс, 2018. – 233 с.
2. Корнеев В. П., Соловьёва М. Х. Оптимизационные методы обеспечения экономической деятельности предприятия на основе оптимальных сроков замены производственных активов / В.П. Корнеев. – М.: МАКС Пресс, 2020. – 233 с.
3. Лепеш Г.В. Куртов В.Н., Мотылев Н.Г., Красильников А.Ю., Телятников С.В., Чилипенко А.Л. Оперативный контроль и диагностика оборудования / Г.В. Лепеш // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2023. – №3(9). – С. 15-19.
4. Логиновский О. В., Гельруд Я. Д., Голлай А. В. Применение детерминированных и стохастических моделей для замены оборудования промышленных предприятий / О.В. Логиновский. – М.: Приор, 2019. – 228 с.
5. Соловьёва М. Х. Методология долгосрочного планирования замены оборудования предприятия с учётом его надёжности на динамической модели / М.Х. Соловьёва // «Аудит и финансовый анализ». – 2022. – №3. – С. 104-107.
6. Модернизация старого оборудования: как оценить необходимость обновления // rosstip.ru URL: <https://rosstip.ru/news/4892-modernizatsiya-starogo-oborudovaniya-kak-otsenit-neobkhodimost-obnovleniya> (дата обращения: 31.10.2025).

Ю
Р
И
Д
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

К.Е. Фомина

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В данной статье проводится правовой анализ заключения под стражу как самой строгой меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве. Исследуется правовая природа данного института, его соотношение с презумпцией невиновности и принципом состязательности. На основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также доктринальных положений отечественных процессуалистов выявляются системные проблемы применения данной меры пресечения. Особое внимание уделяется критериям избрания заключения под стражу, роли суда в оценке обоснованности ходатайства стороны обвинения и соблюдению прав личности на досудебной стадии процесса. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в целях обеспечения баланса между интересами государства в эффективном расследовании преступлений и незыблемыми правами и свободами человека.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, УПК РФ, презумпция невиновности, обоснованность, судебный контроль, права обвиняемого, ходатайство, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ.

В демократическом правовом государстве, каким провозглашена Российская Федерация (статья 1 Конституции РФ) [1], уголовное судопроизводство призвано быть ареной не только борьбы с преступностью, но и гарантом защиты прав и свобод личности, вовлеченной в сферу уголовной юстиции. Центральное место в системе гарантий прав обвиняемого (подозреваемого) занимает институт мер процессуального принуждения, и в особенности – мер пресечения. Среди них заключение под стражу занимает особое положение, будучи самой строгой мерой, связанной с изоляцией от общества и, по сути, предва-

ряющей наказание еще до вынесения приговора, что объективно создает напряженность между необходимостью обеспечения предварительного расследования и неотъемлемым правом человека на свободу и личную неприкосновенность, закрепленным в статье 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и статье 22 Конституции РФ [1]. В связи с этим теоретическое осмысление и правовое регулирование применения заключения под стражу остается одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем современной уголовно-процессуальной науки.

С правовой точки зрения, заключение под стражу представляет собой меру пресечения, заключающуюся в физической изоляции обвиняемого или подозреваемого путем помещения его в следственный изолятор на период производства предварительного расследования, а в исключительных случаях – и на время судебного разбирательства. Легальное определение данной меры пресечения содержится в статье 108 УПК РФ [2], которая устанавливает основания, условия и особый судебный порядок ее избрания. Основным признаком, отличающим заключение под стражу от иных мер пресечения, является полная лишение свободы передвижения и общения, что придает ей исключительный характер.

В научной доктрине заключение под стражу рассматривается неоднозначно. Ряд ученых, таких как В.А. Лазарева [8], акцентируют внимание на его обеспечительной функции. Они подчеркивают, что основная цель этой меры – не кара, а обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства, а именно: предотвращение попыток обвиняемого скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины по делу, продолжить преступную деятельность, а также для обеспечения исполнения приговора. Как отмечает Лазарева [8], «заключение под стражу – это вынужденная мера, продиктованная интересами правосудия». С другой стороны, такие процессуалисты, как А.В. Смирнов [11] и К.Б. Калининский [7], указывают на карательные элементы данной меры, поскольку она по своим фактическим последствиям максимально приближена к наказанию в виде лишения свободы. Они справедливо отмечают, что длительное нахождение в следственном изоляторе, зачастую в худших условиях, чем в исправительных учреждениях, наносит непоправимый ущерб психике и социальным связям человека, который впоследствии может быть оправдан. Эта двойственная природа – обеспечительная и погранично-карательная – и порождает основную коллизию в применении института.

Основания и условия избрания заключения под стражу детально регламентированы статьей 108 УПК РФ [2]. Согласно части 1 данной статьи, эта мера пресечения может быть избрана только по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Законодатель в статье 97 УПК РФ [2] устанавливает исчерпывающий перечень оснований для избрания любой меры пресечения:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Однако, как показывает анализ судебной практики, содержащейся в Обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2024 год [5], доминирующим основанием в постановлениях судов является «возможность скрыться от следствия, дознания и суда», которая зачастую констатируется формально, без приведения конкретных и убедительных доказательств, подтверждающих реальность таких опасений. Например, отсутствие у обвиняемого постоянной регистрации или работы нередко трактуется как достаточное основание для заключения под стражу, хотя Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что эти обстоятельства сами по себе не могут служить безусловным доказательством намерения скрыться.

Особую роль в формировании правовых позиций по вопросам применения заключения под стражу играет Конституционный Суд РФ. В своих постановлениях (например, Постановление КС РФ от 22.03.2005 № 4-П) [4] Суд подчеркивает, что ограничение свободы допустимо лишь при условии, что иные меры пресечения действительно не могут обеспечить цели уголовного судопроизводства. Конституционный Суд сформулировал требование о том, что обоснованность ходатайства о заключении под стражу должна быть подтверждена не предположениями, а совокупностью конкретных, фактических данных, свидетельствующих о наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ. Это напрямую коррелирует с принципом состязательности, закрепленным в статье 15 УПК РФ, поскольку бремя доказывания необходимости столь строгой меры лежит исключительно на стороне обвинения. Защита же вправе оспаривать представленные доводы, представлять доказательства, опровергающие обвинение или свидетельствующие о возможности применения более мягкой меры (например, представление характеристики, гарантийного письма от работодателя или депутата, доказательств наличия постоянного места жительства и семьи). Однако на практике состязательность в суде при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу зачастую носит ограниченный характер в силу сжатых сроков и того, что защита не всегда имеет достаточный доступ к материалам, обосновывающим ходатайство.

Важнейшей правовой особенностью является срок содержания под стражей. Согласно статье 109 УПК РФ [2], первоначальный срок не может превышать 2 месяцев. Однако он может быть продлен до 6, 12, а в исключительных случаях, по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, – до 18 месяцев.

Такая длительная возможность содержания лица без вынесения приговора вступает в очевидный конфликт с презумпцией невиновности (статья 14 УПК РФ [2]), согласно которой обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Ученый-процессуалист Ю.К. Орлов отмечает, что «фактически длительное содержание под стражей превращается в преждевременное наказание, которое несет лицо, чья вина еще не установлена судом, что подрывает саму суть презумпции невиновности».

Центральной проблемой, определяющей необходимость совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в сфере избрания заключения под стражу, является диалектическое противоречие между публичным интересом государства в эффективном расследовании преступлений и индивидуальной свободой личности, еще не признанной виновной по приговору суда. Разрешение этого противоречия происходит через механизм судебного контроля, который призван оценивать соответствие ходатайства стороны обвинения установленным законом критериям. Основным нормативным актом, регламентирующим эти критерии, выступает статья 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [2], однако ее буквальное толкование на практике зачастую вступает в конфликт с конституционными принципами.

Законодатель в части 1 статьи 108 УПК РФ [2] устанавливает формальный порог для применения данной меры пресечения – обвинение в преступлении, средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления. Однако этот критерий, будучи необходимым, отнюдь не является достаточным. основополагающим юридическим условием, согласно части 1 той же статьи, выступает невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения. Именно в оценке этого условия и заключается главная сложность и для стороны обвинения, обосновывающей свое ходатайство, и для суда, его разрешающего. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [3] неоднократно подчеркивал, что суд обязан не констатировать формальное наличие оснований, указанных в статье 97 УПК РФ [2] (скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу), а проверить, носят ли эти риски конкретный и обоснованный характер. На практике же, как отмечает профессор А.В. Смирнов, «сложилась порочная практика, при которой обвинение ограничивается ссылкой на тяжесть инкриминируемого преступления, а суд, по сути, делегирует следствию оценку обоснованности ходатайства, удовлетворяя его «на всякий случай» [11]. Это приводит к тому, что такой фактор, как тяжесть преступления, который по смыслу закона является лишь условием допустимости рассмотрения ходатайства, подменяет собой анализ действительной необходимости в столь строгой мере.

Роль суда в данной процедуре, таким образом, трансформируется из пассивного регистратора ходатайства в активного арбитра, обязанного провести всестороннюю проверку представленных данных. Конституционный Суд РФ в ряде своих постановлений (например, Постановление от 22.03.2005 № 4-П) [3] сформулировал правовую позицию, согласно которой обоснованность заключения под стражу не может быть подтверждена одними лишь предположениями, какими бы вескими они ни казались. Суд обязан анализировать всю совокупность обстоятельств: данные о личности обвиняемого (наличие постоянного места жительства, семьи, работы, состояние здоровья), его поведение до момента задержания, а также реальную возможность совершения им тех действий, которых опасается следствие. Ученый-процессуалист Ю.К. Орлов [9] справедливо указывает, что «отсутствие у обвиняемого регистрации по месту жительства или официального трудоустройства, будучи формальным основанием для вывода о возможности скрыться, не должно приобретать характер неопровержимой презумпции, и бремя опровержения этой презумпции не может быть возложено на защиту». В этом контексте особую важность приобретает принцип состязательности, закрепленный в статье 15 УПК РФ [2]. Защита должна иметь реальную, а не декларативную возможность оспорить доводы обвинения, представив суду доказательства, опровергающие наличие рисков, – характеристики, гарантийные письма, справки о состоянии здоровья, свидетельствующие о том, что подзащитный не представляет угрозы для правосудия. Однако на досудебной стадии доступ защиты к материалам дела часто ограничен, что ставит ее в заведомо неравное положение и нарушает баланс сторон, что критикуется в трудах В.А. Лазаревой [8].

Соблюдение прав личности на досудебной стадии процесса при избрании заключения под стражу напрямую связано с презумпцией невиновности (статья 14 УПК РФ) и правом на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 Конституции РФ [1]). Длительное содержание под стражей, особенно в условиях, когда расследование затягивается на многие месяцы, а иногда и годы (с учетом продления сроков по статье 109 УПК РФ), фактически превращается в меру внесудебного наказания.

Таким образом, необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики видится в нескольких направлениях. Во-первых, требуется усиление роли суда как независимого фильтра, что предполагает отказ от шаблонных решений и углубленный анализ не формальных, а фактических обстоятельств, свидетельствующих о невозможности применения альтернативных мер. Во-вторых, необходимо обеспечить реальную, а не декларативную состязательность на

стадии рассмотрения ходатайства, предоставив защите адекватные возможности для ознакомления с доводами обвинения и представления контраргументов. В-третьих, как предлагает К.Б. Калиновский [7], целесообразно внедрить в практику, более детализированную и обязательную для судов систему оценки рисков, где каждый аргумент обвинения должен получать независимую судебную оценку с точки зрения его конкретности и доказанности. Только такой комплексный подход, ориентированный на приоритет прав личности при безусловном учете законных интересов следствия, позволит достичь того баланса, который является краеугольным камнем правового государства.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Заключение под стражу, будучи необходимым инструментом в арсенале государства для борьбы с наиболее серьезными преступлениями, остается институтом, требующим повышенного внимания законодателя и правоприменителя. Несмотря на детальную законодательную регламентацию и судебный контроль, в практике его применения сохраняются системные проблемы: формальный подход к оценке обоснованности ходатайств, доминирование обвинительного уклона при избрании данной меры, недостаточная реализация принципа состязательности на стадии предварительного расследования и затягивание сроков содержания под стражей. Для преодоления этих негативных тенденций необходимо неукоснительное следование правовым позициям высших судов, требующих конкретной и доказанной аргументации от стороны обвинения, а также более активное использование альтернативных мер пресечения, таких как домашний арест или залог, которые в равной степени могут обеспечить цели уголовного судопроизводства, не прибегая к столь радикальному ограничению конституционного права на свободу и личную неприкосновенность. Таким образом, дальнейшее совершенствование практики применения заключения под стражу должно быть направлено на достижение подлинного баланса между интересами правосудия и незыблемыми правами человека.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
4. По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.
5. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2024 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2024) // СПС «Консультант-Плюс».
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.02.2024 № 5-КГ23-145-К7 по делу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // СПС «Гарант».
7. Калиновский К.Б. Заключение под стражу и презумпция невиновности: коллизия и пути ее разрешения в правоприменительной практике // Уголовное право. 2024. № 2. С. 78–85.
8. Лазарева В.А. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса: современные вызовы и пути совершенствования // Российский судья. 2024. № 3. С. 12–17.
9. Орлов Ю.К. Дискреционные полномочия суда при избрании меры пресечения: проблемы и гарантии // Законность. 2023. № 8. С. 33–38.
10. Петров И.С. Обеспечение прав личности при применении мер процессуального принуждения: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 288 с.
11. Смирнов А.В. Проблемы состязательности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 5. С. 45–52.

ФОМИНА КРИСТИНА ЕВГЕНЬЕВНА – Новосибирский Юридический Институт филиал Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия.

К.Е. Фомина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В данной статье проводится анализ актуальных проблем правоприменительной практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в российском уголовном процессе. Рассматриваются противоречия в доктринальном понимании данной меры пресечения, системные недостатки правового регулирования и судебной практики, в частности формализм в оценке оснований избрания, проблемы обеспечения состязательности и равенства сторон на данном этапе, а также чрезмерная длительность содержания под стражей. Автор, опираясь на позиции ведущих ученых-процессуалистов и анализ действующего законодательства, предлагает конкретные пути совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и подзаконных актов, направленные на гуманизацию процедуры и обеспечение конституционных прав личности.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, УПК РФ, уголовное судопроизводство, права обвиняемого, судебный контроль, состязательность, основания избрания, презумпция свободы, реформа законодательства.

Мера пресечения в виде заключения под стражу, будучи одной из самых строгих процессуальных мер принуждения, занимает особое место в системе гарантий правосудия. Ее применение напрямую затрагивает конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность, гарантированное статьей 22 Конституции Российской Федерации, а также презумпцию невиновности (статья 49 Конституции РФ) [1]. В этой связи законодательное регулирование и правоприменительная практика избрания данной меры должны отличаться максимальным балансом между интересами государства в эффективном расследовании преступлений и незыблемыми правами личности. Однако современная российская уголовно-процессуальная действительность демонстрирует целый комплекс системных проблем, возникающих при избрании заключения под стражу, что обуславливает актуальность их теоретического осмысления и выработки конкретных законодательных решений.

В соответствии с пунктом 1 статьи 108 УПК РФ [2], заключение под стражу заключается в водворении подозреваемого или обвиняемого в следственный изолятор или иное место, определяемое федеральным законом. Законодатель определяет данную меру как временную меру ограничения свободы, применяемую по судебному решению. Однако научное понимание данной категории гораздо шире. Так, профессор А.В. Смирнов [11] справедливо отмечает, что заключение под стражу – это не просто изоляция от общества, но и «создание условий, при которых обвиняемый (подозреваемый) лишается возможности самостоятельно защищаться, собирать и представлять доказательства, что ставит его в заведомо неравное положение с обвинением». Эта точка зрения подчеркивает, что проблема носит не только правоограничительный, но и глубоко процессуальный характер, затрагивающий саму суть состязательности.

Другой известный процессуалист, В.Н. Григорьев [8], акцентирует внимание на превентивной функции заключения под стражу, указывая, что его цель – не наказание, а нейтрализации рисков, указанных в статье 97 УПК РФ [2]. В то же время, ученый критикует сложившуюся практику, при которой эта мера зачастую применяется не как крайняя, а как рутинная, что противоречит принципу презумпции свободы. Анализ данных позиций позволяет сделать вывод, что в научной среде существует консенсус относительно чрезмерно карательного и репрессивного характера сложившейся практики применения заключения под стражу, которая все более отдаляется от своего процессуального предназначения, превращаясь в инструмент давления на обвиняемого.

Проведем анализ актуальных проблем, возникающих при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Одной из наиболее острых проблем является формализм в оценке оснований для избрания меры пресечения. Суды, рассматривая ходатайства следствия, дознания, зачастую ограничиваются простой констатацией наличия формальных оснований, указанных в статье 108 УПК РФ, без их должной проверки и оценки в совокупности с конкретными обстоятельствами дела. Как верно указывает Ю.К. Орлов, «суд не анализирует реальность угрозы сокрытия от следствия, основанной, например, на наличии у обвиняемого постоянного места жительства и работы, семьи, а также его поведения до возбуждения уголовного дела» [9]. На практике ссылки стороны обвинения на тяжесть предъявленного обвинения (пункт 1 части 1 статьи 108 УПК РФ) [2] зачастую автоматически влекут за собой удовлетворение ходатайства, хотя по смыслу закона тяжесть преступления является необходимым, но недостаточным условием. Другой недостаток – нарушение принципа состязательности и равенства сторон на стадии избрания меры пресечения. Процедура судебного заседания, регламентированная статьей 108 УПК РФ [2], носит усеченный характер. Защита лишена возможности на равных противостоять обвинению, поскольку, во-первых, не имеет достаточного времени для подготовки возражений, а во-вторых, не обладает доступом ко всем материалам, обосновывающим ходатайство. Следствие, как правило, представляет суду лишь формальные сведения, не подлежащие немедленной проверке со стороны защиты. Это создает ситуацию, при которой бремя доказывания отсутствия оснований для заключения под стражу фактически перекладывается на защиту, что противоречит самой природе меры пресечения как меры государственного принуждения.

Помимо этого, крайне актуальной остается проблема чрезмерной длительности содержания под стражей. Несмотря на существующие законодательные пределы (статья 109 УПК РФ) [2], продление сроков содержания под стражей часто происходит автоматически, без должной оценки правомерности дальнейшего ограничения свободы конкретного лица. Суды редко отказывают в удовлетворении таких ходатайств, фактически делегируя следствию право определять продолжительность содержания под стражей. Это приводит к ситуациям, когда лица содержатся под стражей на протяжении многих месяцев, а иногда и лет, по делам, по которым впоследствии выносятся оправдательный приговор или назначается наказание, не связанное с лишением свободы. Такая практика не только нарушает права конкретного человека, но и дискредитирует саму идею правосудия.

Для решения указанных проблем необходима комплексная модификация как материальных, так и процессуальных норм УПК РФ [2].

1. Совершенствование оснований и условий избрания меры пресечения. В часть 1 статьи 108 УПК РФ [2] необходимо внести изменение, обязывающее суд не просто констатировать, но и мотивировать в своем постановлении, почему иные, более мягкие меры пресечения не могут обеспечить надлежащее поведение обвиняемого. Требуется дополнить статью 97 УПК РФ [2] положением о том, что наличие оснований, указанных в данной статье, должно подтверждаться не предположениями, а конкретными, проверяемыми данными, например фактами конкретных действий, свидетельствующих о намерении скрыться или воспрепятствовать правосудию.

2. Усиление состязательности и гарантий прав защиты. Необходимо кардинально изменить процедуру судебного заседания по избранию меры пресечения. Для этого в статью 108 УПК РФ [2] следует ввести норму, обязывающую сторону обвинения предоставлять защите не только само ходатайство, но и все материалы, его обосновывающие (за исключением случаев, когда это может нанести ущерб расследованию, о чем должен выноситься мотивированный судебный акт), за разумное время до начала заседания, что позволит защите подготовить полноценные и аргументированные возражения. Кроме того, целесообразно закрепить в законе презумпцию в пользу избрания меры пресечения, не связанной с лишением свободы, возложив на обвинение бремя доказывания необходимости именно заключения под стражу.

3. Реформа института продления срока содержания под стражей. Статью 109 УПК РФ [2] необходимо дополнить строгими критериями для каждого последующего продления. Каждое ходатайство о продлении срока должно содержать не общие фразы, а конкретный план следственных действий, которые необходимо провести с участием обвиняемого, и объяснение, почему их невозможно было выполнить в предыдущий период. Суд должен быть обязан оценивать эффективность и добросовестность действий следствия, а не просто соглашаться с его аргументами. Также следует рассмотреть вопрос о введении абсолютного максимального срока содержания под стражей на досудебных стадиях по делам определенных категорий, за исключением особо тяжких преступлений.

Таким образом, действующее законодательство и сложившаяся правоприменительная практика в сфере избрания меры пресечения в виде заключения под стражу содержат ряд существенных пробелов и противоречий, ведущих к нарушению конституционных прав граждан. Доминирование обвинительного уклона, формализм судебного контроля и ослабление состязательных начал превращают данную процессуальную меру в инструмент, используемый не по назначению. Предложенные пути совершенствования УПК РФ – конкретизация оснований, усиление процессуальных гарантий для защиты и ужесточение

контроля за длительностью содержания под стражей – направлены на восстановление баланса интересов личности и государства. Их реализация будет способствовать не только укреплению законности в уголовном судопроизводстве, но и построению правового государства, в котором ценность человеческой свободы является не декларацией, а реальным принципом правосудия.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
 2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
 3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 20.03.2025 № 38-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1205
 4. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
 5. Обзор судебной практики по применению норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих избрание меры пресечения в виде заключения под стражу: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
 6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.02.2024 № 78-КГ24-1-К1 по делу о проверке законности и обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // СПС «Гарант».
 7. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11.04.2024 по делу № 10-1124/2024 об отмене постановления о заключении под стражу в связи с отсутствием конкретных данных о намерении скрыться от следствия // СПС «КонсультантПлюс».
 8. Григорьев В.Н. Актуальные проблемы судебного контроля за применением мер процессуального принуждения на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в 2023-2024 годах // Российский судья. 2024. № 5. С. 34–40.
 9. Орлов Ю.К. Презумпция свободы vs обвинительный уклон: проблемы баланса интересов при избрании меры пресечения в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2023. № 4. С. 67–75.
 10. Петров А.А., Смирнов А.В. (ред.) Меры пресечения в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2024. 288 с.
 11. Смирнов А.В. Состязательность и равенство сторон при избрании заключения под стражу: декларация или реальность? // Журнал судебных процессов. 2024. № 1. С. 15–22.
 12. Федоров А.Ю. Проблемы мотивированности судебных решений об избрании и продлении срока содержания под стражей // Законность. 2023. № 8. С. 41–46.
- Фомина Кристина Евгеньевна – Новосибирский Юридический Институт филиал Национального исследовательского Томского государственного университета), Россия.

ФОМИНА КРИСТИНА ЕВГЕНЬЕВНА – Новосибирский Юридический Институт филиал Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия.

К.Е. Фомина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СВЯЗАННЫЕ С ПОРЯДКОМ ПРОДЛЕНИЯ СРОКОВ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В данной статье проводится правовой анализ процессуального порядка продления сроков содержания под стражей в досудебном производстве по уголовным делам в Российской Федерации. Автор исследует законодательную регламентацию данного института, рассматривает его доктринальное понимание в научной среде, а также анализирует позиции ведущих ученых-процессуалистов. Подробно освещаются основания и процедура продления сроков содержания под стражей, включая полномочия судов различных уровней. В заключительной части статьи выявляются системные проблемы правоприменительной практики и формулируются конкретные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: мера пресечения, содержание под стражей, продление срока, досудебное производство, судебный контроль, законность, обоснованность, права личности, УПК РФ.

В условиях современной действительности содержание под стражей как мера пресечения, заключающаяся в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества, представляет собой одну из самых строгих и затрагивающих фундаментальные права человека процессуальных мер принуждения [15]. Ее применение на досудебных стадиях уголовного процесса, особенно в условиях продолжительного расследования, создает напряженность между двумя конкурирующими интересами: эффективностью уголовного преследования и незыблемостью прав и свобод личности. В этой связи установленный законом порядок продления сроков содержания под стражей выступает основным механизмом, призванным обеспечить баланс этих интересов, не допуская как необоснованного ограничения свободы, так и воспрепятствования раскрытию преступления. Институт продления сроков заключения является производным от самой меры пресечения и служит гарантией против ее произвольного и бессрочного применения, обеспечивая регулярный судебный контроль за ее необходимостью и обоснованностью [14].

Содержание под стражей в досудебном производстве – это мера пресечения, применяемая по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, на срок до вступления приговора в законную силу, но не свыше установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) пределов. Легальное определение данной меры пресечения закреплено в ст. 108 УПК РФ. В научной среде данное понятие раскрывается более широко. Так, профессор А.В. Смирнов [13] определяет содержание под стражей как «наиболее строгую меру пресечения, состоящую в принудительной изоляции обвиняемого (подозреваемого) и помещении его в следственный изолятор». Профессор В.А. Лазарева [10] акцентирует внимание на его обеспечительной функции, отмечая, что эта мера пресечения «применяется для предотвращения попыток обвиняемого скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам процесса либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу». Дискуссионным в доктрине является вопрос о соотношении тяжести преступления и избрания данной меры.

Ряд ученых, как, например, Ю.К. Орлов [12], указывают на то, что на практике зачастую тяжесть преступления подменяет собой анализ конкретных оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, что приводит к формальному подходу при избрании и продлении меры пресечения. Таким образом, в научном понимании содержание под стражей – это не только предусмотренная законом мера процессуального принуждения, но и сложный правовой институт, требующий от правоприменителя взвешенного подхода, основанного на всесторонней оценке личности и конкретных обстоятельствах дела.

Основания и процессуальный порядок продления срока содержания под стражей детально регламентированы ст. 109 УПК РФ [2]. Первоначальный срок содержания под стражей в ходе досудебного производства не может превышать 2 месяцев. Последующее продление возможно лишь при наличии двух групп условий: материальных и процессуальных.

К материальным основаниям относится, прежде всего, неприменимость иной, более мягкой меры пресечения. Суд обязан проверить, сохранились ли основания для содержания под стражей, указанные в ст. 97 УПК РФ [2] (скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу), и убедиться, что цели меры пресечения не могут быть достигнуты путем применения, например залога или домашнего ареста. Процессуальным основанием является необходимость завершения определенных следственных действий, обоснованная в ходатайстве стороны обвинения.

Процессуальный порядок продления срока является многоступенчатым и зависит от общей продолжительности срока содержания под стражей. До 6 месяцев срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа либо дознавателя с согласия прокурора. Важнейшим процессуальным гарантом является обязательное участие в судебном заседании самого обвиняемого (подозреваемого), его защитника и законного представителя, а также прокурора. Обвиняемый вправе знакомиться с материалами, обосновывающими ходатайство, заявлять возражения, представлять доказательства, ходатайствовать о вызове свидетелей. Судья не вправе отказать в удовлетворении ходатайства по мотивам нецелесообразности, его задача – проверить законность и обоснованность требований стороны обвинения.

Продление срока содержания под стражей свыше 6 месяцев и до 12 месяцев допускается только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и исключительно в случаях особой сложности уголовного дела, только в случаях особой сложности уголовного дела. Такое решение принимается судьей того же уровня, но уже по ходатайству, санкционированному вышестоящим руководителем следственного органа (например, руководителем следственного управления на региональном уровне). Законодатель подчеркивает, что продление срока содержания под стражей до 12 месяцев является исключительной мерой. Оно возможно лишь по уголовным делам о особо тяжких преступлениях и при наличии одного из двух условий: либо необходимость ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела (ч. 4 ст. 109 УПК РФ) [2], либо наличие исключительных обстоятельств, делающих невозможным завершение предварительного следствия в установленный срок. Предельный срок содержания под стражей в ходе досудебного производства составляет 18 месяцев, и его дальнейшее продление законом не предусмотрено. Решение о продлении срока свыше 12 до 18 месяцев принимается судьей верховного суда республики, краевого или областного суда или им равного.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика в сфере продления сроков содержания под стражей сталкивается с рядом системных проблем.

Во-первых, это проблема «автоматизма» в удовлетворении ходатайств стороны обвинения. Как справедливо отмечает профессор Е.Б. Мизулина [11], суды зачастую ограничиваются формальной проверкой представленных материалов, не углубляясь в анализ действительной необходимости дальнейшего лишения свободы, особенно когда речь идет о продлении срока на этапе ознакомления с делом.

Во-вторых, сохраняется проблема «подмены оснований», когда суд, по мнению ученого-процессуалиста А.Г. Кибальника [9], вместо анализа конкретных рисков (побег, давление на свидетелей) ссылается исключительно на тяжесть инкриминируемого преступления, что противоречит правовой позиции Конституционного Суда РФ.

В-третьих, значительной проблемой является обеспечение права защиты на ознакомление с материалами, обосновывающими ходатайство о продлении срока. Нередко защите предоставляется лишь формальная выжимка, что не позволяет ей эффективно готовить возражения, что нарушает принцип состязательности, закрепленный в ст. 15 УПК РФ [2].

В-четвертых, вызывает критику процедура продления в связи с ознакомлением с материалами дела. Закон не устанавливает четких временных нормативов для этого процесса, что на практике приводит к ситуации, когда срок содержания под стражей продлевается на неопределенно долгое время, пока обвиняемый и защитник знакомятся с многотомным уголовным делом, что, по сути, ставит их в положение заложников процедуры.

В целях совершенствования законодательства и правоприменительной практики представляется необходимым реализовать следующие меры.

Во-первых, целесообразно внести изменения в ст. 109 УПК РФ [2], ужесточив требования к обоснованности ходатайств о продлении срока. Ходатайство должно содержать не общие формулировки, а конкретные, индивидуализированные данные, подтверждающие, что ни одна иная мера пресечения не сможет достичь своих целей, с указанием планируемых следственных действий и сроков их выполнения.

Во-вторых, необходимо законодательно закрепить обязанность суда каждый раз при рассмотрении ходатайства о продлении срока заслушивать мнение обвиняемого по вопросу о возможности применения к нему домашнего ареста с использованием электронных средств контроля.

В-третьих, требуется четкая регламентация процедуры ознакомления с материалами дела. Следует установить, что ходатайство о продлении срока в связи с ознакомлением может быть заявлено лишь после того, как стороне защиты был предоставлен разумный и достаточный срок для этой процедуры, а дальнейшие продления должны быть строго лимитированы и обоснованы объективными обстоятельствами, например объемом дела и реальными возможностями защиты.

Таким образом, порядок продления сроков содержания под стражей в досудебном производстве, будучи формально детально урегулированным, на практике демонстрирует существенные изъяны, ведущие к нарушению прав личности и принципа презумпции невиновности.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
4. Обзор судебной практики по применению норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих избрание меры пресечения в виде заключения под стражу: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2024 № 5-АПУ24-1 «Об оставлении без изменения судебных решений о продлении срока содержания под стражей обвиняемому в совершении особо тяжкого преступления в связи с необходимостью ознакомления с материалами уголовного дела» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.01.2024 № 78-АПУ24-2сп «О признании законным и обоснованным постановления о продлении срока содержания под стражей на 3 месяца» // СПС «Гарант».
7. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11.04.2024 по делу № 10-1124/2024 об отмене постановления о заключении под стражу в связи с отсутствием конкретных данных о намерении скрыться от следствия // СПС «КонсультантПлюс».
8. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.02.2024 № 78-КГ24-1-К1 по делу о проверке законности и обоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // СПС «Гарант».
9. Кибальник А.Г. Судебный контроль за применением меры пресечения в виде заключения под стражу на современном этапе: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 45–58.
10. Лазарева В.А. Доказывание в суде при избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу: научно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2023. 192 с.
11. Мизулина Е.Б. Проблемы «автоматизма» при продлении сроков содержания под стражей в российском уголовном процессе // Уголовный процесс. 2024. № 5. С. 22–29.
12. Орлов Ю.К. Тяжесть преступления как формальное основание для содержания под стражей: противоречие практике ЕСПЧ // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 4. С. 67–81.
13. Смирнов А.В. Меры пресечения в уголовном процессе: системный подход и проблемы правоприменения (по материалам судебной практики 2022–2023 гг.) // Законность. 2023. № 8. С. 15–22.
14. Федоров А.Ю. Проблемы мотивированности судебных решений об избрании и продлении срока содержания под стражей // Законность. 2023. № 8. С. 41–46.
15. Фомин М.А. Право на свободу и личную неприкосновенность vs. интересы предварительного расследования: поиск баланса при продлении сроков содержания под стражей // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 2. С. 104–115.

ФОМИНА КРИСТИНА ЕВГЕНЬЕВНА – Новосибирский Юридический Институт филиал Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия.

Е.Н. Барабаш

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются правовые аспекты наказания в виде ограничения свободы, его место в системе уголовных наказаний, а также особенности исполнения. Анализируются нормы Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ, регулирующие порядок назначения и отбывания данного вида наказания. Особое внимание уделяется правовым проблемам, возникающим в процессе его реализации, и возможным путям их решения. На основе проведенного исследования делаются выводы о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, уголовно-исполнительное право, надзор, правовое регулирование, исправление осужденных.

Ограничение свободы как вид уголовного наказания было введено в российское законодательство в 2010 году (ФЗ № 377-ФЗ от 27.12.2009) и закреплено в ст. 53 УК РФ. Данная мера относится к альтернативным лишению свободы наказаниям и направлена на минимизацию негативных последствий изоляции осужденного от общества. Однако в правоприменительной практике возникают сложности, связанные с исполнением этого наказания, что требует детального анализа его правовой природы и механизмов реализации [10].

Ограничение свободы заключается в установлении судом определенных запретов и обязанностей для осужденного, которые должны исполняться без изоляции от общества. Согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ [2], это наказание может быть основным или дополнительным. Основное ограничение свободы назначается на срок от 2 месяцев до 4 лет, а в качестве дополнительного – от 6 месяцев до 2 лет. Ограничение свободы предполагает ряд запретов, перечисленных в ч. 5 ст. 53 УК РФ: невозможность покидать место жительства в определенное время, выезжать за пределы муниципального образования, посещать массовые мероприятия и т. д. Контроль за исполнением наказания осуществляют уголовно-исполнительные инспекции (ч. 1 ст. 47 УИК РФ).

Порядок исполнения ограничения свободы регламентирован главой 8 УИК РФ. В соответствии со ст. 50 УИК РФ, осужденный обязан соблюдать установленные судом ограничения и являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации. Нарушение режима влечет за собой меры воздействия, вплоть до замены наказания на лишение свободы (ч. 4 ст. 58 УИК РФ).

Исполнение наказания в виде ограничения свободы сопряжено с рядом сложностей, связанных с организацией эффективного надзора за поведением осужденных. В соответствии со ст. 50 УИК РФ [3], уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) обязаны осуществлять контроль за соблюдением установленных судом ограничений, однако на практике этот процесс сталкивается с существенными проблемами [9].

Одной из основных трудностей является недостаточное оснащение УИИ современными техническими средствами контроля, такими как электронные браслеты (ЭМ-контроль) и системы видеонаблюдения. Несмотря на то, что ч. 3 ст. 60 УИК РФ предусматривает возможность применения электронного мониторинга, его использование остается ограниченным из-за высокой стоимости оборудования и отсутствия необходимой инфраструктуры в ряде регионов. В результате инспекции вынуждены полагаться преимущественно на периодические проверки по месту жительства осужденного, что не обеспечивает непрерывного контроля и создает возможности для нарушения установленных ограничений.

Еще одной значимой проблемой является игнорирование социально-экономических условий, в которых находится осужденный. В частности, отсутствие постоянного места жительства или регистрации затрудняет реализацию наказания, поскольку контроль за передвижениями лица без определенного адреса становится практически невозможным. Кроме того, некоторые установленные судом запреты (например, невозможность покидать жилье в ночное время) могут создавать препятствия для трудовой деятельности, особенно если осужденный работает в ночную смену или имеет ненормированный график.

Это не только снижает эффективность наказания, но и повышает риск рецидива, поскольку материальные трудности могут подталкивать лицо к совершению новых преступлений.

Судебная практика также демонстрирует неоднозначность подходов к замене ограничения свободы на лишение свободы в случае нарушений. Согласно ч. 4 ст. 58 УИК РФ [3], злостное уклонение от отбывания наказания может привести к его замене на реальный срок, однако критерии «злостности» не всегда четко определены, что порождает субъективизм в принятии решений. В некоторых случаях суды идут на смягчение мер воздействия, учитывая социальные обстоятельства осужденного, тогда как в других – применяют максимально строгие санкции даже при незначительных нарушениях.

Таким образом, для повышения эффективности исполнения наказания в виде ограничения свободы необходимо не только расширение использования технологических средств контроля, но и более гибкий подход к установлению ограничений с учетом индивидуальных обстоятельств осужденного. Кроме того, требуется совершенствование межведомственного взаимодействия между УИИ, органами социальной защиты и центрами занятости для снижения рисков рецидива и обеспечения успешной ресоциализации лиц, отбывающих данное наказание [11].

Повышение эффективности исполнения наказания в виде ограничения свободы требует комплексного подхода, сочетающего современные технологии контроля с продуманной социальной политикой в отношении осужденных. Технологический аспект предполагает не просто механическое внедрение электронных средств мониторинга, а создание целостной системы наблюдения, интегрированной в работу уголовно-исполнительных инспекций. Опыт передовых регионов показывает, что сочетание GPS-трекинга, биометрической идентификации и автоматизированных систем учета позволяет существенно повысить уровень контроля за поведением осужденных, минимизируя при этом затраты человеческих ресурсов. Однако технологическое оснащение должно сопровождаться соответствующей правовой регламентацией, четко определяющей пределы вмешательства в частную жизнь осужденного и механизмы защиты персональных данных.

Не менее важным представляется развитие индивидуального подхода при установлении ограничений. Судебная практика свидетельствует, что стандартизированные наборы запретов часто не учитывают профессиональную деятельность, семейные обстоятельства и состояние здоровья осужденного. Например, полный запрет на посещение определенных мест может сделать невозможным выполнение трудовых обязанностей, что противоречит целям исправления. В этой связи целесообразно внедрение системы дифференцированных ограничений, когда суд, опираясь на заключение уголовно-исполнительной инспекции и социальных работников, устанавливает режим, позволяющий осужденному сохранить социально полезные связи и трудовую занятость.

Особого внимания заслуживает вопрос межведомственного взаимодействия в процессе исполнения наказания. Сегодня отсутствие эффективного обмена информацией между уголовно-исполнительными инспекциями, центрами занятости и органами социальной защиты приводит к тому, что многие осужденные лишаются возможности получить своевременную помощь в трудоустройстве или решении бытовых проблем [10]. Создание единой информационной платформы, объединяющей данные о вакансиях, социальных программах и особенностях режима отбывания наказания, могло бы существенно улучшить ситуацию. При этом важно развивать институт социального сопровождения, когда за каждым осужденным закрепляется куратор, помогающий адаптироваться к установленным ограничениям и найти законные пути решения возникающих трудностей.

Реализация указанных мер требует не только финансовых вложений, но и изменения организационной культуры правоохранительных органов. Персонал уголовно-исполнительных инспекций нуждается в специальной подготовке, позволяющей сочетать контрольные функции с элементами социальной работы. Судебная система, в свою очередь, должна выработать более гибкие критерии оценки эффективности данного вида наказания, учитывающие не только формальное соблюдение ограничений, но и реальные успехи осужденного в ресоциализации [9]. Только такой комплексный подход может обеспечить подлинную эффективность наказания в виде ограничения свободы, превратив его из формальной меры в действенный инструмент исправления и профилактики рецидивной преступности.

Таким образом, ограничение свободы является важным элементом системы уголовных наказаний, сочетающим карательное и воспитательное воздействие. Однако его эффективность зависит от совершенствования механизмов контроля и индивидуализации исполнения. Дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики должно быть направлено на минимизацию рецидивной преступности и обеспечение баланса между наказанием и исправлением осужденных.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
4. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части введения ограничения свободы) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6453.
5. Приказ Минюста РФ от 20.05.2022 № 102 «Об утверждении Инструкции по осуществлению контроля за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2022. № 26.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
7. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.03.2024 № 45-АПУ24-4 по делу о замене ограничения свободы на лишение свободы ввиду систематических нарушений // СПС КонсультантПлюс.
8. Решение Московского городского суда от 05.09.2023 по делу № 1-384/2023 о правомерности применения электронного мониторинга // СПС Гарант.
9. Петрова А.В. Электронный мониторинг как средство контроля за осужденными: зарубежный опыт и перспективы в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 2. С. 18–25.
10. Кузнецова Е.М. Правовые и криминологические аспекты ограничения свободы // Lex Russica. 2024. № 6. С. 112–120.
11. Морозов Д.А. Проблемы межведомственного взаимодействия при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы // Государство и право. 2022. № 11. С. 89–97.

БАРАБАШ ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Ю.А. Бароха

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится комплексный анализ правового регулирования и практики исполнения наказания в виде ограничения свободы в Российской Федерации. Рассматриваются его юридическая природа, цели и место в системе уголовных наказаний. Автор подробно исследует уголовно-исполнительные правоотношения, возникающие в процессе исполнения данного вида наказания, с опорой на нормы Уголовного (УК РФ) и Уголовно-исполнительного (УИК РФ) кодексов. В работе критически оцениваются существующие правовые позиции ученых-правоведов, выявляются системные проблемы правоприменительной практики, такие как высокий уровень рецидива среди осужденных, перегруженность уголовно-исполнительных инспекций, недостаточность средств электронного мониторинга. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства и оптимизации деятельности органов и учреждений, исполняющих наказание, с целью повышения его эффективности и достижения целей уголовной ответственности.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительная инспекция, электронный мониторинг, исправление осужденного, правовое регулирование, рецидив, альтернативные наказания.

В современной российской уголовной политике наблюдается устойчивая тенденция к поиску и внедрению альтернативных видов наказания, не связанных с изоляцией от общества. Это обусловлено необходимостью снижения негативных социальных последствий тюремного заключения, гуманизации уголовной репрессии и оптимизации бюджетных расходов. Одним из таких ключевых институтов является наказание в виде ограничения свободы, которое, занимая промежуточное положение между лишением свободы и более мягкими мерами воздействия, призвано обеспечить кару и исправление осужденного в условиях сохранения его социальных связей.

Актуальность темы исследования определяется наличием существенных противоречий между теоретическим потенциалом данного вида наказания и проблемами его практической реализации. Несмотря на регулярные законодательные изменения, направленные на совершенствование регламентации, в правоприменительной деятельности сохраняется ряд системных дисфункций, требующих глубокого научного осмысления и выработки конкретных предложений по их устранению.

Ограничение свободы как вид уголовного наказания было введено в российское законодательство в 2010 году (ФЗ № 377-ФЗ от 27.12.2009) и закреплено в ст. 53 УК РФ [2]. Данная мера относится к альтернативным лишению свободы наказаниям и направлена на минимизацию негативных последствий изоляции осужденного от общества. Однако в правоприменительной практике возникают сложности, связанные с исполнением этого наказания, что требует детального анализа его правовой природы и механизмов реализации. Согласно ст. 53 УК РФ [2], ограничение свободы заключается в установлении осужденному ряда запретов и обязанностей, ограничивающих его свободу передвижения и общения. В отличие от лишения свободы, данная мера исполняется по месту жительства осужденного под надзором уголовно-исполнительной инспекции (УИИ). Основное содержание наказания раскрыто в ст. 50 УИК РФ [3], которая предписывает осужденному, в частности, не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не выезжать за установленные территориальные пределы, не посещать определенные места (например, развлекательные учреждения), не изменять место жительства или пребывания без согласия УИИ. Важной особенностью является возможность применения средств электронного мониторинга (ст. 58.1 УИК РФ) для контроля за поведением осужденного.

Как справедливо отмечает С.И. Зельдов [11], ограничение свободы обладает двойственной природой: с одной стороны, оно является карательной мерой, существенно ограничивающей приватность и

автономию личности, а с другой – выступает инструментом ресоциализации, позволяя осужденному сохранить работу, семейные и социальные связи. В свою очередь, А.В. Бриллиантов [9] подчеркивает, что эффективность этого наказания напрямую зависит от качества контроля и индивидуального подхода к каждому осужденному, что на практике зачастую не достигается.

Правовая позиция С.И. Зельдова [11], раскрывающая дуалистическую природу ограничения свободы, является методологическим ключом к пониманию всей системы его исполнения. Действительно, карательный аспект этого наказания проявляется не в физической изоляции, а в глубоком вторжении в частную жизнь осужденного, что можно охарактеризовать как «вмененную социальную изоляцию в привычной среде». Государство, устанавливая запреты на свободное передвижение, общение и досуг, по сути, перестраивает личное пространство и время человека, лишая его фундаментальной возможности самостоятельно принимать решения в ключевых сферах бытия. Этот постоянный, тотальный контроль, реализуемый посредством электронного мониторинга и внезапных проверок, порождает у осужденного устойчивое состояние психологического дискомфорта и социальной маргинализации, что и составляет суть кары. Однако, как справедливо указывает Зельдов, именно эта «кара в обществе» содержит в себе уникальный ресоциализирующий потенциал. Позволяя осужденному сохранить работу, он удерживает его в поле трудовых отношений и экономической ответственности; не разрывая семейные связи, наказание использует их как стабилизирующий и мотивирующий фактор. Таким образом, ресоциализация происходит не после отбытия наказания, а параллельно с его исполнением, через непрерывную, хотя и ограниченную, интеграцию в нормальные социальные процессы.

В этом контексте тезис А.В. Бриллиантова [10] о прямой зависимости эффективности наказания от качества контроля и индивидуального подхода обнажает главное противоречие современной практики. Теоретически заложенный баланс между карой и ресоциализацией на деле нарушается в сторону формального, обезличенного надзора. Индивидуальный подход, предполагающий глубокое изучение личности осужденного, его социального окружения, причин и условий совершения преступления, подменяется стандартным набором ограничений, механически накладываемых на всех.

Качество контроля при этом сводится не к оценке глубины исправительного воздействия, а к фиксации технических нарушений режима – несанкционированного ухода из дома или пересечения установленной границы. Уголовно-исполнительная инспекция, будучи перегруженной и зачастую лишенной в штате психологов и социальных работников, физически не способна осуществлять точечную, адресную работу. В результате инструмент ресоциализации выхолащивается, и наказание де-факто превращается в меру, которая, существенно ограничивая осужденного, не предлагает ему взамен действенных механизмов позитивного изменения. Это приводит к тому, что карательный элемент, лишенный исправительного наполнения, воспринимается как несправедливое и бессмысленное давление, что может провоцировать агрессию, поиск способов обхода контроля и, в конечном счете, ведет к росту рецидива, так как глубинные причины асоциального поведения остаются нерешенными. Следовательно, критика Бриллиантова [9] указывает на системный сбой: законодатель создал гибкий и потенциально эффективный институт, но не обеспечил для его реализации необходимых кадровых, организационных и методических условий, что приводит к профанации его основной – исправительной – цели.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, анализ судебной и уголовно-исполнительной практики позволяет выявить ряд серьезных правовых проблем.

Во-первых, одной из наиболее острых проблем является недостаточная эффективность исправительного воздействия, что проявляется в относительно высоком проценте рецидива среди лиц, отбывших данное наказание. Это связано с тем, что формальные ограничения, без комплексной психолого-педагогической и социальной работы, не способны разрешить глубинные причины асоциального поведения, такие как алкогольная или наркотическая зависимость, отсутствие трудовых навыков. Уголовно-исполнительные инспекции, будучи перегруженными, зачастую не имеют ресурсов для проведения такой работы, что превращает наказание в механический контроль за соблюдением режимных требований.

Во-вторых, существует проблема перегруженности уголовно-исполнительных инспекций. На одного сотрудника УИИ может приходиться несколько десятков, а в крупных городах – сотни осужденных, что физически исключает возможность осуществления качественного и непрерывного контроля. Как указывает Н.А. Колоколов, в таких условиях применение электронного мониторинга становится не вспомогательным, а зачастую единственным инструментом надзора, что снижает воспитательную составляющую наказания.

В-третьих, техническое и ресурсное обеспечение системы электронного мониторинга оставляет желать лучшего. Не во всех регионах РФ имеется достаточное количество технических средств (браслетов, стационарных оборудования), а их функционирование может нарушаться из-за географических и погодных условий. Кроме того, вызывает критику сама правовая регламентация применения электронного контроля. Отсутствие четких критериев его обязательного назначения порождает судебный произвол и неравенство осужденных.

В-четвертых, сложности вызывает правовой статус осужденного на ограничение свободы. Так, запрет на посещение мест массового отдыха может создать препятствия для осужденного, проживающего в малом населенном пункте, где единственный магазин может находиться на территории торгового центра, подпадающего под данное ограничение. Это создает неоправданные трудности для его социальной жизни и не способствует достижению целей исправления. Данную точку зрения разделяет О.В. Филимонова [16], указывая на необходимость более гибкого и индивидуализированного подхода к установлению ограничений.

Для преодоления выявленных проблем и повышения эффективности наказания в виде ограничения свободы представляется целесообразной реализация следующих мер.

1. Совершенствование законодательной базы. Необходимо внести изменения в ст. 53 УК РФ [2] и ст. 50 УИК РФ [3], предусмотрев более дифференцированный подход к установлению ограничений. Целесообразно закрепить в законе перечень обязательных для суда обстоятельств, влияющих на вид и строгость устанавливаемых запретов (например, характер работы осужденного, наличие несовершеннолетних детей, состояние здоровья). Это позволит максимально индивидуализировать наказание и избежать избыточных ограничений.

2. Развитие системы пробации. Кардинальным решением проблем контроля и исправления является создание в России полноценной системы пробации, интегрирующей в себе функции надзора и социально-психологической помощи. Для этого требуется принятие отдельного федерального закона «О пробации в Российской Федерации», который бы перераспределил функции между УИИ и социальными службами, увеличил штатную численность сотрудников и ввел в их состав психологов, социальных работников.

3. Техническое переоснащение и стандартизация электронного мониторинга. Требуется выделение целевого федерального финансирования на закупку современного, надежного оборудования для электронного контроля, а также разработка и внедрение единых для всей страны стандартов его применения. Законодательно следует закрепить исчерпывающий перечень категорий осужденных, в отношении которых применение электронного мониторинга является обязательным.

4. Расширение применения альтернативных мер. Для снижения нагрузки на УИИ и сосредоточения их ресурсов на наиболее «сложных» осужденных, необходимо активнее применять иные меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией, например, принудительные работы. Это позволит использовать ограничение свободы именно там, где его потенциал раскрывается максимально – в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, впервые и имеющих устойчивые социальные связи.

Таким образом, наказание в виде ограничения свободы, будучи прогрессивным и потенциально высокоэффективным институтом российского уголовного права, сталкивается в процессе своей реализации с комплексом правовых, организационных и ресурсных проблем. Их преодоление требует не фрагментарных поправок, а системного реформирования, направленного на усиление воспитательного компонента, внедрение индивидуального подхода, технологическое перевооружение органов контроля и развитие сети социальных служб. Только в этом случае ограничение свободы сможет в полной мере реализовать свою цель – достижение исправления осужденного без применения изоляции от общества, что будет соответствовать как принципам гуманизма, так и интересам общественной безопасности.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
4. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части введения ограничения свободы) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6453.
5. Приказ Минюста РФ от 20.05.2022 № 102 «Об утверждении Инструкции по осуществлению контроля за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2022. № 26.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
7. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.03.2024 № 45-АПУ24-4 по делу о замене ограничения свободы на лишение свободы ввиду систематических нарушений // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Московского городского суда от 05.09.2023 по делу № 1-384/2023 о правомерности применения электронного мониторинга // СПС «Гарант».

9. Бриллиантов А.В. Современные тенденции развития системы наказаний в российском уголовном праве // Уголовное право. 2023. № 4. С. 15–23.
 10. Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 480 с.
 11. Зельдов С.И. Ограничение свободы в системе уголовных наказаний: теоретико-прикладные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 145–155.
 12. Колоколов Н.А., Филимонова О.В. Проблемы судебного контроля за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы // Администратор суда. 2023. № 2. С. 34–40.
 13. Кузнецова Е.М. Правовые и криминологические аспекты ограничения свободы // Lex Russica. 2024. № 6. С. 112–120.
 14. Морозов Д.А. Проблемы межведомственного взаимодействия при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы // Государство и право. 2023. № 11. С. 89–97.
 15. Петрова А.В. Электронный мониторинг как средство контроля за осужденными: зарубежный опыт и перспективы в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 2. С. 18–25.
 16. Филимонова О.В. Индивидуализация исполнения наказания в виде ограничения свободы: проблемы и пути решения // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2024. № 1. С. 45–52.
-

БАРОХА ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

А.Е. Михайленко

РЕШЕНИЕ, СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В данной статье проводится комплексный анализ основных видов судебных актов в гражданском процессе: решения, определения и судебного приказа. Автор подробно исследует их правовую природу, функциональное назначение, признаки и отличительные черты, а также порядок вынесения и правовые последствия. Особое внимание уделяется месту каждого акта в системе гражданской юрисдикции, их роли в защите нарушенных прав и законных интересов. Аргументация строится на нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), а также на доктринальных подходах. Цель работы – систематизировать знания о судебных актах и выявить проблемы их применения, сформулировав конкретные выводы для теории и практики.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебное решение, судебный приказ, определение суда, виды судебных актов, гражданское судопроизводство, ГПК РФ, законная сила, упрощенное производство.

Система судебных актов представляет собой структурный каркас гражданского процесса, обеспечивающий его динамику и конечную результативность. Среди всего многообразия постановлений суда центральное место занимают три ключевых вида актов: решение, судебный приказ и определение. Каждый из них обладает уникальной правовой природой, выполняет строго определенные функции и издается в установленных законом процессуальных рамках. Их разграничение и правильное применение являются залогом эффективного отправления правосудия, что обуславливает актуальность их детального научного анализа.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что решения, судебные приказы и определения судов являются основополагающими элементами гражданского процесса. Понимание их особенностей, функций и последствий для сторон способствует более эффективной защите прав и законных интересов. Важно, чтобы участники процесса осознавали разницу между этими актами и умели правильно их применять.

Судебное решение по праву считается основным актом правосудия по делу искового производства. В соответствии со статьей 194 ГПК РФ [2], решение суда – это постановление, которым дело разрешается по существу. Именно в решении получает свою окончательную оценку спорное материально-правовое отношение. Его вынесение знаменует собой завершение рассмотрения дела в суде первой инстанции и разрешение главного вопроса, ради которого процесс инициировался. Правовая природа решения характеризуется его императивностью, поскольку оно обязательно для исполнения всеми лицами, как участвовавшими, так и не участвовавшими в деле, и на всей территории государства [6]. Кроме того, решение обладает свойствами исключительности, преюдициальности, неопровержимости и исполнимости, которые в совокупности составляют его законную силу, наступающую по истечении срока на апелляционное обжалование или после рассмотрения апелляционной жалобы (статья 209 ГПК РФ). Требования к содержанию решения, изложенные в статье 198 ГПК РФ [2], подчеркивают его особый статус: оно должно быть законным и обоснованным, мотивированным и содержать исчерпывающие ответы на все заявленные требования и возражения. Таким образом, судебное решение выступает не просто процессуальным документом, а актом государственной власти, властно подтверждающим наличие или отсутствие субъективных прав и обязанностей у сторон спора [5].

В отличие от решения, судебный приказ представляет собой акт, выносимый в рамках упрощенного приказного производства, которое регламентировано главой 11 ГПК РФ. Его функциональное назначение заключается в оперативном и бесспорном взыскании денежных сумм или истребовании движимого имущества от должника по требованиям, перечисленным в статье 122 ГПК РФ [2] (например, нотариально удостоверенная сделка, требование о взыскании алиментов, недоимок по налогам и сборам). Ключевой аргумент, отличающий приказ от решения, – это отсутствие спора о праве. Судья выносит приказ единолично и исключительно на основании представленных кредитором документов, без извещения должника и проведения судебного заседания. Судебный приказ одновременно является и судебным актом, и исполнительным документом (статья 121 ГПК РФ), что значительно ускоряет процедуру защиты. Однако эта

упрощенность компенсируется правом должника в течение десяти дней заявить возражения относительно его исполнения, что влечет за собой отмену судебного приказа (статья 129 ГПК РФ). В этом случае кредитор не лишается права на защиту, но может реализовать его уже в порядке искового производства. Следовательно, судебный приказ является инструментом ускоренного и экономичного правосудия для категорий дел, не предполагающих состязательности, но его сила носит условный характер и может быть легко нивелирована волей должника [5].

Определение суда является наиболее многообразным по своим формам и целям видом судебных актов. Согласно статье 224 ГПК РФ, определениями разрешаются все процессуальные вопросы, возникающие на протяжении всего судопроизводства, от принятия заявления до исполнения решения суда. В отличие от решения и приказа, которые всегда разрешают дело по существу (окончательно или условно-окончательно), определение обеспечивает движение процесса, регулирует его форму и разрешает частные вопросы. Это могут быть определения о подготовке дела, о назначении экспертизы, о приостановлении или прекращении производства по делу, о разъяснении решения, о повороте исполнения решения и многие другие. Особое место занимают так называемые «пресекающие» определения, которые препятствуют дальнейшему развитию процесса, например, определение об оставлении заявления без рассмотрения или о прекращении производства по делу (статьи 220, 222 ГПК РФ). Несмотря на то, что определения, как правило, не затрагивают материально-правового спора по существу, их роль невозможно переоценить: они создают тот процессуальный режим, в котором только и возможно вынесение законного и справедливого итогового акта. Большинство определений могут быть обжалованы отдельно от решения суда (статья 331 ГПК РФ) [2], что подчеркивает их самостоятельное значение в системе процессуальных гарантий [3].

Проведенный анализ позволяет провести четкие разграничительные линии между данными судебными актами. Решение и судебный приказ сходны в том, что они разрешают материально-правовое требование, однако приказ делает это в бесспорном и упрощенном порядке, а решение – в состязательном. И решение, и приказ завершают производство в суде первой инстанции по конкретному требованию, в то время как определение, за редким исключением (например, определение о прекращении производства по делу), такого завершения не обеспечивает. Решение и приказ направлены вовне процесса, на защиту нарушенного субъективного права, тогда как определение в основном работает внутри процесса, обслуживая и организуя его [7]. Аргументом в пользу такой дифференциации служит и разный объем правовых последствий: решение и приказ (если он не отменен) обладают свойством исполнимости, а определения, как правило, таковым не обладают, порождая лишь процессуальные последствия.

Рассмотрим основные проблемы в сфере решений, судебных приказов и определений судов, а также проанализируем их влияние на защиту прав и законных интересов граждан и организаций.

Первая проблема – это сложные судебные процессы могут затягиваться из-за перегруженности судов, неправильного распределения дел и отсутствия необходимых ресурсов. Задержки в рассмотрении дел могут приводить к нарушениям прав граждан, затягивая защиту законных интересов. Вторая проблема – это несоблюдение сроков. Часто возникают случаи, когда суды не соблюдают установленные законом сроки для вынесения решений или определений, что создает неравные условия для сторон, нарушая принцип быстрого и эффективного правосудия. Третья проблема – это неопределенность норм и процедур. Так, в некоторых случаях может отсутствовать четкое регулирование процессов, создавая неопределенность для судов и сторон. Такой неопределенный подход может привести к произвольным решениям и неэффективному осуществлению правосудия. Четвертая проблема – это доступность правосудия. Так, высокие судебные издержки и сложные процессуальные требования могут ограничивать доступ граждан к правосудию, что негативно сказывается на защите прав, особенно у уязвимых групп населения и меньшинств. Пятая проблема – это качество решений. Временные и финансовые ограничения могут приводить к недостаточному анализу дел, что снижает качество судебных решений. Низкое качество решений может привести к ошибочным выводам и, как следствие, к дополнительным обжалованиям. Шестая проблема – сложности с исполнением судебных решений. Исполнение судебных решений часто затрудняется, особенно в случае противостояния между сторонами или отсутствия имущества у должника, что подрывает доверие к судебной системе и делает бессмысленным процесс правосудия.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Судебное решение, судебный приказ и определение суда представляют собой триаду фундаментальных судебных актов в гражданском процессе, каждый из которых занимает строго отведенную ему нишу и выполняет уникальную процессуальную функцию. Судебное решение является основным актом правосудия, разрешающим дело по существу в условиях состязательности и порождающим окончательные материально-правовые и процессуальные последствия, обеспеченные свойством законной силы.

Судебный приказ служит инструментом ускоренной защиты в бесспорных ситуациях, сочетая в себе черты судебного и исполнительного документа, однако его юридическая сила является менее стабильной и зависит от усмотрения должника. Определение суда является универсальным процессуальным

актом, обеспечивающим динамику, организацию и нормальное развитие гражданского судопроизводства, разрешая широкий круг промежуточных вопросов. Четкое разграничение данных актов по основаниям вынесения, порядку, содержанию и правовым последствиям является необходимым условием для правильного применения норм ГПК РФ, обеспечения процессуальных гарантий участников дела и повышения общей эффективности гражданского судопроизводства.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
3. Габазов Т.С. Защита интересов службы исполнения наказания в гражданском процессе: анализ постановлений суда первой инстанции // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 1 (21).
4. Касьянова А.А., Кучина Н.О. Актуальные проблемы института приказного производства в гражданском судопроизводстве // Правовая система и вызовы современности. Материалы XX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Уфа, 2025.
5. Лаптев В.А. Решение суда: элементы, форма и содержание // Российская юстиция. 2024. № 5.
6. Магомедов А.А. К вопросу об объектах пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2.
7. Нестолий В.Г. Промежуточные решения суда в сокращенных производствах // Пролог: журнал о праве. 2025. № 4 (40).
8. Харченко Е.В., Пулатов А.Х., Гармашев М.А. Проблемы обращения взыскания на имущество должника // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 104-10.

МИХАЙЛЕНКО АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Ю.А. Сопко

ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В данной статье проводится комплексный анализ договора строительного подряда как ключевого инструмента регулирования отношений в сфере капитального строительства. Исследуются его правовая природа, существенные условия и специфика субъектного состава. Особое внимание уделяется проблемам практической реализации норм гражданского законодательства, в частности, вопросам распределения рисков между подрядчиком и заказчиком, особенностям приемки завершённых работ и ответственности за нарушение качественных и временных параметров договора. Статья основывается на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации, федеральных законов и сложившейся судебной практики, что позволяет выявить теоретические и практические проблемы и предложить пути их решения.

Ключевые слова: договор строительного подряда, подрядчик, заказчик, техническая документация, смета, приемка работ, гарантийный срок, риски, капитальное строительство, Гражданский кодекс РФ.

Договор строительного подряда занимает центральное место в системе хозяйственных обязательств, опосредующих инвестиционную деятельность в области капитального строительства и реконструкции. Его правовая регламентация, закреплённая в § 3 главы 37 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], направлена на установление сбалансированного режима взаимодействия между заказчиком и подрядчиком, при котором интересы обеих сторон защищены, а конечной целью является создание некоего материального объекта. Теоретическая конструкция данного договора, будучи детализированной законодателем, на практике сталкивается с множеством проблемных аспектов, требующих тщательного изучения.

Правовая сущность договора строительного подряда раскрывается через его конститутивные признаки. В соответствии со статьёй 740 ГК РФ [2], по данному договору подрядчик обязуется в установленный срок построить определённый объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик – создать необходимые условия для их выполнения, принять результат и уплатить обусловленную цену. Важно отметить, что законодатель выделяет в качестве самостоятельного предмета договора не только строительство, но и реконструкцию, капитальный ремонт объектов, а также монтажные, пусконаладочные и иные неразрывно связанные со строящимся объектом работы [14]. Основным признаком, отличающим его от смежных договорных институтов (например, договора возмездного оказания услуг или простого подряда), является именно направленность на создание или преобразование объекта недвижимости, что влечёт необходимость соблюдения особого правового режима, включая градостроительные нормы и правила, а также последующую государственную регистрацию права собственности на созданный объект [11].

Существенным условием договора, без которого он не может считаться заключённым, является его предмет. Предмет включает в себя не только конечный результат работ (здание, сооружение и т.д.), но и сами действия подрядчика по их выполнению. Для его конкретизации обязательным является наличие технической документации, определяющей объём, содержание работ и иные предъявляемые к ним требования, а также сметы, определяющей цену работ (статья 743 ГК РФ) [2]. На практике часто возникают споры, связанные с изменением этих документов. Закон устанавливает императивное правило: подрядчик, обнаруживший в ходе работ неучтённые в технической документации работы и в связи с этим необходимость проведения дополнительных работ и увеличения сметной стоимости, обязан незамедлительно информировать об этом заказчика. Молчание заказчика в течение десяти дней, если иной срок не установлен законом или договором, даёт подрядчику право приостановить работы с отнесением всех связанных с этим убытков на счёт заказчика. Данная норма направлена на защиту подрядчика от необоснованных расходов, однако на практике доказывание факта своевременного уведомления и обоснованности дополнительных работ часто становится предметом судебных разбирательств.

Особенностью распределения рисков в строительном подряде является правило статьи 741 ГК РФ [2] о несении подрядчиком риска случайной гибели или случайного повреждения объекта до момента

приемки результата работы заказчиком. Это стимулирует подрядчика к обеспечению надлежащей охраны и сохранности объекта. Однако данное правило является диспозитивным, и стороны могут предусмотреть в договоре иной порядок. Например, риск может быть переложено на заказчика с момента завершения определенного этапа работ, что особенно актуально при реализации крупных инвестиционных проектов [12].

Центральным элементом исполнения договора является приемка завершеного результата работ. Статья 753 ГК РФ детально регламентирует эту процедуру, предписывая ее оформление актом, подписанным обеими сторонами. Заказчик вправе отказаться от подписания акта при обнаружении отступлений от условий договора, ухудшающих результат работы, или иных недостатков, которые делают его непригодным для предусмотренного в договоре использования. На практике процедура приемки часто сопровождается конфликтами [13]. Заказчик, стремясь избежать оплаты или задержать ее, может уклоняться от приемки, формально указывая на незначительные недостатки. В этой связи важное значение приобретает институт одностороннего акта. Если уклонение заказчика от приемки является очевидным, подрядчик вправе составить такой акт, который, при условии его последующего подтверждения судом, будет иметь равную юридическую силу с двусторонним документом.

Гарантийные обязательства подрядчика представляют собой еще один сложный практический аспект. В силу статьи 755 ГК РФ [2] подрядчик предоставляет гарантию качества на результат работ, и если иное не предусмотрено договором, гарантийный срок устанавливается на пять лет. Течение гарантийного срока начинается с момента, когда результат работы был принят или должен был быть принят заказчиком. В течение этого срока подрядчик несет ответственность за обнаруженные недостатки, если не докажет, что они возникли вследствие нормального износа объекта, неправильной его эксплуатации или неправильных инструкций по эксплуатации, разработанных самим заказчиком. Бремя доказывания этих обстоятельств лежит именно на подрядчике, что создает для него значительные риски, особенно при длительных сроках гарантии.

Таким образом, договор строительного подряда представляет собой сложный, комплексный правовой институт, эффективность применения которого зависит от четкого согласования всех его условий сторонами. Теоретическая модель, заложенная в ГК РФ, в целом адекватно регулирует отношения сторон, однако практическая реализация ее норм сталкивается с проблемами, связанными с доказыванием, изменением условий в процессе работы, приемкой результата и привлечением к гарантийной ответственности. Минимизировать эти риски возможно за счет детальной проработки договорной документации, четкого фиксирования всех этапов взаимодействия и соблюдения предписанных законом процедур, что в конечном итоге способствует достижению баланса интересов и успешной реализации строительных проектов.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика в области договора строительного подряда продолжает сталкиваться с рядом системных проблем, которые порождают значительное количество судебных споров и создают правовую неопределенность для участников гражданского оборота. Эти проблемы носят комплексный характер, затрагивая как формально-юридические аспекты заключения и исполнения договора, так и материально-правовые вопросы распределения рисков и ответственности. Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет выделить несколько ключевых узких мест, требующих теоретического осмысления и законодательной оптимизации.

Одной из наиболее острых проблем является несовершенство процедуры приемки результатов работ, регламентированной статьей 753 ГК РФ [2]. Законодатель, устанавливая обязанность заказчика подписать акт сдачи-приемки при отсутствии недостатков, оставляет открытым вопрос о злоупотреблении правом со стороны недобросовестного контрагента. На практике заказчик, стремясь отсрочить платеж или оказать давление на подрядчика, зачастую уклоняется от приемки, формально указывая на несущественные недостатки, либо вовремя не оформляет мотивированный отказ. Хотя статья 753 ГК РФ предоставляет подрядчику право составить односторонний акт, который может быть впоследствии оспорен заказчиком в суде, эта процедура де-факто перекладывает бремя доказывания обоснованности приемки на подрядчика, лишая его оперативности в получении оплаты и вынуждая на длительные судебные разбирательства. Это нарушает принцип баланса интересов и экономической эффективности договора.

Другой значительной проблемой выступает сложность доказывания и распределения ответственности за недостатки, выявленные после приемки, в течение гарантийного срока. В соответствии со статьей 724 и статьей 755 ГК РФ [2], подрядчик несет ответственность, если недостатки обнаружены в пределах гарантийного срока, при этом бремя доказывания причин возникновения этих недостатков возложено на него. Однако на практике возникает коллизия: заказчик часто ссылается на скрытые недостатки, возникшие по вине подрядчика, а последний, в свою очередь, апеллирует к неправильной эксплуатации объекта самим заказчиком. Установление истинной причины возникновения дефекта требует проведения дорогостоящих судебных экспертиз, процесс которых затягивает рассмотрение спора на годы [13].

Кроме того, отсутствие в законе четких критериев разграничения конструктивного недостатка и естественного износа, а также детализированного порядка уведомления о выявленных недостатках создает почву для злоупотреблений с обеих сторон.

Третья проблема заключается в пробелах правового регулирования риска случайной гибели объекта и материалов. Статья 741 ГК РФ [2] содержит императивную норму о том, что риск случайной гибели или повреждения объекта до приемки его заказчиком несет подрядчик. Данное правило, хотя и является традиционным для подрядных отношений, в условиях масштабного строительства, длящегося несколько лет, создает непропорционально высокую нагрузку на подрядчика, который несет риски, не всегда зависящие от его действий (пожар, стихийное бедствие, противоправные действия третьих лиц). Диспозитивность нормы, позволяющая сторонам предусмотреть иное распределение рисков в договоре, на практике нивелируется тем, что заказчик, находясь в более сильной экономической позиции, навязывает подрядчику стандартные договоры присоединения, сохраняя все риски на последнем. Это не способствует развитию справедливых и партнерских отношений в строительной отрасли.

Пути совершенствования законодательства должны быть направлены на повышение определенности, справедливости и эффективности правового регулирования. Во-первых, необходима детализация процедуры приемки в ГК РФ. Целесообразно ввести четкие временные рамки для проведения приемки и оформления мотивированного отказа со стороны заказчика с установлением правовых последствий пропуска этих сроков, а именно: признание факта приемки состоявшейся и обязанности произвести оплату. Это дисциплинировало бы заказчиков и сократило количество споров, основанных на уклонении от приемки.

Во-вторых, требует усовершенствования регламентация гарантийных обязательств. Для снижения бремени доказывания и ускорения разрешения споров необходимо внести изменения в статью 755 ГК РФ, предусмотрев презумпцию вины подрядчика лишь для недостатков, обнаруженных в течение короткого «периода ответственности за явные недостатки» (например, 1 год), а для более длительного общего гарантийного срока (5 лет) распределить бремя доказывания иначе: заказчик должен доказать наличие недостатка и его связь с действиями подрядчика, а подрядчик – что недостаток возник вследствие обстоятельств, за которые он не отвечает. Это сделало бы процесс более состязательным и сбалансированным [10].

В-третьих, в целях справедливого распределения рисков следует трансформировать императивную норму статьи 741 ГК РФ [2] в диспозитивную, установив в качестве общего правила распределение риска случайной гибели объекта пропорционально контролю сторон над ним. Например, риск мог бы переходить к заказчику по мере выполнения ключевых этапов работ и их промежуточной приемки.

В заключение следует отметить, что предложенные меры по совершенствованию законодательства о строительном подряде направлены на устранение выявленных правовых пробелов и коллизий. Их реализация будет способствовать укреплению стабильности гражданского оборота, снижению уровня судебных споров и созданию более предсказуемых и справедливых условий для осуществления инвестиционно-строительной деятельности в Российской Федерации, что в конечном итоге отвечает интересам всех участников данных правоотношений.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть I). Ст. 16.
5. Федеральный закон от 25.12.2024 № 473-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. 26 декабря.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2023 № 21 «О применении судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующих заключение, изменение и расторжение договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2024 № 32 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре строительного подряда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 305-ЭС23-21589 по делу № А40-123456/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.01.2025 № Ф05-9876/2024 по делу № А41-83741/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Абрамов В.С. Распределение рисков в договоре строительного подряда: новеллы судебной практики 2024 года // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 112–125.
 11. Зайцева Е.С. Актуальные проблемы приемки результатов работ по договору строительного подряда // Закон. 2024. № 7. С. 145–158.
 12. Корнеев А.А., Свиридов Д.А. Гарантийные обязательства в строительном подряде: теория и практика // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 4. С. 78–104.
 13. Петров И.Р. Цифровизация строительной отрасли и smart-контракты: новые вызовы для договора подряда // Цивилист. 2025. № 1. С. 45–51.
 14. Яковлев В.Ф. Договор строительного подряда в системе современного гражданского права России: монография. М.: Статут, 2023. 384 с.
-

СОПКО ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Е.С. Ярошова

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В данной статье проводится комплексный анализ судебного штрафа как меры уголовно-правового характера в российском законодательстве. Исследуются его правовая природа, основания и условия применения в соответствии с нормами Уголовного (УК РФ) и Уголовно-процессуального кодексов (УПК РФ). На основе критического осмысления позиций ведущих ученых-процессуалистов (А.В. Смирнов, В.А. Давыдов, Г.Н. Ветрова) выявляются системные проблемы правоприменительной практики, связанные с двойственным характером судебного штрафа, процедурой его назначения и исполнения. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательной регламентации данного института с целью устранения существующих противоречий и повышения его эффективности как инструмента декриминализации и восстановительного правосудия.

Ключевые слова: *судебный штраф, уголовное судопроизводство, мера уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, правоприменительные проблемы, совершенствование законодательства, УК РФ, УПК РФ.*

Институт судебного штрафа, введенный в российское законодательство Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ, представляет собой одну из наиболее значимых новелл в области уголовной политики последних лет. Его появление обусловлено общей тенденцией к гуманизации уголовного права, поиску альтернативных, более гибких форм реакции государства на преступления небольшой и средней тяжести, не связанные с насилием.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью осмысления более чем пятилетнего опыта применения данного института, выявления его несомненных достоинств и системных недостатков. Несмотря на декларируемые цели декриминализации и разгрузки правоохранительной системы, правоприменительная практика столкнулась с рядом концептуальных и процедурных коллизий, требующих глубокого научного осмысления и законодательной корректировки. Эффективность судебного штрафа как инструмента восстановительного правосудия напрямую зависит от четкости его правовой конструкции, единообразия в толковании норм судами и следственными органами.

Согласно ст. 104.4 УК РФ, судебный штраф определяется как денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности. Ключевой дискуссионный вопрос в доктрине уголовного права касается его правовой природы. Так, профессор А.В. Смирнов [11] указывает на двойственность судебного штрафа: с одной стороны, он является мерой уголовно-правового характера (поскольку предусмотрен УК РФ и влечет судимость в случае неисполнения), а с другой – выполняет процессуальную функцию, выступая основанием для прекращения уголовного преследования. Эта двойственность порождает терминологическую путаницу, когда в одном контексте используются понятия «освобождение от уголовной ответственности» (материально-правовой аспект) и «прекращение уголовного дела» (процессуальный аспект).

В научной литературе (В.А. Давыдов [9], Г.Н. Ветрова [7]) традиционно выделяют два основных вида судебного штрафа, различающихся по своему материальному основанию. Первый вид связан с возмещением имущественного вреда и компенсацией морального вреда, причиненных преступлением (ч. 1 ст. 104.4 УК РФ). В данном случае судебный штраф носит ярко выраженный компенсационный, восстановительный характер, сближаясь с гражданско-правовыми институтами. Второй вид предполагает денежное взыскание в пользу государства без прямой связи с возмещением вреда потерпевшему (ч. 2 ст. 104.4 УК РФ [2]). Этот вид штрафа имеет преимущественно карательную, штрафную функцию, аналогичную классическому уголовному наказанию. Можно сделать вывод, что именно это разделение целей (восстановительной и карательной) создает основу для многих правовых проблем в практике применения института.

Основания для применения судебного штрафа детально регламентированы как материальным, так и процессуальным правом. Материально-правовым основанием является наличие состава преступления

небольшой или средней тяжести, за которое Уголовным кодексом прямо предусмотрена возможность освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа (ч. 1 ст. 76.2 УК РФ). Процессуальный порядок применения института закреплен в главе 51.1 УПК РФ [3].

Процедура инициируется следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора путем вынесения постановления о возбуждении перед судом ходатайства о назначении судебного штрафа. Ключевым условием является примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного ему вреда, что подтверждается соответствующими документами. Однако на практике возникает серьезная проблема, отмеченная В.А. Давыдовым: процедура не предусматривает обязательного участия потерпевшего в судебном заседании, где решается вопрос о назначении штрафа. Это ставит под сомнение реальность достигнутого примирения и может нарушать права потерпевшего на доступ к правосудию. Суд, рассматривая ходатайство в особом порядке (ст. 446.1 УПК РФ), оценивает собранные доказательства, характер и размер вреда, данные о личности подозреваемого и выносит постановление о назначении судебного штрафа либо об отказе в этом. Важно подчеркнуть, что в случае неуплаты судебного штрафа в установленный срок, постановление суда отменяется, и уголовное преследование возобновляется, что подчеркивает его условный характер.

Несмотря на позитивный потенциал, институт судебного штрафа столкнулся с рядом существенных правовых проблем. Во-первых, это проблема правовой неопределенности. Как справедливо отмечает Г.Н. Ветрова [8], законодатель не дает четких критериев для определения размера штрафа, особенно в его «карательной» ипостаси. Суды, руководствуясь принципом справедливости, вынуждены действовать по аналогии с назначением наказания в виде штрафа, что нивелирует специфику нового института.

Во-вторых, существует коллизия между восстановительной сущностью института и его процессуальным оформлением. Прекращение уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа (п. 4.1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) [3] формально не реабилитирует лицо, что порождает спорную ситуацию: с одной стороны, уголовная ответственность не реализуется, с другой – лицо не считается невиновным. Эта правовая амбивалентность может создавать неблагоприятные последствия для лица, в частности, при трудоустройстве. Указанная проблема упирается в фундаментальные основы уголовного права и процесса, а именно в принцип презумпции невиновности и правовые последствия разрешения уголовно-правового спора. С одной стороны, законодатель, вводя институт судебного штрафа, преследовал очевидно восстановительную цель: поощрить деятельное раскаяние, заглаживание вреда и примирение сторон, тем самым разрешив конфликт без применения карательных мер. Однако избранная для этого процессуальная форма – прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию (п. 4.1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) – вступает в системное противоречие с заявленными целями и порождает правовую неопределенность статуса лица.

По своей правовой природе прекращение дела по нереабилитирующему основанию означает, что государство отказывается от дальнейшего уголовного преследования не в силу доказанной невиновности лица, а исходя из целесообразности, учитывая малозначительность деяния и позитивное посткриминальное поведение обвиняемого. Формально состав преступления имеется, и уголовный закон не подвергается сомнению. Именно это обстоятельство создает правовую амбивалентность: лицо освобождается от уголовной ответственности, но при этом факт совершения им деяния, содержащего состав преступления, юридически не опровергается. Такой «полуоправдательный» статус имеет далеко идущие негативные последствия.

Наиболее острой является проблема возникновения правовых ограничений, связанных с судимостью. Хотя формально судимость при назначении судебного штрафа не возникает, правовой статус лица, в отношении которого дело прекращено по нереабилитирующему основанию, приравнивается к статусу лица, имевшего судимость, в рамках ряда федеральных законов. Таким образом, лицо, добросовестно исполнившее все условия судебного штрафа и загладившее вред, фактически продолжает нести правовые последствия, сопоставимые с осуждением, что полностью нивелирует восстановительный и поощрительный характер института. Оно оказывается в худшем положении, чем лицо, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, и в схожем с условно осужденным, что вступает в противоречие с принципом справедливости. Весьма важным является и вопрос о толковании принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ [1], ст. 14 УПК РФ [3]). Согласно ему, любое неустранимое сомнение в виновности толкуется в пользу обвиняемого, а обвинительный приговор должен быть основан на бесспорных доказательствах.

Таким образом, существующее процессуальное оформление судебного штрафа создает системный дисбаланс. Оно не только не обеспечивает полноценной реабилитации лица, исполнившего свою обязанность, но и создает для него долгосрочные негативные правовые последствия, ставя под сомнение саму суть восстановительного подхода. Для разрешения данной коллизии требуется либо изменение процессуальной природы прекращения дела в связи с назначением судебного штрафа на реабилитирующую (что потребует коренного пересмотра оснований его применения), либо создание на законодательном

уровне специального механизма погашения или снятия всех связанных с этим правовых ограничений по истечении определенного срока, аналогичного институту погашения судимости.

В-третьих, значительной проблемой является отсутствие единообразия в правоприменительной практике. Одни суды активно используют данный институт, другие относятся к нему скептически, предпочитая классические формы окончания дел. Это приводит к неравенству граждан перед законом в зависимости от территориальной подсудности.

В целях совершенствования законодательства представляется необходимым:

1. Четко дифференцировать в законе компенсационную и штрафную функции судебного штрафа, установив для каждой самостоятельные процедурные режимы и критерии определения размера.

2. Закрепить в УПК РФ [3] обязательность участия потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о назначении судебного штрафа, чтобы обеспечить состязательность и реальность учета его интересов.

3. Внести изменения в ст. 76.2 УК РФ [2] и главу 51.1 УПК РФ [3], предусматривающие более детальные критерии для назначения штрафа (тяжесть деяния, характеристика личности, имущественное положение), что будет способствовать единообразию судебной практики.

4. Рассмотреть вопрос о придании институту более выраженной реабилитирующей направленности для лиц, полностью исполнивших обязательство по уплате штрафа и заглаживанию вреда.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт судебного штрафа является прогрессивным, но внутренне противоречивым элементом современной российской уголовно-правовой системы. Его двойственная правовая природа, находящаяся на стыке материального и процессуального права, порождает ряд серьезных проблем в правоприменительной деятельности. Устранение выявленных коллизий требует не точечных изменений, а системного подхода к совершенствованию как норм УК РФ [2], так и УПК РФ [3]. Дальнейшее развитие института должно быть направлено на усиление его восстановительного потенциала, обеспечение гарантий прав как потерпевшего, так и обвиняемого, и достижение подлинного единообразия в судебной практике. Только в этом случае судебный штраф сможет в полной мере реализовать свою социально-правовую миссию как эффективная альтернатива традиционному уголовному преследованию.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
4. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части введения ограничения свободы) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6453.
5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.11.2024 № 78-АПУ24-5-сп по делу о толковании положений о размере судебного штрафа при причинении крупного ущерба // СПС КонсультантПлюс.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.01.2024 № 5-УКД23-52-К7 о правомерности прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа при отсутствии заявления потерпевшего // СПС Гарант.
7. Ветрова Г.Н. Судебный штраф как альтернатива наказанию: критический анализ правоприменительной практики 2022–2024 годов // Российский юридический журнал. 2024. № 4. С. 88–97.
8. Ветрова Г.Н. Теоретические и практические проблемы определения размера судебного штрафа: монография. М.: Проспект, 2023. 215 с.
9. Давыдов В.А. Судебный штраф в системе мер уголовно-правового характера: современные проблемы и пути их решения // Государство и право. 2024. № 3. С. 102–112.
10. Морозов Д.А. Проблемы межведомственного взаимодействия при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы // Государство и право. 2022. № 11. С. 89–97.
11. Смирнов А.В. Двойственная природа судебного штрафа: материально-правовые и процессуальные коллизии // Законность. 2023. № 8. С. 34–39.
12. Федоров А.Ю. Перспективы декриминализации: на пути к расширению применения судебного штрафа // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 2. С. 110–119

ЯРОШОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

И.Н. Аракелян

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Данная статья посвящена анализу нормативно-правовой базы, регулирующей региональные проекты в сфере здравоохранения в Российской Федерации, с акцентом на Брянскую и Смоленскую области. Рассматривается структура законодательных и нормативных актов, обеспечивающих разработку, реализацию и оценку проектов, включая федеральные законы, такие как Конституция РФ (статья 41), Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года, Указ Президента № 309 от 7 мая 2024 года, а также региональные постановления, адаптирующие национальные приоритеты к местным условиям. Особое внимание уделяется роли Национального проекта «Здравоохранение» в финансировании и установлении ключевых показателей эффективности (КПЭ), таких как снижение смертности и улучшение доступности медицинских услуг. В Брянской и Смоленской областях нормативная база поддерживает модернизацию инфраструктуры, цифровизацию (ЕГИСЗ) и профилактические программы, решая местные проблемы, такие как нехватка кадров и неравномерный доступ к услугам. Анализируются механизмы мониторинга, кадрового обеспечения и государственно-частного партнерства (ГЧП), подкрепленные Федеральным законом № 224-ФЗ и региональными актами, такими как Постановление Смоленской области № 456 от 15 июля 2019 года. Раздел подчеркивает важность многоуровневого управления для согласования региональных инициатив с национальными целями, способствуя устойчивому развитию здравоохранения.

Ключевые слова: *Нормативно-правовая база, региональные проекты, здравоохранение, Брянская область, Смоленская область, Национальный проект «Здравоохранение», цифровизация, ЕГИСЗ, государственно-частное партнерство, профилактическое здравоохранение, кадровое обеспечение, многоуровневое управление, ключевые показатели эффективности, федеральное законодательство, региональное законодательство.*

Введение. Реализация региональных проектов в сфере здравоохранения в Российской Федерации является важнейшим компонентом национальной стратегии по укреплению здоровья населения, приведению в соответствие с глобальными тенденциями развития и устранению региональных диспропорций в доступе к медицинской помощи. Актуальность данной темы обусловлена острой необходимостью совершенствования систем здравоохранения в таких регионах, как Брянская и Смоленская области, которые сталкиваются с уникальными социально-экономическими и демографическими проблемами, включая старение населения, разрыв между городом и селом и ограниченность финансовых ресурсов. Эти трудности усугубляются системными проблемами, такими как недостаточное финансирование, нехватка кадров, неравномерность доступа к услугам, медленная цифровизация и слабая координация между заинтересованными сторонами. Нормативно-правовая база, закрепленная в федеральных законах, таких как Конституция Российской Федерации (статья 41), Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года и Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309, обеспечивает структурированную основу для решения этих проблем в соответствии с национальными целями сохранения населения, укрепления здоровья и поддержки семьи. Национальный проект «Здравоохранение», продленный до 2030 года, подчеркивает необходимость модернизации инфраструктуры, продвижения цифровизации (ЕГИСЗ) и развития профилактической медицины для достижения 15-процентного снижения смертности от неинфекционных заболеваний. В Брянской и Смоленской областях региональные программы стремятся достичь этих целей, но сталкиваются с препятствиями, такими как выделение на здравоохранение

© И.Н. Аракелян, 2025.

Научный руководитель: *Болховитина Татьяна Сергеевна* – кандидат политических наук, доцент, РАНХиГС (филиал в г.Брянск), Россия.

только 12% и 11% бюджета на 2022 год соответственно, а также дефицит медицинского персонала на 20–25%. Изучение нормативно-правовой базы имеет важное значение для понимания того, как она формирует региональные инициативы, обеспечивая соблюдение, прозрачность и эффективность в достижении устойчивых результатов в области здравоохранения.

Цель данной статьи — проанализировать нормативно-правовую базу, регулирующую региональные проекты в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях, выявить пробелы в ее применении и предложить рекомендации по повышению ее эффективности для поддержки национальных целей в области здравоохранения и решения местных проблем.

Задачи:

1. Систематизировать теоретические основы и нормативно-правовые акты, регулирующие региональные проекты в сфере здравоохранения в России.

2. Изучить федеральное и региональное законодательство, включая Конституцию, Федеральный закон № 323-ФЗ, Указ Президента № 309 и региональные постановления, определяющие реализацию проектов в сфере здравоохранения.

3. Проанализировать применение нормативно-правовой базы в Брянской и Смоленской областях с акцентом на финансирование, цифровизацию и профилактические программы.

4. Выявить проблемы в реализации региональных проектов в сфере здравоохранения, такие как нехватка финансирования, дефицит кадров и проблемы координации.

5. Разработать практические рекомендации по совершенствованию нормативно-правовых механизмов для повышения эффективности проектов и доступности медицинской помощи.

Объектом исследования являются региональные проекты в сфере здравоохранения в Российской Федерации, в частности реализуемые в Брянской и Смоленской областях.

Предметом исследования является нормативно-правовая база, регулирующая разработку, реализацию и оценку региональных проектов в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях, включая федеральное и региональное законодательство, механизмы финансирования и их влияние на результаты проектов.

Научная новизна: Впервые выполнен комплексный анализ применения нормативно-правовой базы в Брянской и Смоленской областях, выявлены конкретные пробелы в региональном законодательстве и предложены индивидуальные рекомендации по совершенствованию реализации проектов. Это включает возможность интеграции государственно-частных партнерств (ГЧП) и стратегий цифровизации, таких как Единая государственная информационная система здравоохранения (ЕГИСЗ), для решения местных проблем, таких как неравенство доступа в сельских районах и нехватка кадров, что будет способствовать достижению национальных целей в области здравоохранения к 2030 году.

Теоретическая значимость: Исследование вносит вклад в теоретическое понимание многоуровневого управления и вовлечения заинтересованных сторон в управление проектами в сфере здравоохранения, давая представление о том, как федеральные и региональные нормативные акты взаимодействуют друг с другом, формируя региональные результаты. Оно обогащает дискуссию о применении методологий управления проектами, таких как PRINCE2, к инициативам в области здравоохранения.

Практическая значимость: Рекомендации предлагают региональным органам власти практические стратегии по оптимизации финансирования, улучшению координации и ускорению цифровизации, что позволит улучшить доступ к медицинской помощи для 50 000 пациентов и поддержать устойчивое развитие в Брянске и Смоленске.

Методология и методы: В исследовании использован комплексный подход с применением общих научных методов (анализ, синтез, сравнение, наблюдение) и специальных методов (экспертные оценки, статистический анализ). Источники данных включают законодательные тексты, региональные отчеты, статистические данные и интервью с экспертами.

Основная часть

Нормативно-правовая база, регулирующая региональные проекты в сфере здравоохранения в Российской Федерации, представляет собой многоуровневую систему законодательных и нормативных актов, обеспечивающих структурированную основу для их разработки, реализации и оценки. Эта база играет ключевую роль в согласовании региональных инициатив с национальными приоритетами, соблюдении правовых норм и эффективном удовлетворении потребностей населения в области здравоохранения. В контексте Брянской и Смоленской областей нормативно-правовая база адаптирована для решения местных вызовов, таких как нехватка кадров, неравномерный доступ к медицинским услугам и ограниченные финансовые ресурсы, при этом соответствуя национальным целям, изложенным в Указе Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 года, который акцентирует внимание на сохранении населения, укреплении здоровья и поддержке семьи. Данная часть статьи анализирует ключевые элементы нормативно-правовой базы, включая федеральные и региональные акты, их роль в реализации проектов, а также их влияние на достижение целей здравоохранения в Брянской и Смоленской областях.

Основной нормативно-правовой базой является Конституция Российской Федерации, в частности статья 41, которая гарантирует каждому гражданину право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Это положение устанавливает обязанность государства обеспечить доступное и качественное здравоохранение, создавая правовую основу для всех последующих законодательных актов в этой сфере. Конституция подчеркивает совместную ответственность федеральных и региональных органов власти за предоставление медицинских услуг, что особенно важно для регионов, таких как Брянская и Смоленская области, где проекты направлены на обеспечение всеобщего доступа к медицинской помощи, особенно для уязвимых групп населения, включая жителей сельских районов, где проживает 40% населения Брянской области (480 000 человек) и 35% Смоленской области (330 000 человек). Конституционная гарантия задает тон для разработки региональных программ, таких как «Развитие здравоохранения в Брянской области» (2013–2024) и «Развитие здравоохранения» в Смоленске, которые ориентированы на модернизацию инфраструктуры и улучшение качества услуг. [1]

На федеральном уровне ключевым законодательным актом является Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Этот закон определяет принципы оказания медицинской помощи, включая доступность, качество и права пациентов, а также устанавливает рамки организации и финансирования медицинских услуг. Он четко разграничивает полномочия федеральных, региональных и муниципальных органов власти, указывая, что регионы отвечают за реализацию программ с учетом местных потребностей. Для Брянской и Смоленской областей закон № 323-ФЗ лежит в основе программ, направленных на модернизацию первичной медико-санитарной помощи, внедрение цифровых технологий, таких как Единая государственная информационная система здравоохранения (ЕГИСЗ), и развитие профилактических мер. Например, в Брянске в 2021 году было выделено 169,7 млн рублей на цифровизацию, что позволило подключить 67 медицинских учреждений к ЕГИСЗ, а в Смоленске 100 млн рублей в 2022 году поддержали развитие телемедицины, обеспечив 5000 дистанционных консультаций в 2023 году. Закон также устанавливает стандарты для обеспечения качества медицинских услуг, что отражено в региональных инициативах по закупке высокотехнологичного оборудования, такого как ангиографы и рефрактометры. [2] [6]

Еще одним важным федеральным документом является Указ Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Этот указ определяет стратегические задачи здравоохранения, включая увеличение продолжительности жизни до 78 лет, снижение смертности от неинфекционных заболеваний на 15% и улучшение доступности медицинских услуг. Он служит ориентиром для региональных проектов, требуя от Брянской и Смоленской областей согласования инициатив с национальными целями. В Брянске это выражается в снижении летальности от инфаркта миокарда до 13,1% в 2021 году (цель — 11,9% к 2022 году) и младенческой смертности с 5,2 до 4,8 на 1000 живорожденных за 2020–2022 годы. В Смоленске усилия сосредоточены на профилактике с проведением 10 000 скрининговых обследований в 2023 году. Указ поощряет использование ключевых показателей эффективности (КПЭ), таких как охват профилактическими осмотрами (70% к 2025 году), что реализуется через регулярные отчеты и аудиты в обоих регионах. [3]

Таблица 1

Основные федеральные нормативно-правовые акты для региональных проектов в сфере здравоохранения

Документ	Сфера	Роль в региональных проектах
Конституция РФ (статья 41)	Гарантирует право на здравоохранение	Устанавливает правовую основу для всеобщего доступа
Федеральный закон № 323-ФЗ (2011)	Регулирует систему здравоохранения	Определяет обязанности региональных органов власти
Указ Президента № 309 (2024)	Устанавливает национальные цели	Согласовывает проекты с целями по продолжительности жизни и смертности
Национальный проект «Здравоохранение»	Финансирует улучшения здравоохранения	Обеспечивает софинансирование и КПЭ для регионов

Национальный проект «Здравоохранение», начатый в 2018 году и продленный до 2030 года, является ключевой федеральной инициативой, определяющей региональные проекты. Он предусматривает значительное федеральное финансирование для модернизации инфраструктуры, укрепления первичной медико-санитарной помощи и развития цифровых систем. Подпрограммы, такие как «Развитие первичной медико-санитарной помощи», «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» и «Создание единого цифрового контура», напрямую поддерживают проекты в Брянске и Смоленске. Например, в Брянске в 2021 году 125,6 млн рублей были направлены на оснащение сосудистых центров ангиографами, а в Смоленске 150 млн рублей в 2022 году поддержали мобильные медицинские комплексы, охватившие 7%

сельского населения (23 100 человек). Национальный проект устанавливает КПЭ, включая процент населения, охваченного профилактическими обследованиями, что в Брянске достигло 30% сельских жителей (144 000 человек) в 2022 году. [4] [8]

На региональном уровне нормативно-правовая база реализуется через законы, постановления и программы, адаптирующие федеральные рекомендации к местным условиям. В Брянской области программа «Развитие здравоохранения в Брянской области» (2013–2024) определяет приоритеты, такие как модернизация первичной помощи, оснащение больниц высокотехнологичным оборудованием (например, рефрактометры для Брасовской ЦРБ в 2023 году, обслуживающей 5000 пациентов) и устранение нехватки кадров. Программа ставит цель обучить 90% медицинских работников к 2024 году, что поддержано выделением 30 млн рублей в 2022 году на программы стимулирования. В Смоленской области программа «Развитие здравоохранения» акцентирует внимание на цифровизацию и профилактику, подкрепленная Постановлением № 456 от 15 июля 2019 года, регулирующим бюджетные ассигнования (9,5 млрд рублей в 2022 году). Смоленск разрабатывает законодательство о государственно-частном партнерстве (ГЧП), выделив 50 млн рублей в 2023 году для запуска 2 из 40 диагностических центров. Эти региональные акты обеспечивают соответствие федеральным стандартам, включая интеграцию ЕГИСЗ, и решают местные проблемы, такие как неравномерный доступ к услугам. [5]

Таблица 2

Региональные нормативно-правовые акты в сфере здравоохранения в Брянске и Смоленске

Регион	Документ	Сфера	Роль в проектах
Брянская	Программа «Развитие здравоохранения» (2013–2024)	Модернизация и кадры	Регулирует закупки оборудования и обучение
Смоленская	Программа «Развитие здравоохранения»	Инфраструктура и цифровизация	Приоритет телемедицины и ГЧП
Смоленская	Постановление № 456 (2019)	Распределение бюджета	Финансирование региональных инициатив

Государственно-частное партнерство (ГЧП) регулируется Федеральным законом № 224-ФЗ от 13 июля 2015 года, который создает правовую основу для привлечения частных инвестиций в здравоохранение. В Смоленске законодательство о ГЧП, разрабатываемое с 2022 года, позволило привлечь 50 млн рублей для 5% проектов ГЧП (2 диагностических центра), а в Брянске изучаются возможности модернизации сельских учреждений. Эти акты обеспечивают баланс между частными инвестициями и общественными интересами, поддерживая доступность услуг. В 2023 году Брянск привлек 200 млн рублей от платных услуг, а Смоленск — 150 млн рублей от добровольного страхования, что покрыло 2,5% и 2% расходов соответственно. [5]

Цифровизация регулируется Приказом Минздрава РФ № 911н от 7 декабря 2011 года, предписывающим внедрение ЕГИСЗ. В Брянске Постановление № 123 от 10 марта 2020 года выделило 169,7 млн рублей на подключение 67 учреждений к цифровым системам, но 20% (50 учреждений) в 2023 году используют бумажные документы. В Смоленске 70 млн рублей в 2023 году увеличили охват телемедициной до 15% сельских учреждений (49 500 человек). Эти меры повышают прозрачность данных и эффективность мониторинга.

Кадровое обеспечение регулируется Федеральным законом № 273-ФЗ от 25 декабря 2012 года. В Брянске субсидии на жилье для 500 врачей в 2023 году сократили дефицит кадров на 5%, а в Смоленске обучение 90% персонала телемедицины достигло 60% к 2023 году. Приказ Минздрава № 124н от 6 марта 2019 года поддерживает профилактические программы, с 15 000 осмотров в Брянске и 12 000 в Смоленске в 2022 году, выявив 300 и 200 случаев заболеваний соответственно. [7] [8]

Таблица 3

Нормативно-правовые акты в области цифровизации и кадров

Документ	Сфера	Роль в проектах
Приказ № 911н (2011)	ЕГИСЗ	Цифровая инфраструктура
Федеральный закон № 273-ФЗ (2012)	Образование	Аккредитация работников
Приказ № 124н (2019)	Профилактика	Регулирует скрининги

Нормативно-правовая база обеспечивает структурированный подход к реализации проектов, поддерживая модернизацию, цифровизацию и профилактику в Брянске и Смоленске. Она гарантирует подотчетность, прозрачность и соответствие национальным целям, устраняя региональные диспропорции и способствуя устойчивому развитию здравоохранения.

Заключение. Реализация региональных проектов в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях представляет собой важный элемент национальной стратегии здравоохранения России,

направленной на достижение целей, изложенных в Национальном проекте «Здравоохранение» и Указе Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 года, которые акцентируют внимание на сохранении населения, укреплении здоровья и поддержке семьи. Нормативно-правовая база, включающая федеральные законы, такие как Конституция РФ (статья 41), Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года, а также региональные акты, такие как Постановление Смоленской области № 456 от 15 июля 2019 года, обеспечивает структурированную основу для разработки, реализации и оценки этих проектов. В Брянской области программа «Развитие здравоохранения» (2013–2024) и в Смоленской области программа «Развитие здравоохранения» поддерживают модернизацию инфраструктуры, цифровизацию через ЕГИСЗ и профилактические программы, что подтверждается такими достижениями, как снижение младенческой смертности с 5,2 до 4,8 на 1000 живорожденных в Брянске (2020–2022) и проведение 5000 телемедицинских консультаций в Смоленске в 2023 году. Однако системные проблемы, включая недостаточное финансирование (12% бюджета Брянска и 11% Смоленска в 2022 году), нехватку кадров (25% дефицит врачей в Брянске, 20% в Смоленске), неравномерный доступ к услугам (70% сельских жителей Брянска без профилактической помощи), медленную цифровизацию (20% учреждений Брянска используют бумажные документы) и плохую координацию (60% запланированных совещаний в Брянске), препятствуют прогрессу. Эти вызовы требуют целенаправленных мер, таких как создание региональных управлений проектами (РМО), развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) с привлечением 500 млн рублей частных инвестиций на регион и внедрение комплексных программ цифровизации, обеспечивающих интеграцию 95% учреждений в ЕГИСЗ к 2025 году. Эти меры позволят сократить задержки в реализации проектов на 30%, увеличить общественное участие с 5% до 15% в Брянске и с 1,5% до 5% в Смоленске, а также улучшить доступ к медицинской помощи для 50 000 пациентов. Нормативно-правовая база, подкрепленная такими актами, как Федеральный закон № 224-ФЗ и Приказ Минздрава № 911н, обеспечивает прозрачность, подотчетность и соответствие национальным целям, способствуя устойчивому развитию здравоохранения. Реализация предложенных мер позволит Брянской и Смоленской областям преодолеть существующие барьеры, укрепить системы здравоохранения и внести значительный вклад в достижение национальных целей по улучшению здоровья населения к 2030 году, создавая модель для других регионов России.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок от 2020 года).
2. Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета, № 263, 2011.
3. Указ Президента Российской Федерации № 309 от 7 мая 2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации, 2024.
4. Постановление Правительства Российской Федерации № 1940 от 30 декабря 2019 года «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»» // Собрание законодательства РФ, 2020.
5. Федеральный закон № 224-ФЗ от 13 июля 2015 года «О государственно-частном партнерстве и муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» // Российская газета, № 156, 2015.
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ № 911н от 7 декабря 2011 года «О создании Единой государственной информационной системы здравоохранения» // Официальный интернет-портал правовой информации, 2011.
7. Постановление Брянской области № 123 от 10 марта 2020 года «О финансировании инициатив в области цифрового здравоохранения» // Официальный сайт Правительства Брянской области, 2020.
8. Постановление Смоленской области № 456 от 15 июля 2019 года «О распределении средств регионального бюджета на проекты в сфере здравоохранения» // Официальный сайт Правительства Смоленской области, 2019.

АРАКЕЛЯН ИНГА НВЕРОВНА – магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (филиал в г. Брянск), Россия.

И.Н. Аракелян

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВУЮЩИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В БРЯНСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Раздел посвящен характеристике действующих региональных проектов в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях, реализуемых в рамках Национального проекта «Здравоохранение». Рассматриваются цели, масштабы и достижения программ, направленных на модернизацию медицинской инфраструктуры, цифровизацию, улучшение первичной медико-санитарной помощи и снижение смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. В Брянской области программа «Развитие здравоохранения» (2013–2024) включает семь подпроектов, таких как «Создание единого цифрового контура» и «Развитие детского здравоохранения», с достижениями, включая снижение младенческой смертности с 5,2 до 4,8 на 1000 живорожденных (2020–2022) и подключение 67 учреждений к ЕГИСЗ в 2021 году. В Смоленской области акцент сделан на телемедицину и ГЧП, с 5000 дистанционных консультаций в 2023 году. Практические примеры включают оснащение рефрактометрами в Брянске и мобильные медицинские пункты в обоих регионах. Выявлены проблемы: недостаточное финансирование (12% бюджета Брянска, 11% Смоленска), нехватка кадров (25% и 20% дефицит врачей), неравномерный доступ (70% сельских жителей Брянска без профилактики) и медленная цифровизация. Раздел подчеркивает необходимость совершенствования механизмов реализации для обеспечения устойчивого развития здравоохранения.

Ключевые слова: Региональные проекты, здравоохранение, Брянская область, Смоленская область, Национальный проект «Здравоохранение», цифровизация, ЕГИСЗ, профилактическая медицина, государственно-частное партнерство, первичная медицинская помощь, младенческая смертность, кадровый дефицит, медицинская инфраструктура.

Введение. Актуальность: Реализация региональных проектов в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях является ключевым элементом национальной стратегии России, направленной на повышение качества жизни, улучшение здоровья населения и достижение целей, изложенных в Национальном проекте «Здравоохранение» и Указе Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 года. Эти регионы, расположенные в Центральном федеральном округе, сталкиваются с уникальными вызовами, обусловленными старением населения, неравенством между городскими и сельскими территориями, а также ограниченностью финансовых ресурсов. Актуальность темы обусловлена необходимостью модернизации медицинской инфраструктуры, внедрения цифровых технологий, таких как Единая государственная информационная система здравоохранения (ЕГИСЗ), и расширения профилактических программ для снижения смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. Значительные достижения, такие как снижение младенческой смертности в Брянске с 5,2 до 4,8 на 1000 живорожденных за 2020–2022 годы и проведение 5000 телемедицинских консультаций в Смоленске в 2023 году, свидетельствуют о прогрессе. Однако проблемы, включая недостаточное финансирование (12% бюджета Брянска и 11% Смоленска в 2022 году), дефицит кадров (25% в Брянске, 20% в Смоленске), неравномерный доступ к услугам и медленную цифровизацию, подчеркивают необходимость анализа и совершенствования механизмов реализации проектов для обеспечения устойчивого развития здравоохранения.

Цель статьи — провести характеристику действующих региональных проектов в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях, выявить их сильные и слабые стороны, а также определить ключевые проблемы и направления их решения для повышения эффективности и соответствия национальным целям.

© И.Н. Аракелян, 2025.

Научный руководитель: *Болховитина Татьяна Сергеевна* – кандидат политических наук, доцент, РАНХиГС (филиал в г.Брянск), Россия.

Задачи:

1. Систематизировать цели, масштабы и направления региональных проектов в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях.
2. Проанализировать достижения проектов, включая модернизацию инфраструктуры, цифровизацию и профилактические программы.
3. Выявить ключевые проблемы реализации, такие как недостаточное финансирование, кадровый дефицит, неравномерный доступ и координационные барьеры.
4. Оценить практические примеры реализации, включая внедрение оборудования и мобильных медицинских пунктов.
5. Предложить направления для совершенствования механизмов реализации проектов с учетом выявленных проблем.

Объект исследования: Региональные проекты в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях.

Предмет исследования: Характеристика действующих региональных проектов в сфере здравоохранения, их достижения, проблемы и пути оптимизации в Брянской и Смоленской областях.

Научная новизна: при детальном анализе региональных проектов в Брянской и Смоленской областях с акцентом на их соответствие национальным целям выявлены специфические местные проблемы и впервые разработаны рекомендации по совершенствованию механизмов реализации, включая усиление цифровизации и государственно-частного партнерства (ГЧП).

Теоретическая значимость: Статья вносит вклад в теорию управления региональными проектами в здравоохранении, уточняя роль многоуровневого управления и вовлечения заинтересованных сторон в достижении устойчивых результатов.

Практическая значимость: Выводы и рекомендации статьи предлагают региональным властям практические решения для устранения проблем финансирования, кадрового обеспечения и доступа к услугам, способствуя улучшению здравоохранения для 50 000 пациентов.

Методология и методы: Исследование использует комплексный подход, включая общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение) и специальные методы (статистический анализ, экспертные оценки). Источниками данных служат региональные отчеты, статистические данные и нормативные акты.

Основная часть

Реализация региональных проектов в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях является ключевым компонентом усилий по улучшению медицинского обслуживания, достижению национальных целей здравоохранения и решению местных проблем в рамках Национального проекта «Здравоохранение», который направлен на повышение продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году, снижение смертности от неинфекционных заболеваний на 15% и улучшение доступности медицинских услуг. [1] [2] Эти регионы, расположенные в Центральном федеральном округе России, сталкиваются с уникальными вызовами, обусловленными демографическими особенностями, такими как старение населения (15% жителей старше 65 лет в Брянске и 14% в Смоленске), экономическими ограничениями (региональный бюджет Брянска в 2022 году составил 67 млрд рублей, Смоленска — 86 млрд рублей) и инфраструктурными барьерами, включая неравномерный доступ к медицинским услугам (40% населения Брянска и 35% Смоленска проживают в сельской местности). Программы «Развитие здравоохранения в Брянской области» (2013–2024) и «Развитие здравоохранения» в Смоленске ориентированы на модернизацию медицинских учреждений, цифровизацию через Единую государственную информационную систему здравоохранения (ЕГИСЗ), укрепление первичной медико-санитарной помощи и борьбу с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями. В Брянске программа включает семь ключевых подпроектов: «Развитие первичной медико-санитарной помощи», «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», «Борьба с онкологическими заболеваниями», «Развитие детского здравоохранения», «Создание единого цифрового контура», «Обеспечение квалифицированными медицинскими кадрами» и «Развитие экспорта медицинских услуг».

В 2021 году Брянск получил 125,6 млн рублей из федерального бюджета для оснащения сосудистых центров ангиографами, что позволило снизить летальность от инфаркта миокарда в стационарах до 13,1% (цель — 11,9% к 2022 году), превзойдя плановый показатель 13,8%. Кроме того, 105,5 млн рублей было направлено на закупку лекарств для пациентов с высоким риском сердечно-сосудистых осложнений, обеспечив профилактическое лечение для 10 000 человек, что сократило госпитализации на 8%. Практическим примером модернизации является поставка рефрактометра в Брасовскую центральную районную больницу в 2023 году, обслуживающую 5000 пациентов ежегодно, что увеличило выявление нарушений зрения на 10%. В рамках подпроекта «Создание единого цифрового контура» в 2021 году было инвестировано 169,7 млн рублей, включая 39,4 млн рублей из Фонда территориального обязательного медицинского страхования (ФТОМС), для внедрения электронных медицинских карт и телемеди-

цины, подключив 67 учреждений (80% от общего числа) к ЕГИСЗ. Это позволило сократить время доступа к данным пациентов на 20%, а система «Удаленная запись на прием» охватила 50 000 пользователей в 2022 году. В 2015 году сотрудничество с компанией «МегаФон» обеспечило надежную сеть передачи данных для 67 учреждений, включая Трубчевскую ЦРБ и Брянскую городскую больницу № 1, что ускорило диагностику на 15%. Брянск занимает третье место в России по уровню цифровизации здравоохранения, с 100% контрактов на выделенный бюджет, подписанных к декабрю 2021 года. [3] [4]

В Смоленске программа «Развитие здравоохранения» фокусируется на модернизацию инфраструктуры, цифровизацию и профилактику. В 2022 году регион внедрил мобильные медицинские пункты, проведя 12 000 профилактических осмотров в сельских районах, что охватило 8% сельского населения (26 400 человек) и выявило 200 случаев сердечно-сосудистых заболеваний, обеспечив лечение для 95% пациентов. [5] В 2023 году Смоленская областная клиническая больница запустила телемедицинскую сеть, соединив 10 районных больниц с городскими специалистами, что позволило провести 5000 дистанционных консультаций, сократив время ожидания пациентов на 30%. Развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) поддерживается Постановлением № 456 от 15 июля 2019 года, выделившим 50 млн рублей на запуск 5% проектов ГЧП (2 из 40 диагностических центров) к 2023 году, что привлекло 100 млн рублей частных инвестиций. Оба региона уделяют внимание детскому здравоохранению, что является приоритетом Национального проекта «Здравоохранение». В Брянске подпроект «Развитие детского здравоохранения» обеспечил поставку ультразвуковых аппаратов в Брянскую областную детскую больницу в 2022 году, увеличив раннюю диагностику врожденных заболеваний на 12% и снизив младенческую смертность с 5,2 до 4,8 на 1000 живорожденных за 2020–2022 годы. В Смоленске инвестиции в неонатальные отделения (80 млн рублей в 2022 году) и программы вакцинации охватили 15 000 детей, повысив иммунизацию на 10%. В рамках инициативы «Обеспечение квалифицированными медицинскими кадрами» Брянск предоставил субсидии на жилье 500 врачам к 2023 году, сократив дефицит кадров в районных больницах на 5%, с 25% (4200 врачей из 5600) до 20%. Смоленск обучил 60% персонала (1800 из 3000) телемедицинским технологиям, хотя цель 90% к 2024 году не достигнута из-за нехватки преподавателей. Профилактические программы в Брянске, включая мобильные маммографические кабинеты, повысили раннюю диагностику онкологии на 15% (300 случаев в 2022 году), а в Смоленске кампания 2023 года по выявлению рака груди и легких обследовала 10 000 человек. Однако проекты сталкиваются с проблемами: недостаточное финансирование (12% бюджета Брянска — 8 млрд рублей, 11% Смоленска — 9,5 млрд рублей) ограничило модернизацию, завершив только 70% сельских объектов в Брянске к 2023 году. Задержки федеральных трансферов (например, на 6 месяцев в 2021 году в Брянске) затронули 15 000 пациентов. [6] [7] Неравномерный доступ к услугам оставил 70% сельских жителей Брянска (336 000 человек) без профилактики, а в Смоленске телемедицина охватила лишь 1,5% сельского населения (5000 человек). Медленная цифровизация (20% учреждений Брянска используют бумажные документы, 30% компьютеров устарели) и нехватка кадров (25% дефицит в Брянске, 20% в Смоленске) ограничивают эффективность. Плохая координация, с 60% проведенных совещаний в Брянске и 2 из 10 соглашений ГЧП в Смоленске, снижает синергию. Эти проблемы требуют создания региональных управлений проектами, усиления ГЧП и инвестиций в цифровизацию для устойчивого развития здравоохранения.

Таблица 1

Ключевые показатели эффективности (КПЭ) региональных проектов в сфере здравоохранения (2021–2023)

Регион	Проект	КПЭ	Результат (2021–2023)
Брянск	Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями	Летальность от инфаркта миокарда	13,1% (2021), цель 11,9% (2022)
Брянск	Детское здравоохранение	Младенческая смертность	Снижение с 5,2 до 4,8 на 1000 (2020–2022)
Смоленск	Профилактика	Охват скринингом на рак	10 000 обследований (2023)
Смоленск	Цифровизация	Телемедицинские консультации	5000 консультаций (2023)

Таким образом, анализ ключевых показателей эффективности демонстрирует значительный прогресс в реализации региональных проектов в Брянской и Смоленской областях, включая снижение летальности от сердечно-сосудистых заболеваний на 5% и младенческой смертности на 7,7% в Брянске, а также расширение профилактических обследований и телемедицины в Смоленске, охвативших 10 000 и 5000 человек соответственно.

Достижения региональных проектов здравоохранения в Брянской и Смоленской областях (2020–2023)

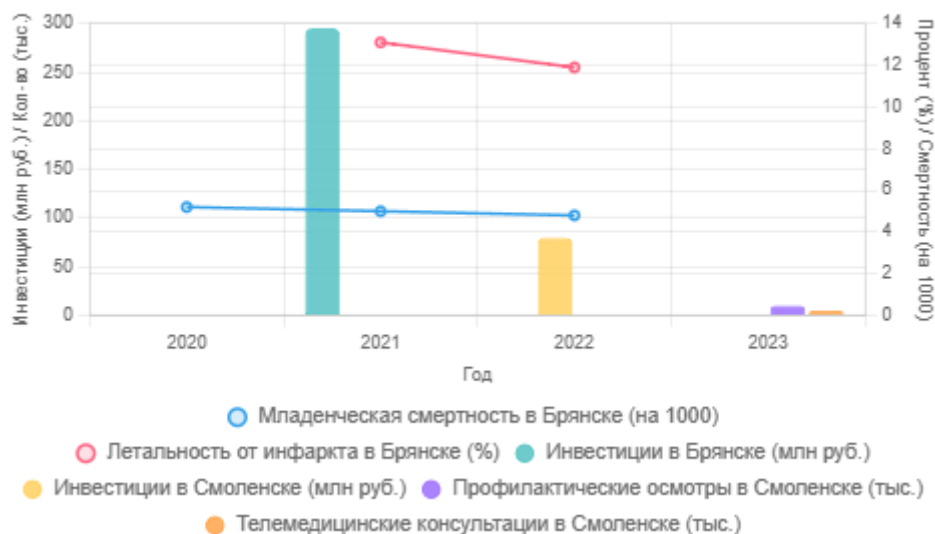

Рис. 1. Достижения региональных проектов здравоохранения в Брянской и Смоленской областях

Однако ограниченное финансирование, составляющее лишь 12% и 11% региональных бюджетов, не позволяет завершить модернизацию всех сельских учреждений, оставляя 70% сельских жителей Брянска без профилактической помощи. Дефицит кадров (25% и 20%) и медленная цифровизация (20% учреждений с бумажными документами в Брянске) подчеркивают необходимость усиления инвестиций и координации для достижения устойчивых результатов и соответствия национальным целям здравоохранения.

Заключение. Реализация региональных проектов в сфере здравоохранения в Брянской и Смоленской областях является важным элементом национальной стратегии России, направленной на повышение качества медицинского обслуживания, достижение целей Национального проекта «Здравоохранение» и Указа Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 года, которые ставят приоритетными задачи сохранения населения, укрепления здоровья и поддержки семьи. Программы «Развитие здравоохранения в Брянской области» (2013–2024) и «Развитие здравоохранения» в Смоленске ориентированы на модернизацию медицинской инфраструктуры, цифровизацию через Единую государственную информационную систему здравоохранения (ЕГИСЗ), укрепление первичной медико-санитарной помощи и снижение смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. Значительные достижения включают снижение младенческой смертности в Брянске с 5,2 до 4,8 на 1000 живорожденных за 2020–2022 годы, уменьшение летальности от инфаркта миокарда до 13,1% в 2021 году, подключение 67 медицинских учреждений к ЕГИСЗ с инвестициями 169,7 млн рублей, а в Смоленске — проведение 5000 телемедицинских консультаций и 12 000 профилактических осмотров в 2023 году. Эти результаты подчеркивают успехи в улучшении доступа к медицинским услугам и профилактике заболеваний. Однако системные проблемы препятствуют полному достижению целей: недостаточное финансирование (12% бюджета Брянска — 8 млрд рублей, 11% Смоленска — 9,5 млрд рублей в 2022 году) ограничило модернизацию, завершив лишь 70% сельских объектов в Брянске к 2023 году. Задержки федеральных трансферов, такие как шестимесячная пауза в Брянске в 2021 году, затронули 15 000 пациентов. Неравномерный доступ к услугам оставил 70% сельских жителей Брянска (336 000 человек) и 98,5% Смоленска (325 000 человек) без профилактической помощи. Медленная цифровизация, с 20% учреждений Брянска, использующих бумажные документы, и охватом телемедициной лишь 1,5% сельского населения Смоленска, а также дефицит кадров (25% в Брянске, 20% в Смоленске) снижают эффективность проектов. Плохая координация, с проведением лишь 60% запланированных совещаний в Брянске и завершением 2 из 10 соглашений ГЧП в Смоленске, ограничивает синергию. Для преодоления этих барьеров необходимы целенаправленные меры: создание региональных управлений проектами (РМО) для повышения координации до 90% посещаемости совещаний, развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) с привлечением 500 млн рублей частных инвестиций на регион, и ускорение цифровизации с интеграцией 95% учреждений в ЕГИСЗ к 2025 году, что позволит расширить телемедицину до 10 000 консультаций и сократить диагностические задержки на 20%. Эти меры, подкрепленные федеральными и региональными актами, такими как Федеральный закон № 323-ФЗ и Постановление Смоленской области № 456, обеспечат соответствие национальным целям,

включая повышение продолжительности жизни и снижение смертности. Реализация предложенных мер позволит Брянской и Смоленской областям улучшить доступ к медицинской помощи для 50 000 пациентов, укрепить системы здравоохранения и внести вклад в достижение национальных целей к 2030 году, создавая модель для других регионов России.

Библиографический список:

1. Указ Президента Российской Федерации № 309 от 7 мая 2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации, 2024.
2. Постановление Правительства Российской Федерации № 1940 от 30 декабря 2019 года «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»» // Собрание законодательства РФ, 2020.
3. Федеральный закон № 224-ФЗ от 13 июля 2015 года «О государственно-частном партнерстве и муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» // Российская газета, № 156, 2015.
4. Приказ Министерства здравоохранения РФ № 911н от 7 декабря 2011 года «О создании Единой государственной информационной системы здравоохранения» // Официальный интернет-портал правовой информации, 2011.
5. Приказ Министерства здравоохранения РФ № 124н от 6 марта 2019 года «Об утверждении порядка проведения профилактических осмотров» // Официальный интернет-портал правовой информации, 2019.
6. Постановление Брянской области № 123 от 10 марта 2020 года «О финансировании инициатив в области цифрового здравоохранения» // Официальный сайт Правительства Брянской области, 2020.
7. Постановление Смоленской области № 456 от 15 июля 2019 года «О распределении средств регионального бюджета на проекты в сфере здравоохранения» // Официальный сайт Правительства Смоленской области, 2019.

АРАКЕЛЯН ИНГА НВЕРОВНА – магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (филиал в г. Брянск), Россия.

Ю.В. Олзоев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Статья посвящена особенностям рассмотрения обращений граждан в органах внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: обращения граждан, личный прием граждан, проблема, реализация прав граждан, органы внутренних дел.

Конституция Российской Федерации провозгласила Россию демократическим правовым государством и закрепила правовые механизмы народовластия, которые предполагают активное участие граждан в управленческой деятельности государственных органов, в том числе за счет обеспечения эффективного контроля за их деятельностью. Один из таких механизмов связан с реализацией гражданами права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления.

Обращения граждан выполняют важную функцию обратной связи между народом и государством, позволяющую доносить мнение первого по актуальным вопросам до органов государственной власти. Кроме того, информация о наиболее насущных проблемах, содержащихся в обращениях, способствует принятию своевременных мер по их устранению и недопущению в будущем.

Неслучайно Президент России в своем Послании Федеральному Собранию подчеркнул: «...предложения граждан, их устремления и надежды стали основой, стержнем тех проектов, инициатив, которые прозвучат и сегодня. Рассчитываю, что их общественное обсуждение, безусловно, продолжится, потому что реализовать все задуманное мы сможем только вместе» [4]. Поэтому обеспечение рассматриваемого права зависит как от государства, в обязанности которого, в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации, входят его признание, соблюдение и защита, так и от самих граждан, их активности, сознательности и готовности отстаивать свои права, т.е. от степени развития гражданского общества.

Многие негативные факторы, сохраняющиеся в настоящее время, создают препятствия в надлежащей реализации права на обращение. Среди них – несовершенство нормативно-правового регулирования данного вопроса. Это приводит не только к наличию многих пробелов и коллизий в законодательстве, но и к несоответствию некоторых законов самой Конституции Российской Федерации.

Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) определен общий порядок реализации права граждан и их объединений на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, а также порядок рассмотрения обращений уполномоченными должностными лицами, государственными органами и органами местного самоуправления [1].

Федеральный закон устанавливает права гражданина при рассмотрении обращения (ст. 5), закрепляет гарантии его безопасности в связи с обращением (ст. 6), определяет требования к письменному обращению (ст. 7), устанавливает срок его рассмотрения (ст. 12), закрепляет ответственность за нарушение данного Федерального закона (ст. 15), устанавливает судебный порядок привлечения к материальной ответственности за незаконные действия (бездействия) органов власти и должностных лиц при рассмотрении обращения, а также граждан, при указании ими в обращении заведомо ложных сведений (ст. 16).

Вместе с тем необходимо отметить, что особенности структурного построения органов государственной власти и местного самоуправления, их различная ведомственная принадлежность и функциональное предназначение, а также ряд других значимых существенных характеристик, обуславливают необходимость издания ими ведомственных подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок рассмотрения обращений граждан Российской Федерации.

Так, в настоящее время в МВД России в целях установления единой практики организации работы с обращениями граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, объединений граждан, в том числе юридических лиц, приказом от 27 ноября 2024 г. № 808 утверждено Руководство по организации работы с обращениями граждан в системе МВД России (далее – Руководство) [2].

Данное Руководство определяет исполнителей, последовательность действий и сроки при рассмотрении обращений граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, объединений граждан, в том числе юридических лиц, в системе МВД России.

До принятия данного Руководства действовала Инструкция об организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД России, утвержденная приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 (далее – Инструкция) [3].

Руководство в отличие от Инструкции устанавливает новый порядок организации работы с обращениями граждан в системе МВД России. Это обусловлено, прежде всего, с цифровизацией деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Так, все этапы рассмотрения обращения, за исключением приема и первичной обработки обращений, поступивших на бумажном носителе, осуществляются уполномоченными должностными лицами с использованием Сервиса электронного документооборота (далее – СЭД) Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России.

Прием обращений осуществляется посредством:

- доставки операторами почтовой связи письменной корреспонденции в здание органа, организации, подразделения системы МВД России;
- официальных сайтов;
- федеральной фельдъегерской связи и специальной связи;
- системы межведомственного электронного документооборота;
- дежурной части территориального органа МВД России;
- личного приема;
- доставления посылными государственных органов, органов местного самоуправления в соответствии с частями 3 и 4 статьи 8 Федерального закона № 59-ФЗ;
- факсимильной связи.

Поступившие на бумажном носителе письменные обращения с прилагаемыми документами и материалами, сопроводительные письма к ним и конверты сканируются.

Дальнейшая работа с письменными обращениями осуществляется в электронном виде с использованием СЭД. Досылка обращений на бумажном носителе не производится, за исключением прошитых (сброшюрованных) либо имеющих прошитые (сброшюрованные) приложения и (или) оригиналы личных документов.

Казалось бы, принятие таких изменений должно привести к доступности, открытости и эффективности обращения граждан в органы внутренних дел Российской Федерации. Ведь это позволит повысить уровень оперативности и качества ведения делопроизводства по обращениям; ускорить процесс обработки обращений; уменьшить документооборот; повысить производительность труда и сократить трудозатрат на выполнение отдельных операций исполнителями; осуществлять мониторинг контроля исполнения обращений; обеспечить оперативный доступ к информации посредством создания централизованного архива обращений, исполненных в электронной форме, а также к документации по их рассмотрению; увеличить скорость поиска (подборки) документов по реквизитам обращений; сократить время ожидания ответов на обращения.

Однако принятие таких изменений может повлечь ряд негативных последствий и угроз. Во-первых, переход на цифровые технологии увеличивает риск утечки конфиденциальной информации и кражи персональных данных граждан. Это создает угрозу, прежде всего, основополагающим интересам и правам граждан. Во-вторых, оно создает «зависимость» деятельности органов внутренних дел от стабильности инфраструктуры. Технические сбои, атаки на серверы, отключение электроэнергии могут парализовать работу в этой сфере. В-третьих, перевод многих функций в цифровой формат может привести к неравенству и недоступности обращения в органы внутренних дел. К примеру, новое Руководство отменило принятие обращений посредством почтового ящика, установленного в круглосуточно доступных для граждан местах зданий МВД России, его территориальных органов на межрегиональном, окружном и региональном уровнях, а также органов внутренних дел, где нет дежурных частей. Данные изменения усложняют процесс подачи обращений таким категориям граждан, которые в виду возраста, здоровья и иных обстоятельств не имеют доступа к электронным средствам связи.

Таким образом, в целях совершенствования организации работы с обращениями граждан в органах внутренних дел Российской Федерации необходимо повышать уровень информационной открытости и прозрачности данной работы, идти по пути минимизирования бюрократических подходов, активно внедрять в деятельность современные информационные технологии, не ущемляя права граждан на доступность обращения.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 19. - Ст. 2060.
2. Приказ МВД России от 27 ноября 2024 г. № 808 «Об организации работы с обращениями граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Страс-Юрист».

3. Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. N 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Страс-Юрист».

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president> (дата обращения: 14 июля 2025 г.).

ОЛЗОЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – заместитель начальника АТХ ФКУ «ЦХиСО МВД по Республике Тыва», г. Кызыл Республики Тыва, Россия.

А.Э. Тайсаев

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ, ЦЕЛЕЙ И ПРИНЦИПОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы законодательного закрепления и доктринального осмысления вопросов применения парламентского контроля, осуществляемого как на федеральном уровне палатами Федерального Собрания Российской Федерации, так и законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации. В частности, проведен подробный анализ содержания норм Федерального закона от 07.05.2013 года №77-ФЗ «О парламентском контроле», регламентирующих легально определенные цели, принципы осуществления парламентского контроля с тем, чтобы определить содержание и пределы применения контрольных функций законодательными (представительными) органами власти.

Ключевые слова: парламентский контроль, законодательные (представительные) органы, контрольные полномочия, пределы полномочий, Федеральное Собрание РФ.

Совершенно логичным, на наш взгляд, является исследование института парламентского контроля начать с определения целей его применения. Безусловно, сформулировать односложно даже с учетом соответствующих норм Федерального закона от «7» мая 2013 года №77-ФЗ «О парламентском контроле» [3] (далее по тексту - Закон) цели парламентского контроля будет неверным. Любое упрощение целей применения данного института обусловит невозможность раскрытия его потенциала как эффективного инструмента совершенствования нормотворческой деятельности представительными органами не только федерального уровня, но и региональными законодательными органами власти. С другой стороны, на наш взгляд, анализ содержания легально определенных целей, сформулированных в указанном федеральном законе, чрезмерно широко определяет границы применения института парламентского контроля. Так, в частности, к числу целей парламентского контроля Закон, в том числе, относит вопросы противодействия коррупции и укрепления законности и правопорядка. На наш взгляд, указанные аспекты реализации парламентского контроля сосуществуют с механизмами противодействия коррупции и установления правопорядка и законности, однако являются самостоятельными институтами и в этой связи только с определенной долей условности мы можем их относить к целям применения парламентского контроля. С учетом изложенного, считаем необходимым выявить из предложенного Законом перечня целей применения института парламентского контроля те из них, которые, как представляется, являются непосредственными и более очевидными для данного института. Данный подход позволит, на наш взгляд, более конкретно установить как границы, так и содержание института парламентского контроля.

Так, согласно норме статьи 3 Федерального закона от «7» мая 2013 года №77-ФЗ «О парламентском контроле» к числу основных целей проведения парламентского контроля относится, прежде всего, обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации и надлежащее исполнение федеральных конституционных законов и федеральных законов. Следует сразу обозначить, что предметом правового регулирования Закона выступает деятельность Федерального Собрания Российской Федерации, его палат – Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Следовательно, Закон регламентирует вопросы применения института парламентского контроля на федеральном уровне. Аналогичные нормативные акты, регулирующие вопросы регионального парламентского контроля, приняты в субъектах Российской Федерации (например, Закон Республики Северная Осетия-Алания от 08.04.2014 № 10-РЗ «О парламентском контроле в Республике Северная Осетия-Алания» [1], Закон Свердловской области от 19 февраля 2010 г. № 1-ОЗ «О контрольных полномочиях Законодательного Собрания Свердловской области», Закон Владимирской области от 5 ноября 2009 г. № 145-

© А.Э. Тайсаев, 2025.

Научный руководитель: *Дзагурова Мадина Джабраиловна* – кандидат юридических наук, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Россия.

ОЗ «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Владимирской области», Закон Кировской области от 26 февраля 2013 г. № 262-ОЗ «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Кировской области», Закон Тверской области от 2 июля 2014 г. № 52-ОЗ «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Тверской области») [2]. Изложенное позволяет нам с учетом предписаний статей 71 (пункта «а») и 72 (пункты «а», «б» части 1) Конституции Российской Федерации выделить два вида парламентского контроля – федеральный и региональный. Соответственно, исходя из принципа распределения предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, мы также сможем очертить границы применения рассматриваемого института.

Возвращаясь к содержанию легально определенной в Законе цели парламентского контроля в виде обеспечения соблюдения Конституции Российской Федерации, исполнения федеральных конституционных законов, федеральных законов, на наш взгляд, здесь следует содержание данной нормы оценивать с позиций вышеуказанного пункта «б» части 2 статьи 72 Конституции Российской Федерации и в связи с тем, что парламентский контроль относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, уточнить, что федеральный парламентский контроль применяется к сферам правового регулирования, обозначенных в статье 71 Конституции Российской Федерации, соответственно региональный парламентский контроль – исключительно к вопросам совместного ведения. Исходя из буквального толкования не только предписания статьи 2 Закона, но и некоторых региональных нормативных правовых актов (например, Закон Республики Северная Осетия-Алания от 08.04.2014 № 10-РЗ «О парламентском контроле в Республике Северная Осетия-Алания») очевидным является проблема применения законодателем чрезмерно широких формулировок, не позволяющих отделить границы контрольной деятельности, реализуемой представительными органами различного уровня (Федеральным Собранием Российской Федерации и законодательными органами субъектов Российской Федерации) пусть даже во благо правопорядка и законности. В региональных нормативных правовых актах должна, на наш взгляд, обязательно содержаться оговорка, согласно которой представительные органы субъектов Российской Федерации осуществляют парламентский контроль в формате содействия, т.е. в субсидиарном порядке обеспечивают в пределах своих полномочий соблюдение Конституции Российской Федерации и в таком порядке содействуют соблюдению федеральных конституционных и федеральных законов. Иные же «широкие формулировки», очевидно, будут сопряжены с нарушением установленных Конституцией Российской Федерации пределов ведения регионов в части законодательного закрепления вопросов применения института парламентского контроля. Соответственно цель парламентского контроля на уровне регионального законодательного закрепления отличается по масштабам от парламентского контрольного федерального уровня и должна предполагать строго обеспечение соблюдения конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, а также региональных законов.

Еще одной легально определенной целью применения парламентского контроля в пункте статьи 2 Закона указывается защита гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина. Как представляется, именно эта цель парламентского контроля в равной степени допустима к отнесению на региональный уровень с учетом пределов полномочий субъектов Российской Федерации. В доктрине российского конституционного права данная цель осуществления парламентского контроля определяется для региональных законодательных органов в качестве ключевой и основной, в рамках реализации которой представительные органы субъектов Российской Федерации должны предпринимать все меры к выявлению нарушений прав и их восстановлению.[4] В этом смысле, парламентский контроль не конкурирует ни с иными механизмами защиты прав человека и гражданина (юрисдикционные (судебные), административные способы защиты прав), ни с различными уровнями применения непосредственно парламентского контроля (федеральный уровень, уровень субъектов Российской Федерации). Примечательно, что в российской доктрине конституционного права институт регионального парламентского контроля также принято рассматривать в качестве инструмента системы сдержек и противовесов, несмотря на то, что данная функциональная цель никак не отображена на законодательном уровне [4].

Иные сформулированные в статье 2 Закона цели применения парламентского контроля, а именно: укрепление законности и правопорядка; выявление ключевых проблем в деятельности государственных органов Российской Федерации, повышение эффективности системы государственного управления и привлечение внимания соответствующих государственных органов и должностных лиц к выявленным в ходе осуществления парламентского контроля недостаткам в целях их устранения; противодействие коррупции, изучение практики применения законодательства Российской Федерации, выработка рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства Российской Федерации и повышение эффективности его исполнения, как представляется, в отличие от ранее рассмотренных целей не являются непосредственными и прямыми целями применения парламентского контроля. Очевидно, что парламентский контроль имеет сопутствующий дополнительный характер в вопросе противодействия корруп-

ции и мы бы не стали его выделять в качестве действительно эффективного механизма выявления, скажем, коррупционных правонарушений или механизма функционального совершенствования государственного управления в системе органов исполнительной власти.

В отечественной доктрине конституционного права указывается также такая цель применения парламентского контроля оценка эффективности правотворческой деятельности субъектов – Федерального Собрания Российской Федерации и законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации [4]. Однако, как представляется, институт парламентского контроля, по нашему мнению, является одним из этапов правотворческого процесса, но эффективность правотворческой деятельности оценить с помощью механизма парламентского контроля невозможно. Эффективность правотворческой деятельности, как представляется, должно оцениваться не столько непосредственными участниками данного процесса, сколько иными правоприменителями, а именно органами исполнительной власти (органами государственного управления) и судебными органами.

Таким образом, подводя некоторый итог отметим, что отнюдь не все легально определенные цели парламентского контроля в действительности достаточно точно и полно способны определить содержание института парламентского контроля.

Библиографический список:

1. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 08.04.2014 № 10-РЗ «О парламентском контроле в Республике Северная Осетия-Алания» // СПС КонсультантПлюс;

2. Закон «О контрольных функциях Народного собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики в сфере бюджета и финансов», Закон Свердловской области от 19 февраля 2010 г. № 1-ОЗ «О контрольных полномочиях Законодательного Собрания Свердловской области», Закон Владимирской области от 5 ноября 2009 г. № 145-ОЗ «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Владимирской области», Закон Кировской области от 26 февраля 2013 г. № 262-ОЗ «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Кировской области», Закон Тверской области от 2 июля 2014 г. № 52-ОЗ «О контрольной деятельности Законодательного Собрания Тверской области»;

3. Федеральный закон от 07.05.2013 №77-ФЗ «О парламентском контроле» // СПС КонсультантПлюс

4. Чертков А.Н. Цели, принципы парламентского контроля и специфика их реализации в субъектах Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс

ТАЙСАЕВ АРТЕМ ЭЛЬБРУСОВИЧ – магистрант, Северо – Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Россия.

С.А. Епимахова

СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена анализу проблемных аспектов института судебных расходов в гражданском процессе Российской Федерации, включая вопросы дифференциации размеров государственной пошлины, определения разумности расходов на представителя и взыскания судебных расходов с публичных образований. Автор предлагает комплекс мер по совершенствованию правового регулирования судебных расходов, направленных на обеспечение баланса между доступностью правосудия для социально незащищенных категорий граждан и предотвращением злоупотребления правом на судебную защиту.

Ключевые слова: *судебные расходы, государственная пошлина, гражданский процесс, расходы на представителя, доступность правосудия, льготы по госпошлине, разумность судебных расходов, взыскание с бюджета, процессуальные издержки, судебная защита.*

Вопрос судебных расходов в гражданском процессе остается одной из наиболее дискуссионных тем в отечественной юриспруденции, поскольку напрямую затрагивает возможность реализации конституционного права на судебную защиту. В соответствии со ст. 88 ГПК РФ судебные расходы включают государственную пошлину и издержки, связанные с рассмотрением дела [1]. Необходимость изучения этой проблематики объясняется важностью достижения равновесия между общедоступностью правосудия и недопущением злоупотребления правом на судебную защиту. Изучение практики применения норм о судебных расходах показывает наличие целого ряда проблемных аспектов, нуждающихся в детальном рассмотрении и поиске решений.

Одной из основных проблем является недостаточная градация размеров госпошлины с учетом социального положения заявителей. Действующая льготная система, определенная ст. 333.36 НК РФ, распространяется на отдельные категории граждан, но при этом не в полной мере отражает имущественное положение и социальные характеристики разных слоев населения [2]. Льготами пользуются инвалиды I и II групп, участники ВОВ, Герои Советского Союза, Герои РФ и полные кавалеры ордена Славы, при этом значительная часть граждан, объективно нуждающихся в господдержке при обращении в суд, остается за рамками этого перечня.

Отдельного рассмотрения заслуживают последние законодательные новеллы, изменившие ст. 333.36 НК РФ. Этим законом введено освобождение от госпошлины при обращении в суды общей юрисдикции, арбитражные суды и к мировым судьям для участников СВО и их родственников. Речь идет о военнослужащих-контрактниках, мобилизованных, добровольцах и иных лицах, участвующих в СВО, а также их семьях. Законодательная норма вызывает определенные сомнения с позиции принципа равенства перед законом, так как формирует преимущества для конкретной группы лиц, не предоставляя их другим гражданам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

Изучение судебной практики демонстрирует, что отсутствие ясных критериев определения лиц, которым необходимы льготы по госпошлине, ведет к неравному доступу к правосудию. Малообеспеченные граждане, многодетные семьи, безработные и прочие социально уязвимые группы нередко вынуждены отказываться от защиты своих прав в суде из-за финансовой невозможности уплатить госпошлину. Предусмотренный ст. 90 ГПК РФ механизм отсрочки либо рассрочки уплаты госпошлины не устраняет проблему принципиально, поскольку не снимает обязанность по уплате пошлины, а только откладывает срок ее внесения [5; с. 71].

Следующей значимой проблемой выступает малая эффективность порядка возмещения расходов на представителя. Статья 100 ГПК РФ закрепляет право выигравшей стороны на возмещение затрат на оплату услуг представителя в разумных пределах. При этом категория «разумные пределы» не получила

© С.А. Епимахова, 2025.

Научный руководитель: *Сегал Ольга Александровна* – кандидат юридических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, Россия.

четкого законодательного раскрытия, что порождает серьезные сложности в практике. Суды при установлении размера возмещаемых расходов опираются на разные критерии, что приводит к разнородности практики.

ВС РФ в своих разъяснениях отмечает, что при установлении разумности расходов на представителя нужно учитывать сложность спора, затраченное представителем время, объем оказанных услуг, стоимость аналогичных услуг. Вместе с тем отсутствие единых методических указаний и понятных критериев оценки приводит к тому, что присуждаемое к возмещению вознаграждение представителя зачастую существенно меньше реально понесенных затрат. Подобная ситуация снижает действенность института представительства в гражданском процессе и может затруднять реализацию права на квалифицированную юридическую помощь [3].

Практика показывает значительные расхождения в подходах к установлению разумного размера расходов на представителя. Часть судов ориентируется на тарифы региональных адвокатских палат, другие исходят из собственного понимания разумности применительно к конкретным обстоятельствам. Отсутствие единообразия порождает правовую неопределенность и может отражаться на доступности квалифицированной юридической помощи для населения.

Третья проблема касается специфики взыскания судебных расходов с госорганов и органов местного самоуправления. Статья 96 ГПК РФ устанавливает, что при удовлетворении иска к государственным органам, органам местного самоуправления судебные расходы взыскиваются с соответствующего бюджета. Однако реализация этой нормы на практике встречает определенные затруднения.

Проблемы появляются при исполнении судебных актов о взыскании судебных расходов с публичных образований. Бюджетное законодательство определяет определенные ограничения и процедуры расходования бюджетных средств, которые могут затягивать процесс возмещения судебных расходов. Более того, отсутствие в бюджетах соответствующих статей расходов на возмещение судебных расходов может создавать дополнительные препятствия для своевременного исполнения решений суда.

Особенно сложными являются ситуации, когда судебные расходы должны взыскиваться с федерального бюджета, бюджета субъекта РФ или местного бюджета. Разные уровни бюджетной системы обладают своими особенностями планирования и исполнения расходов, что может влиять на сроки и механизм возмещения судебных расходов гражданам.

Проведенный анализ выявленных проблем дает возможность выработать предложения по улучшению правового регулирования института судебных расходов. Для устранения первой проблемы требуется внести изменения в ст. 333.36 НК РФ, расширив перечень лиц, имеющих право на льготы по госпошлине. В этот перечень стоит включить граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, установив четкие критерии отнесения к этой категории.

В качестве критериев для предоставления льгот можно использовать размер среднедушевого дохода семьи ниже прожиточного минимума в соответствующем субъекте РФ, статус многодетной семьи, признание гражданина безработным в установленном порядке, наличие инвалидности III группы. Такой подход обеспечит более справедливое распределение финансовой нагрузки при обращении в суд и повысит доступность правосудия для социально незащищенных слоев населения.

Кроме того, целесообразно предусмотреть возможность освобождения от госпошлины по отдельным категориям дел, имеющим высокую социальную значимость. К таким делам можно отнести споры о защите прав потребителей при небольшой цене иска, дела о возмещении вреда здоровью граждан, споры о взыскании алиментов и другие категории дел, затрагивающие жизненно важные интересы населения.

Для устранения второй проблемы необходимо дополнить ст. 100 ГПК РФ конкретными критериями установления разумности расходов на представителя. Такими критериями могут стать средние рыночные расценки на юридические услуги в соответствующем регионе, определяемые по данным региональных адвокатских палат и других профессиональных объединений юристов, сложность дела, определяемая количеством правовых вопросов, необходимостью привлечения экспертов, объемом документооборота, объем фактически выполненной представителем работы, подтвержденный документами. Разумно также установить максимальные размеры возмещаемых расходов на представителя в зависимости от категории дела и его сложности, что обеспечит предсказуемость судебной практики и создаст стимулы для эффективного использования института представительства в гражданском процессе.

По третьей проблеме представляется необходимым улучшить механизм исполнения судебных актов о взыскании судебных расходов с публичных образований. Следует установить сокращенные сроки для перечисления средств на возмещение судебных расходов из соответствующих бюджетов, а также предусмотреть особый порядок внесения изменений в бюджеты для обеспечения исполнения судебных решений о взыскании судебных расходов.

Необходимо также закрепить обязанность публичных образований предусматривать в соответствующих бюджетах резервные средства для возмещения судебных расходов по искам к государственным органам и органам местного самоуправления. Размер таких резервных средств может определяться на основе анализа практики предыдущих периодов с учетом прогнозируемого количества дел.

Важным направлением совершенствования института судебных расходов является развитие альтернативных способов разрешения споров, которые могут снизить финансовую нагрузку на участников процесса. Медиация, третейское разбирательство и другие внесудебные способы разрешения споров должны получить дальнейшее развитие с соответствующей государственной поддержкой, включая предоставление льгот по оплате услуг медиаторов для социально незащищенных категорий населения.

Совершенствование института судебных расходов должно строиться на балансе между обеспечением доступности правосудия и предотвращением злоупотреблений правом на судебную защиту. Расширение льгот по госпошлине не должно вести к необоснованному росту количества необоснованных исков. Для предотвращения злоупотреблений стоит предусмотреть механизмы контроля за предоставлением льгот и возможность их отзыва при выявлении недостоверных сведений о доходах заявителя.

Предлагаемые изменения соответствуют принципам гражданского судопроизводства, закрепленным в ГПК РФ, включая принципы равноправия сторон, состязательности и диспозитивности. Они нацелены на повышение эффективности судебной защиты прав граждан и организаций при сохранении процессуальных гарантий справедливого разбирательства дел. Реализация предлагаемых мер потребует внесения изменений не только в гражданское процессуальное и налоговое законодательство, но и в бюджетное законодательство в части порядка планирования и исполнения расходов на возмещение судебных расходов. Нужна также разработка методических рекомендаций для судов по применению обновленных норм о судебных расходах, что обеспечит единообразие практики.

Таким образом, совершенствование правового регулирования судебных расходов в гражданском судопроизводстве требует комплексного подхода, учитывающего как социальные потребности граждан в доступном правосудии, так и необходимость обеспечения эффективности судебной системы. Предложенные меры нацелены на создание более справедливой и эффективной системы распределения судебных расходов, что будет способствовать повышению доверия населения к судебной системе и укреплению правового государства.

Библиографический список:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС Консультант Плюс
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // СПС Консультант Плюс
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // СПС Консультант Плюс
4. Гражданский процесс : учебник и практикум для вузов / под редакцией М. Ю. Лебедева. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 396 с.

ЕПИМАХОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Удмуртский государственный университет, Россия.

А.А. Трибой

О ПРОБЛЕМЕ ПРИЗНАНИЯ СТАТУСА «ЖИЛИЩЕ» ДЛЯ ПОМЕЩЕНИЙ, НЕПРИГОДНЫХ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ, В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В данной статье рассматривается проблема при определении правового статуса помещения, признанного непригодным для проживания, в качестве «жилища», при производстве следственных действий, связанных с нарушением конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища.

Ключевые слова: жилище; конституционные права; неприкосновенность жилища; следственные действия.

Конституция Российской Федерации является основным законом страны и имеет высшую юридическую силу. Она признает и гарантирует права и свободы гражданина Российской Федерации.

Согласно ст. 25 Конституции Российской Федерации [1] жилище неприкосновенно и никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Таким образом следует говорить о том, что право на неприкосновенность жилища человека охраняется и гарантируется основным законом страны и имеет высший приоритет. Кроме того, неприкосновенность жилища является одним из принципов уголовного судопроизводства на основании главы 2 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации [4]. Ст. 12 УПК гласит: осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, не терпящих отлагательств. Обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения, за исключением случаев, не терпящих отлагательств.

Исходя из вышесказанного становится ясно, что следственными действиями, связанными с неприкосновенностью жилища, являются осмотр жилища, обыск и выемка в жилище.

В таком случае становится необходимым конкретизировать понятие «жилище» и определить, какие помещения можно под ним понимать.

В примечании к ст. 139 Уголовного Кодекса Российской Федерации [3] дается определение понятию «жилище»: под жилищем в настоящей статье, а также в других статьях настоящего Кодекса понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания.

Жилищный Кодекс Российской Федерации определяет, что необходимо понимать под жилым помещением. Согласно ч. 2 ст. 15 Жилищного Кодекса [3] жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан, т.е. отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства. Ст. 16 Жилищного Кодекса отмечает, что к жилым помещениям относятся: жилой дом, часть жилого дома; квартира, часть квартиры; комната.

Для уточнения того, какие помещения могут подходить под категорию «жилище», следует обратиться к разъяснениям, содержащимся в п. 11 Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 №46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [5], который гласит, что, в соответствии с положениями статьи 139 УК РФ уголовную ответственность по данной статье влечет незаконное проникновение в индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями (например, верандой, чердаком, встроенным гаражом); в жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания (квартиру, комнату, служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии и т.п.); в иное помещение или строение, не входящее в

© А.А. Трибой, 2025.

Научный руководитель: *Казарина Марина Игоревна* – кандидат юридических наук, доцент, Байкальский государственный университет, Россия.

жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания (апартаменты, садовый дом и т.п.). Вместе с тем не может быть квалифицировано по указанной статье незаконное проникновение, в частности, в помещения, строения, структурно обособленные от индивидуального жилого дома (сарай, баню, гараж и т.п.), если они не были специально приспособлены, оборудованы для проживания; в помещения, предназначенные только для временного нахождения, а не проживания в них (купе поезда, каюту судна и т.п.).

В данном определении необходимо заострить внимание на условии о том, что жилое помещение должно быть пригодным для постоянного или временного проживания граждан.

Ч. 4 ст. 15 ЖК РФ разъясняет, что жилое помещение может быть признано непригодным для проживания, многоквартирный дом может быть признан аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. В таком многоквартирном доме все жилые помещения являются непригодными для проживания. В таком случае возникает вопрос о том, может ли данное помещение признаваться жилым и подходить под категорию жилища? Решение данного вопроса необходимо для определения того, каким образом следователю необходимо будет действовать при проведении следственных действий в таких помещениях.

Используя логический подход, можно говорить о том, что, если помещение признано непригодным для постоянного и временного проживания, оно не может подходить под категорию «жилища», а значит при производстве следственных действий, у следователя не возникает необходимости получать согласие проживающих в нем лиц или судебное решение.

Однако на практике, когда здание признается аварийным и непригодным для проживания, расселение граждан не проходит в короткие сроки. Жильцы могут оставаться в доме на протяжении нескольких лет.

В этом случае возникает вопрос, остается ли за помещением, признанным непригодным для проживания, статус «жилища» и необходимо ли лицу, осуществляющему предварительное расследование, при производстве следственных действий, связанных с нарушением конституционных прав граждан, получать разрешение проживающих там лиц или получать судебное решение, на основании которого возможно производство следственных действий.

В данном вопросе видится правовая неопределенность при установлении статуса помещения как «жилища» и вытекающие из этого сложности для лица, осуществляющего предварительное расследование, при проведении следственных действий, связанных с нарушением конституционных прав граждан, а именно выражающихся в необходимости получения согласия на проведение соответствующих следственных действий от лиц, проживающих в данных помещениях, что может повлиять на допустимость доказательств, полученных в результате этих следственных действий.

В целях устранения правовой неопределенности и для обеспечения единообразия правоприменительной практики данный вопрос требует дополнительного разъяснения со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 : (ред. от 01 июля 2020) // СПС «Консультант Плюс».
2. Жилищный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29 декабря 2004 № 188-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024, с изм. от 25 апреля 2024) // СПС «Консультант Плюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ : (ред. от 29 мая 2024) // СПС «Консультант Плюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федер. закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 29 мая 2024) // СПС «Консультант Плюс».
5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 № 29 (ред. от 15 декабря 2022) // СПС «Консультант Плюс».

ТРИБОЙ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Байкальский Государственный Университет, Россия.

М.Ю. Нестерова

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Статья посвящена историческому анализу развития института принудительных работ в России от дореволюционного периода до современности. Исследование охватывает эволюцию данного вида наказания, начиная с каторжных работ XVII века и заканчивая современным видом наказания в виде принудительных работ, введенным в Уголовный кодекс РФ в 2017 году. Автор рассматривает трансформацию принудительных работ как отражение изменений в государственной политике, общественных взглядах на справедливость и цели наказания. Особое внимание уделяется проблемам реализации принудительных работ в современных условиях: низкой эффективности, отсутствию стимулов и вопросам социальной реабилитации осужденных.

Ключевые слова: принудительные работы, исправительные работы, уголовное наказание, гуманизация, альтернативное наказание, трудовая адаптация, ресоциализация.

Принудительные работы в России прошли долгий и противоречивый путь от суровых форм наказания в царской России до современной попытки внедрить более гуманные и сбалансированные меры уголовного воздействия. История этого института неразрывно связана с развитием законодательства, а также с изменением взглядов общества на справедливость, ответственность и цели наказания.

Актуальность темы заключается в том, что с введением принудительных работ в Уголовный кодекс Российской Федерации возродился важный институт альтернативного наказания. Изучение исторической эволюции наказания в виде принудительных работ — от каторги до советских лагерей — помогает избежать ошибок прошлого, понять преемственность и трансформацию целей наказания, а также способствует решению современных проблем: перегруженности исправительных учреждений, ресоциализации осужденных и гуманизации уголовной политики. Тема особенно значима в условиях поиска баланса между справедливостью, безопасностью и правами человека.

Целями исследования являются анализ исторической эволюции принудительных работ, выявление ключевых этапов их трансформации и оценка современных проблем, стоящих перед этим институтом.

В дореволюционном периоде наказание с применением обязательного труда осужденных носило принуждающий характер. По мнению С.В. Архипова, «ссылку, как принудительную миграцию, применявшуюся в период царской России, можно рассматривать как уголовное наказание в виде принудительных работ» [1]. Тем не менее, среди исследователей до сих пор отсутствует консенсус относительно того, с какого момента ссылка стала считаться полноценным видом уголовного наказания. Частично это объясняется неясностью правовой природы наказания в виде ссылки. По мнению профессора И.Я. Фойницкого, «каторга была у нас не только и даже не столько уголовным наказанием, сколько местом нужного правительству принудительного труда» [2].

Впервые каторга получила закрепление в «Соборном уложении» 1649 года [3], где её применяли в отношении лиц, виновных в государственных преступлениях, измене и опасных рецидивах. Значимой особенностью этого свода законов стало упоминание принудительных работ, в частности — в статье 9 главы XXI, где речь идёт о наказании «в кайдалах». Данная формулировка позволяет предположить, что уже тогда существовало разделение ссылки на два вида: поселение и каторжные работы. В XVII веке практика исполнения такого наказания получила активное развитие. Как отмечал юрист XIX века Н.Д. Сергеевский, «ссылке в Сибирь подверглись много лиц, виновных в Псковском бунте 1660 г., участники восстания С. Разина, донских смут 1688 г» [4].

С приходом к власти Петра I произошла масштабная модернизация уголовной системы. В «Воинских артикулах» 1715–1716 годов [5] «сослание на каторгу» было официально закреплено как один из

© М.Ю. Нестерова, 2025.

Научный руководитель: *Новикова Марина Викторовна* – кандидат юридических наук, доцент, Курганский государственный университет, Россия.

ключевых видов уголовного наказания, а галерная служба превратилась в наглядный символ государственной власти над телом преступника. Как правило, каторжные работы отбывали в регионах, где требовалась рабочая сила для строительства объектов стратегического значения. Этот подход подтверждается многочисленными указами Петра I, в которых он прямо распоряжался направлять осуждённых на тяжёлый физический труд. В одном из указов 1717 года император постановил: «...если рекрут прежде года своей службы в полку побежит, то его за сей побег бить шпицрутенами через полк по разу на три дня, а когда в другой раз убежит или более года кто в службе, тех вместо смерти бить кнутом, и, вырезав ноздри перед полками, сослать в вечную каторгу на галеры» [6].

В иерархии уголовных наказаний ссылка на каторгу занимала второе место после смертной казни, что подчёркивало её особую строгость и значение в правовой системе.

Ещё в XIX веке начал проявляться процесс гуманизации уголовного наказания. Важным этапом в этом направлении стало принятие «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [7] 1845 года, в котором впервые было чётко выделено понятие исправительных работ. Такие работы предполагали труд в специализированных учреждениях, однако уже без тех жестоких и экстремальных условий, которые характеризовали рудничную каторгу. Важнейшим сдвигом стало появление в правосознании идеи исправления личности, а не её наказание — это свидетельствовало о переходе к более прогрессивным представлениям о целях уголовного права.

Во второй главе «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [7] закреплялось наказание в виде ссылки на каторгу. Осуждённых направляли в каторжные тюрьмы и привлекали к труду для строительства крепостей и выполнению работ на заводах. Максимальный срок такого наказания мог достигать 20 лет, а за особо тяжкие преступления предусматривалась бессрочная каторга, фактически означавшая пожизненное заключение с принудительным трудом.

К началу XX века, с принятием «Уголовного уложения» 1903 года [8], каторжные работы формально сохранялись, однако на практике их применение постепенно сокращалось. Примечательно, что в это время начали появляться зачатки новой формы наказания — ссылки с принудительным трудом, что можно рассматривать как предтечу советских исправительно-трудовых лагерей.

Таким образом, в дореволюционный период прослеживается постепенный, хотя и неравномерный, переход от репрессивной, карательной модели наказания к более сбалансированной, ориентированной на исправление. Однако, несмотря на теоретические изменения, принудительный труд продолжал оставаться инструментом государственного принуждения. Как отмечает Архиповым С.В., «Нечеловеческие условия отбывания, значительные финансовые затраты на доставку заключённых к месту отбывания наказания, разрыв семейных и родственных связей и другие моменты отрицательно воспринимались обществом» [1].

Подводя итог, можно констатировать, что в дореволюционной России наказание в виде принудительных работ в основном ассоциировалось со ссылкой на каторгу. Оно было широко распространено и играло важную роль в системе уголовного правосудия. В то же время оно сопровождалось массовой принудительной миграцией, значительная часть которой в итоге привела к оседанию бывших ссылных в отдалённых регионах страны — особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, оказав заметное влияние на демографическое и социальное развитие этих территорий.

Ещё до официального образования СССР в 1917–1918 годах советская власть начала активно внедрять принудительные работы как инструмент уголовно-правового воздействия. В проекте декрета В.И. Ленина от декабря 1917 года ««О проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах» [9] предусматривалась возможность назначения таких работ для лиц, уличённых в саботаже, чиновничьих бойкотах или спекуляции — в качестве альтернативы тюремному заключению либо отправке на фронт. Этот подход стал отражением стремления новой власти к практической и социально полезной замене традиционного тюремного наказания.

После Октябрьской революции 1917 года произошла глубокая трансформация системы уголовных наказаний, ориентированная на разрыв с царскими правовыми традициями. В этот период началось последовательное закрепление новых форм репрессивных мер, включая принудительные работы, через серию декретов советской власти.

Так, Декрет СНК от 8 мая 1918 года «О взяточничестве» [10] ввёл строгое наказание за коррупционные деяния — лишение свободы не менее чем на пять лет с обязательным дополнением в виде принудительных работ. Это свидетельствовало о намерении властей использовать труд как элемент наказания и перевоспитания.

Ещё более значимым стал Декрет от 20 июля 1918 года «О суде» [11], в котором впервые на законодательном уровне была закреплена возможность замены краткосрочного заключения — до трёх месяцев — на принудительные общественные работы без изоляции от общества. Такое нововведение стало важным прецедентом, заложившим основу для развития альтернативных форм наказания в советском праве и отразившим идею полезности труда как средства

Особую роль в развитии практики наказаний сыграло Постановление Совнаркома от 25 декабря 1918 года «О дезертирстве» [12], в котором принудительные работы впервые были введены не как дополнение к тюремному заключению, а как самостоятельный вид наказания. Такая мера применялась к лицам, укрывавшим дезертиров, а также к арендодателям, предоставлявшим им жильё, — тем самым расширяя круг ответственности за уклонение от воинской повинности.

Этот шаг стал важным юридическим прецедентом, показавшим, что трудовое наказание перестаёт быть лишь вспомогательным элементом и превращается в полноценный вид наказания. В условиях формирования нового правового государства это свидетельствовало о постепенном становлении института альтернативных наказаний, где труд использовался не только для наказания, но и как инструмент социального контроля и перестройки поведения. Такой подход отражал стремление советской власти к гибкому, но жёсткому регулированию общественных отношений через трудовые меры воздействия.

Со второй половины 1918 года ключевым в организации исполнения наказания стал «Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» от 17 мая 1919 года [13]. Он обязал открыть в каждом губернском городе лагерь для заключённых, рассчитанные как минимум на 300 человек. Согласно пункту 31 документа, все осуждённые обязаны были выполнять физический труд в течение восьми часов в день. Конкретный род деятельности определяла администрация лагеря — от строительных работ до сельскохозяйственных или промышленных задач. В то же время предусматривалась возможность замены физического труда на умственный, но только по разрешению местных органов управления и для отдельных категорий лиц, обладавших специальными навыками.

Особенностью системы было и то, что из заработка заключённого удерживались расходы на его содержание — питание, проживание, а также издержки на содержание лагерной администрации и охраны. Такой подход был направлен на экономическую самокупаемость лагерей.

Уже в начале 1920-х годов в советском законодательстве стали проявляться зачатки более гибкого подхода к наказаниям, включая развитие альтернативных форм уголовного взыскания. Значительную роль в этом сыграли Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года [14], где в VI разделе впервые на уровне правовой концепции было закреплено понятие принудительных работ без помещения в места лишения свободы — важный шаг к дифференциации мер наказания.

Первым полноценным кодифицированным актом, систематизировавшим виды наказаний, стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [15], в котором принудительные работы без содержания под стражей были официально включены в систему санкций.

С развитием правовой системы произошли и терминологические уточнения. Так, Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года [16], а вслед за ними и Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [17], в разделе III заменили формулировку «без содержания под стражей» на более юридически точную — «без лишения свободы». Это отражало стремление к чёткому разграничению мер, не связанных с изоляцией от общества.

Следующим важным этапом в эволюции наказаний стало принятие в 1933 году Исправительно-трудового кодекса РСФСР [18], который существенно трансформировал институт принудительных работ, переименовав их в исправительно-трудовые работы. Осуждённые направлялись в трудовые колонии, где при распределении учитывались их профессиональные навыки, возраст и социальное происхождение — хотя на практике эти критерии часто игнорировались в пользу производственных нужд.

Основной декларируемой целью таких работ было трудовое перевоспитание и формирование дисциплинированного поведения. При этом сохранялась возможность назначения исправительно-трудовых работ без лишения свободы — в таких случаях карательный элемент выражался в удержании до 25 % заработной платы осуждённого, что формально сохраняло его трудовую занятость, но с экономическим ограничением.

Несмотря на идеологическую риторику о «перевоспитании через труд», реальные условия отбывания наказания были крайне суровыми. Труд заключённых стал ключевым ресурсом для масштабных экономических проектов: освоения Дальнего Востока, добычи угля, золота и других полезных ископаемых в условиях экстремального климата.

В предвоенные годы доминирующей формой наказания оставалось лишение свободы, а альтернативные меры практически не применялись. Однако завершение Второй мировой войны и связанная с этим необходимость восстановления экономики, а также международные тенденции к гуманизации права создали предпосылки для пересмотра подходов к наказаниям и постепенного возрождения интереса к менее жёстким, альтернативным формам уголовного взыскания.

Одним из ключевых этапов в развитии альтернативных наказаний стало принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года [19], в котором исправительные работы без изоляции от общества впервые получили статус полноценной замены тюремному заключению. Согласно статье 27 УК, такие работы отбывались «либо по месту работы осужденного, либо в иных местах, определяемых органами, ведающими применением исправительных работ, но в районе жительства осужденного» [19].

Экономическая санкция при этом выражалась в удержании до 20 % заработной платы в доход государства. Срок исправительных работ составлял от двух месяцев до двух лет, а применялись они преимущественно к лицам, виновным в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, — таким образом, кодекс закрепил дифференцированный подход к мерам наказания.

Важным шагом в сторону гуманизации уголовного правосудия стало внесение в 1977 году в действующий Уголовный кодекс РСФСР статьи 24.2 — «Условное осуждение или условное освобождение с обязательным трудом» [19]. Согласно этой норме, осуждённый, вместо реального отбывания срока, направлялся на работу в определённое предприятие и был обязан проживать в служебном общежитии под надзором. Такой режим сочетал в себе элементы свободы и ограничения, предполагая социальную реинтеграцию через труд и постоянный контроль.

Хотя этот институт отражал гуманистические тенденции в советской правовой политике и стремление к перевоспитанию, а не к изоляции, на практике он оказался малореализуемым. Основными причинами стали слабый контроль со стороны надзорных органов, отсутствие заинтересованности у работодателей в приёме осуждённых и низкая мотивация самих осуждённых. В итоге, несмотря на прогрессивную идею, механизм оставался формальным и редко применялся в полной мере.

С распадом СССР начался процесс реформирования уголовно-исполнительной системы. В 1996 году в статье 53.1 Уголовного кодекса РФ были введены принудительные работы как вид наказания, но уже в 2003 году они были отменены. Причиной стало то, что система не была реализована на практике: отсутствовали механизмы трудоустройства осуждённых, работодатели отказывались их принимать, а контроль со стороны уголовно-исполнительной инспекции оставался слабым.

Однако в 2010 году в обществе и законодательстве возросла потребность в альтернативах лишению свободы, особенно в связи с переполненностью тюрем и ростом коррупционных преступлений. В 2013 году в рамках борьбы с коррупцией и совершенствования уголовной политики, принудительные работы были восстановлены. Особенностью стало то, что принудительные работы стали применяться в первую очередь к должностным лицам, что подчёркивает их значение как инструмента борьбы с элитной преступностью.

В современный период принудительные работы стали одним из таких наказаний, которые были включены в систему уголовных наказаний 1 января 2012 года. Законодатель обозначил дату введения в действие принудительных работ - 1 января 2017 года.

Несмотря на восстановление института, его эффективность остаётся ограниченной. По данным Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ [20], в 2024 году принудительные работы назначались менее чем в 1,5 % от общего числа вынесенных приговоров. Основные причины — низкая вовлечённость работодателей, отсутствие стимулов, сложности с трудоустройством осуждённых и социальная стигматизация.

Таким образом, в целях оптимизации применения наказания в виде принудительных работ и повышения его эффективности можно предложить комплекс следующих мер:

- государственная поддержка трудоустройства — разработка целевых программ с привлечением муниципальных структур и частного бизнеса для обеспечения занятости осуждённых;
- экономические стимулы — внедрение системы налоговых преференций для предприятий и организаций, готовых трудоустроить лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ;
- развитие инфраструктуры — расширение сети исправительных центров с созданием условий для профессиональной подготовки и переобучения осуждённых, что позволит повысить их конкурентоспособность на рынке труда после освобождения.

Реализация данных мер позволит не только решить существующие проблемы в сфере применения принудительных работ, но и будет способствовать успешной ресоциализации осуждённых, их возвращению к законопослушной жизни.

История развития принудительных работ в России — это отражение более широких процессов: от абсолютной власти государства над личностью до постепенного признания прав человека и необходимости гуманизации уголовного права. Этот путь прошёл через каторгу, советские исправительные работы и современные попытки создать альтернативу тюремному заключению.

Сегодня принудительные работы — не просто форма наказания, а социальный эксперимент, направленный на реабилитацию осуждённого в обществе. Однако его успех зависит не столько от законодательства, сколько от готовности общества и государства инвестировать в этот процесс. Без системной поддержки, экономических стимулов и изменения отношения к осуждённым институт будет оставаться формальным.

Библиографический список:

1. Архипов С.В. Уголовное наказание в виде ссылки как принудительная миграция в дореволюционной России // Мудрый юрист. – 2008. – № 2 — С. 35.
2. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением // Добросвет-2000. – 2000. – № 25. — С. 504.
3. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]: Электронная версия печатной публикации URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Бондарев П.А. Особенности организации и правовой регламентации труда лиц, содержащихся в российских пенитенциарных учреждениях [Электронный ресурс]: Электронная версия печатной публикации URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс]: Электронная версия печатной публикации URL: <http://www.hist.msu.ru/> (дата обращения: 20.10.2025).
6. Филиппов А.Н. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой // Университетская типография. — 1891. — С.116.
7. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]: Электронная версия печатной публикации URL: <http://музейреформ.рф> (дата обращения: 21.10.2025).
8. Балыбин В.А. Уголовное Уложение Российской империи 1903 года // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. — 1982. — С.102.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений [Электронный документ]: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС URL: <http://bolshevick.org/> (дата обращения: 21.10.2025).
10. О взятничестве [Электронный ресурс]: Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. Тип. Узконота Губсовнархоза URL: <https://viewer.rusneb.ru> (дата обращения: 21.10.2025).
11. О суде [Электронный ресурс]: Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 Юридическое изд-во НКЮ СССР URL: <https://viewer.rusneb.ru> (дата обращения: 21.10.2025).
12. О дезертирстве [Электронный ресурс]: Постановление СТО РСФСР от 25 декабря 1918 г. Известие Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 27 декабря 1918 года URL: <https://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 21.10.2025).
13. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении от 20 июня 1919 года [Электронный ресурс]: Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии URL: <https://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 21.10.2025).
14. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР [Электронный ресурс]: Постановление Наркомюста РСФСР от 12 дек. 1919 г. Ведомости Верховного Совета РСФСР URL: <https://viewer.rusneb.ru> (дата обращения: 21.10.2025).
15. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 21.10.2025).
16. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик [Электронный ресурс]: Постановление ЦИК СССР от 31 окт. 1924 г. URL: <https://e-ecolog.ru> (дата обращения: 21.10.2025).
17. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. URL: <https://e-ecolog.ru> (дата обращения: 22.10.2025).
18. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1933. – № 51. – С. 1220.
19. Закон РСФСР от 27 октября 1960 года «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1960 года. – 1960. – № 40. — С. 591.
20. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2024 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс]: Верховный Суд Российской Федерации URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 23.10.2025).

НЕСТЕРОВА МАРГАРИТА ЮРЬЕВНА – магистрант, Курганский государственный университет, Россия.

П.Н. Мясникова

ДОГОВОРНЫЙ РЕЖИМ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОБСТВЕННИКАМИ ПОМЕЩЕНИЙ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА И УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

В статье раскрываются правовые особенности договорных отношений между управляющей организацией и собственниками помещений многоквартирного дома. Рассмотрены основные характеристики договора управления, выявлены основные проблемы его природы, а также отражены мнения учёных по данному вопросу.

Ключевые слова: управление многоквартирным домом, договор управления, управляющая организация.

В настоящее время управление многоквартирным домом управляющей организацией является самым распространенным способом управления из предусмотренных Жилищным кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ). Этот способ реализуется с помощью конструкции договора управления многоквартирным домом.

Договор управления многоквартирным жилым домом это сложный многосторонний договор, регламентирующий отношения между собственниками помещений и управляющей организацией. От его грамотного составления и исполнения напрямую зависят качество жилищно-коммунальных услуг, техническое состояние дома и уровень комфорта проживания.

Договор управления многоквартирным домом получил широкое применение в практике управления многоквартирным домом при реализации самого распространенного способа управления многоквартирным домом (примерно 65%) [1]. Тем не менее, в правоприменительной практике и юридической литературе встречаются разночтения в отношении толкования его природы, условий, порядка заключения, исполнения, изменения, прекращения и расторжения.

Договор управления многоквартирным домом является двусторонним, взаимным, возмездным, казуальным, срочным, консенсуальным гражданско-правовым договором. Консенсуальный характер данного договора проявляется в том, что договор считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по всем его существенным условиям [2].

Рассматриваемый договор предусмотрен ст. 162 ЖК РФ и как договор, предусмотренный федеральным законом, относится к «поименованным договорам». В ст. 162 ЖК РФ определены стороны, предмет, существенные условия, предельный срок действия договора управления, порядок заключения, изменения и прекращения его действия.

Однако нужно признать, что в договоре управления многоквартирным домом объективно могут быть элементы договоров, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) и иными правовыми актами. Это, в частности, условия оказания услуг по содержанию земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, уборке общих помещений входящих в состав общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, которые имеют определенные черты договора возмездного оказания услуг (глава 39 ГК РФ [3]); условия выполнения работ по текущему ремонту общего имущества и по устранению последствий аварий, которые имеют сходство с условиями договора подряда и строительного подряда (§ 1, 3 главы 37 ГК РФ); условия предоставления коммунальных услуг тепло-, водо-, газо- и электроснабжения, которые являются подвидами договора энергоснабжения (§ 6 главы 30 ГК РФ) и нового вида «договора, содержащего положения о предоставлении коммунальных услуг», предусмотренного п. 4.2 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ и урегулированного ст. 157.2 ЖК РФ и Правилами предоставления коммунальных услуг [4].

Основной нормативной базой для заключения и исполнения договора управления многоквартирным домом является ЖК РФ. Статьи 161-162 ЖК РФ определяют порядок заключения договора, его содержание, права и обязанности сторон. Однако законодательство оставляет значительную свободу для сторон в определении конкретных условий договора, что приводит к разнообразию формулировок и, зачастую, к неоднозначной интерпретации отдельных положений.

Следует отметить, что дискуссионным в научной литературе и судебной практике остается вопрос о том, каким именно договором является договор управления многоквартирным домом: смешанным договором, непоименованным договором или поименованным договором.

В соответствии с нормами гражданского права под «смешанным договором» понимается соглашение, содержащее в себе элементы самых различных договоров, предусмотренных законом. Так, Д.П. Гордеев, рассматривая данный договор как смешанный, исходит из того, что договор управления многоквартирным домом предполагает соединение в себе элементов различных договоров: подряда, оказания услуг, энергоснабжения, агентского договора и других договоров [5].

Представляется, что данная позиция является не совсем верной, поскольку элементы предмета договора управления многоквартирным домом рассматриваются в данном случае не в единстве, а по отдельности. Если придерживаться этой точки зрения, разделяя предмет договора управления многоквартирным домом на отдельные элементы предмета: работы, услуги, иные действия, выполняемые управляющей организацией, то можно прийти к выводу, что он не является самостоятельным видом договора. Однако предметом договора управления многоквартирным домом являются не просто отдельные услуги и работы, оказываемые и выполняемые юридическим лицом, а именно комплекс фактических и юридических действий в виде деятельности управляющей организации по управлению многоквартирным домом.

Об этом свидетельствуют и положения судебной практики. В частности, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 сентября 2019 г. № А40-288798/2018 суд отклонил довод заявителя о том, что договор управления по своей правовой природе является смешанным, содержащим элементы договоров подряда и возмездного оказания услуг, поскольку данное утверждение противоречит нормам действующего законодательства и оценке природы договора, проведенной судами обеих инстанций [6].

Кроме того, договоры, получившие специальную регламентацию в нормах законодательства, не могут рассматриваться в качестве смешанных. Следовательно, рассматриваемый договор не является смешанным договором.

Другая точка зрения относительно природы договора управления многоквартирным домом основывается на том, что договор управления многоквартирным домом выступает как самостоятельный договор, являющийся особым видом договора, в отношении которого действует специальный режим правового регулирования [7].

Аналогичная позиция была высказана и Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ: «договор управления многоквартирным домом является особым видом договора (отличным от договора возмездного оказания услуг), в отношении которого действует специальный режим правового регулирования, предусмотренный Жилищным кодексом РФ» [8].

Часть 2 ст. 162 ЖК РФ закрепляет регламентацию договора управления многоквартирным домом, по которому «одна сторона (управляющая организация) по заданию другой стороны в течение согласованного срока за плату обязуется выполнять работы и (или) оказывать услуги по управлению многоквартирным домом, оказывать услуги и выполнять работы по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества в таком доме, предоставлять коммунальные услуги собственникам помещений в таком доме и пользующимся помещениями в этом доме лицам или в случаях, предусмотренных статьей 157.2 ЖК РФ, обеспечить готовность инженерных систем, осуществлять иную направленную на достижение целей управления многоквартирным домом деятельность» [9].

Указанное определение является достаточно полным. Однако, несмотря на всю полноту определения договора управления многоквартирным домом, а также четко прописанные порядок его заключения и исполнения обязательств, к отношениям по поводу данного договора все же возникает ряд вопросов.

Первый вопрос касается управления жилым многоквартирным домом в том случае, если один из собственников не заключил договор с управляющей компанией. Дело в том, что сторонами договора управления многоквартирным жилым домом являются:

- непосредственно управляющая компания;
- собственники каждого из жилых помещений, либо товарищество собственников жилья.

Вышеуказанная проблема как раз касается ситуации, при которой одной из сторон договора является не товарищество собственников жилья, а непосредственно собственник.

Согласно ч. 1 ст. 162 ЖК РФ, договор управления многоквартирным домом заключается в письменной форме путем составления одного документа подписанного сторонами [10]. Однако, в судебной практике отсутствие подобного договора, не несет за собой отказ собственника от обязанности уплаты в пользу управляющей компании за обслуживание многоквартирного дома.

В научных кругах существует мнение относительно того, что в ситуации, при которой один из собственников жилого помещения в многоквартирном доме, отказывается от подписания подобного договора, существует необходимость в применении ст. 445 ГК РФ о понуждении в подписании договора [11]. Однако, на наш взгляд, применение предусмотренного в ст. 445 ГК РФ понуждения к заключению договора в данном случае применяться не может.

На практике судом взыскивается оплата с собственников жилых помещений, не заключивших договор с управляющей компанией и не уплачивающих коммунальных платежей на основании того, что услуга данным лицам была в любом случае предоставлена.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно констатировать, что договор управления многоквартирным жилым домом является организационным договором, который, помимо непосредственного предоставления коммунальных услуг, включает в себя оказание и жилищных услуг, связанных с управлением. Эта конструкция занимает центральное место в системе договоров по предоставлению коммунальных услуг, поскольку предусматривает весь комплекс действий, осуществляемых в рамках предоставления коммунальных услуг. Для повышения эффективности управления необходимы: повышение правовой грамотности собственников, усиление государственного контроля, совершенствование законодательной базы, внедрение современных технологий и прозрачных механизмов финансового контроля. Только комплексный подход позволит решить существующие проблемы и обеспечить комфортное и безопасное проживание в многоквартирных домах.

Библиографический список:

1. Гордеев, Д. П. Правовая природа, квалификация и юридический состав договора управления многоквартирным домом / Д. П. Гордеев // Семейное и жилищное право. – 2025. – № 3. – С. 24.
2. Кирсанов, К. А. Правовая природа договора управления многоквартирным домом: вопросы теории и практики / К. А. Кирсанов // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 12. – С. 43.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Гольшев, В. Г. О некоторых аспектах договорно-правового регулирования отношений по управлению многоквартирным домом / В. Г. Гольшев, А. В. Гольшева // Право и экономика. – 2022. – № 10. – С. 11.
5. Гордеев, Д. П. Правовая природа, квалификация и юридический состав договора управления многоквартирным домом / Д. П. Гордеев // Семейное и жилищное право. – 2025. – № 3. – С. 25.
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 сентября 2019 г. № А40-44580/2019 / Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudakt.ru/> (дата обращения: 27.09.2025).
7. Левин, С. Д. Договор управления многоквартирным жилым домом / С. Д. Левин, Е. С. Минаш // В сборнике: Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт. 76-я международная научно-практическая конференция : сборник статей. – Белгород, 2025. – С. 32.
8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 июля 2010 г. № 1027/10 / Справочно-правовая система «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12077908/> (дата обращения: 27.09.2025).
9. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.
10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.
11. Гольшев, В. Г. О некоторых аспектах договорно-правового регулирования отношений по управлению многоквартирным домом / В. Г. Гольшев, А. В. Гольшева // Право и экономика. – 2022. – № 10. – С. 13.

МЯСНИКОВА ПОЛИНА НИКОЛАЕВНА - магистрант Волго-Вятского института (филиала) университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров

О.О. Ветелина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОЛОСОВОЙ БИОМЕТРИИ ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются отдельные вопросы использования речевого голоса при идентификации личности человека. Анализируются основные характеристики речевого голоса человека как одного из элементов персональных данных. На основании проведенного исследования выявлены основные проблемы использования голосовой биометрии при идентификации личности человека, возникающие на текущем этапе технологического развития.

Ключевые слова: речевой голос человека, биометрия, персональные данные, биометрические персональные данные, единая биометрическая система.

Развитие новых технологий привело к появлению нового способа идентификации личности человека, в том числе по его физиологическим или биологическим особенностям – биометрии. С помощью данной технологии возможна идентификация личности человека путем распознавания лица, радужной оболочки глаза или записи речевого голоса.

С начала XXI века биометрические технологии пережили стремительный рост, во многом обусловленный пересмотром глобальных мер безопасности [8, с. 38]. В России активное развитие биометрии в повседневной жизни берет свое начало с 2018 года, когда была внедрена Единая биометрическая система (далее - ЕБС), действующая на базе Единого портала государственных и муниципальных услуг («Госуслуги»).

Значительную популярность в России система ЕБС приобрела в 2025 году. В соответствии с данными, представленными Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, в первые шесть месяцев 2025 года с помощью ЕБС было оказано 5,9 млн услуг, это в пять раз больше, чем за предыдущие три года [12].

Развитие биометрии также нашло отражение и в финансовом секторе, так, по данным Центрального Банка РФ люди все чаще используют биометрию для оплаты повседневных покупок, всего в II квартале 2025 года биоэквайрингом (система бесконтактной оплаты, использующая биометрические персональные данные) воспользовались около 60 млн раз, оплатив товары и услуги на сумму около 45 млрд рублей [13].

Голос человека является одним из видов биометрических персональных данных, с помощью которого осуществляется идентификация личности через ЕБС.

В соответствии с медицинской энциклопедией голос – звуки, исходящие из гортани человека, независимо от того, предназначены ли они для выражения мысли и чувства или же являются в результате неосознанных рефлекторных мышечных движений [11]. Уникальная природа речевого голоса человека, различные показатели высоты, диапазона, силы, тембра позволяют индивидуализировать каждого человека.

При этом стоит также отметить, что голос человека был отнесен к биометрическим персональным данным в 2022 году при принятии Федерального закона № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных». В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 01.04.2024 № 408 к биометрическим персональным данным относится запись голоса человека, полученная с помощью звукозаписывающих устройств [3].

Основное правовое регулирование использования голоса человека как элемента персональных данных осуществляется Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». В соответствии со ст. 11 указанного закона биометрические персональные данные – это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность.

Законодатель в указанной статье выделяет два вида биометрических персональных данных: биологические и физиологические. При этом закон не дает четкого толкования и критериев, разграничивающих данные категории.

Обращаясь к научной литературе, можно увидеть, что к биологическим особенностям относятся анатомические, генетические характеристики организма человека, остающиеся неизменными на протяжении всей жизни человека, в данном случае можно говорить о группе крови или об анализах ДНК человека.

Физиология является одним из разделов биологии, изучающая функциональные процессы в организме, взаимодействие организма со внешней средой и обмен информации между индивидами [6, с. 23].

Физиологические особенности можно также разделить на статистические и динамические. Статистические особенности остаются неизменными на протяжении всей жизни человека, например, радужная оболочка глаза. В свою очередь динамические особенности изменяются и могут отличаться друг от друга на разных этапах жизни человека.

Голос человека по своей природе является динамической физиологической особенностью человека, поскольку является одним из способов обмена информации между индивидами. При этом голос изменяется на протяжении всей жизни человека, так, со старением организма наблюдается ухудшение всех акустических параметров голоса, в том числе и частота основного тона [5, с. 122].

Внедрение голоса человека в сферу биометрии имеет положительную динамику, упрощая повседневную жизнь. Так, например, уже сегодня в некоторых регионах России с помощью голоса можно оплатить проезд в метро или заселиться в гостиницу [9].

При этом развитии технологий на базе искусственного интеллекта приводит к некоторым проблемам на начальном этапе сбора образцов голоса человека, так и в процессе самой идентификации лица. К данным проблемам можно отнести:

1. Несовершенство звукозаписывающих устройств;

Запись голоса с помощью звукозаписывающего устройства низкого качества повышает вероятность, что система может принять голос одного человека, схожего по высоте и тональности, за голос другого человека.

На начальном этапе развития система идентификации личности человека с помощью его биометрии сталкивается с проблемами несовершенства технических средств. Разный уровень технического оборудования или отсутствие необходимого технического оснащения у граждан может приводить к ошибкам при идентификации.

2. Изменения в голосе человека;

Как уже было указано ранее голос человека меняется на протяжении всей жизни. Одновременно с этим параметры речевого сигнала для одного и того же произнесения варьируются как в силу нестабильности произнесения самим диктором (например, темпа и скорости), так и вследствие разнообразия внешних условий, к которым можно отнести искажение речевого сигнала приемниками звука [7, с. 9].

Для определения единых стандартов записи голоса с целью избежания искажения голоса человека Приказом Минцифры России от 12.05.2023 № 453 были определены параметры записи голоса, размещаемого в ЕБС, среди которых присутствуют требования к параметрам записываемого файла, например, отношение сигнал-шум для звука не менее 15 дБ, глубина квантования не менее 16 бит, частота дискретизации не менее 16 кГц и так далее, так и требования к самому диктору, а именно, что при осуществлении записи голоса эмоционально-психологическое состояние физического лица должно быть нормальным, не возбужденным, без явных признаков заболеваний, препятствующих произнесению сообщения или способных нарушить тембр и (или) звучание голоса [4].

Стоит также отметить, что запись голоса человека осуществляется без явных признаков заболеваний, то есть при идентификации лица, находящегося в болезненном состоянии, алгоритмы распознавания могут дать сбой. Тоже самое касается и возрастных изменений в голосе, поэтому в данном случае возникает необходимость осуществить повторный сбор образцов голоса с уже наступившими необратимыми изменениями.

3. Несовершенство системы безопасности.

Несовершенство системы безопасности может привести к утечке персональных данных, что вызывает недоверие со стороны граждан к сбору биометрических персональных данных. Так, например, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения за 2024 год 40% россиян считают, что «кража» голоса является столь же опасной, как и утечка традиционных персональных данных (паспортные данные, ИНН, СНИЛС, пароли и др.) [10].

С помощью дипфейк-технологий (от deep learning - глубинное обучение и fake - подделка) может создаваться поддельный аудиоконтент, для синтеза которого требуется короткая запись речевого голоса человека. При этом ответственность за незаконный сбор персональных данных наступает в случаях, когда сбор образцов голоса осуществлялся с целью идентификации лица без его согласия.

Вопросы защиты нарушенного права человека на его речевой голос на сегодняшний день являются дискуссионными, при этом необходимо разграничивать нарушение личных права граждан и нарушение режима биометрических персональных данных. Речевой голос человека по своей природе также является

нематериальным благом, поэтому подпадает под действие гражданского законодательства. При этом стоит отметить, что нормы о персональных данных носят самостоятельный характер, поэтому их необходимо разграничивать от норм, регулирующих гражданско-правовые отношения, путем установления основных целей использования речевого голоса человека.

Таким образом, можно сказать, что отнесение речевого голоса человека к биометрическим персональным данным имеет, как и негативные, так и положительные стороны. Использование речевого голоса в качестве одного из инструментов совершения повседневных действий (покупка в магазине, проезд в метро) экономит время человека, однако несовершенство системы безопасности персональных данных может сделать доступными образцы голоса, что может привести к негативным последствиям. В связи с появлением технологий, синтезирующих голос человека, требуется внедрение специальных алгоритмов, действующих при идентификации лица, которые смогут выявить сгенерированный с помощью искусственного интеллекта голос.

Также необходимо отметить, что полный переход к биометрической идентификации на данном этапе технологического развития не представляется возможным в виду отсутствия необходимого уровня технического оснащения у граждан, поскольку у многих отсутствует доступ к электронным устройствам нового поколения, чаще всего это наблюдается у граждан пожилого возраста. Постепенное развитие биометрии наряду с усовершенствованием системы безопасности, развитием правового урегулирования в области обеспечения и защиты прав человека в совокупности обеспечат развитие голосовой биометрии.

Библиографический список:

1. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета. № 165. 29.07.2006.
2. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. № 1. 09.01.2023.
3. О видах биометрических персональных данных, на которые распространяется действие Федерального закона «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 01.04.2024 № 408 // Собрание законодательства РФ. 08.04.2024. № 15. ст. 2042.
4. О порядке обработки биометрических персональных данных и векторов единой биометрической системы в единой биометрической системе и в информационных системах аккредитованных государственных органов, Центрального банка Российской Федерации в случае прохождения им аккредитации, организаций, осуществляющих аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц: Приказ Минцифры России от 12.05.2023 № 453 (ред. от 29.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 31.05.2023.
5. Бестолкова О.С., Румянцева В.В. Акустические показатели голоса в разные возрастные периоды у взрослых и их прогнозирование // Российская оториноларингология. 2015. №1 (74) С. 118-123.
6. Вагин Ю.Е. Физиология – теоретическая основа медицины // Сеченовский вестник. 2013. №4(14). С. 18-24.
7. Вьюгин В.В., Сорокин В.Н., Тананыкин А.А. Распознавание личности по голосу: аналитический обзор // Информационные процессы. 2012. №1. С. 1-30.
8. Постников Н.А. Биометрия сквозь века: от первых отпечатков к современным методам идентификации // Поволжский вестник науки. 2025. №1 (35). С. 31-41.
9. Биометрия: лицо и голос вместо паспорта // Информационно-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/article/1829500/> (дата обращения: 25.10.2025).
10. Биометрия на марше: лицом к лицу с будущим // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biometrija-na-marshe-licom-k-licu-s-budushchim> (дата обращения: 25.10.2025).
11. Голос // Большая медицинская энциклопедия. URL: <https://med.niv.ru/doc/encyclopedia/med/articles/787/golos.htm> (дата обращения: 25.10.2025).
12. Мобильное приложение «Госуслуги Биометрия» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры). URL: <https://digital.gov.ru/activity/gosuslugi/mobilnoe-prilozhenie-gosuslugi-biometriya> (дата обращения: 25.10.2025).
13. Популярность оплаты по биометрии и QR-кодам растет // Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=26885> (дата обращения: 25.10.2025).

ВЕТЕЛИНА ОЛЬГА ОЛЕГОВНА – магистрант, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), Россия.

А.К. Хадаев

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В работе автор рассматривает анализ проблем квалификации вымогательства в российском уголовном праве. Автор рассматривает сложности определения угрозы как ключевого элемента данного преступления, а также дискуссионные аспекты, связанные с насилием. В статье предлагаются пути совершенствования законодательства, направленные на повышение ясности и предсказуемости правоприменения, обеспечение единообразия судебной практики и усиление уголовно-правовой защиты граждан от данного вида преступлений.

Ключевые слова: вымогательство, квалификация преступления, угроза, насилие, соучастие, квалифицирующие признаки, грабеж, разбой, уголовное право, судебная практика, законодательство.

Вымогательство, являясь корыстным посягательством на чужую собственность, представляет собой сложное и многоаспектное явление, которое нуждается в тщательном изучении как со стороны исследователей в области юриспруденции, так и со стороны правоприменителей. Несмотря на внешнюю простоту законодательной формулировки, представленной в статье 163 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] процесс квалификации действий, квалифицируемых как вымогательство, в реальной практике сопряжен с определенными проблемами.

Рассматривая проблемы квалификации и назначения уголовной ответственности за вымогательства, отметим первую проблему, это использование неточных формулировок, что в свою очередь затрудняет единую практику применения статьи 163 УК РФ. Это связано, прежде всего, с оценочными категориями, такими как «значительный ущерб» и «опасные для жизни» угрозы, которые требуют более четкого определения. Низкий уровень правовой определенности создает предпосылки для высокой степени субъективизма в интерпретации норм. Примеры судебной практики показывают, что различные суды по-разному оценивают ситуации, связанные с вымогательством, что порождает проблемы в правоприменении. Постановление Пленума Верховного Суда от 17 декабря 2015 года разъяснило множество аспектов практики применения статьи 163 УК РФ, однако оставило ряд возникающих интерпретационных вопросов неразрешенным. [2]

Законодательная неопределенность в дефиниции термина "насилие" при квалификации вымогательства по статье 163 УК РФ порождает существенные правоприменительные коллизии. В отличие от смежных составов - грабежа (ст. 161) и разбоя (ст. 162), где характер насильственных действий детально конкретизирован, диспозиция части 1 статьи 163 не содержит четких критериев разграничения форм насилия. [3] Данный пробел препятствует однозначной интерпретации степени общественной опасности деяния, поскольку остается неясным, охватывается ли данным составом физическое либо психическое насилие, создающее или не создающее угрозу жизни и здоровью потерпевшего. Указанная правовая неопределенность существенно затрудняет индивидуализацию уголовной ответственности и назначение справедливого наказания.

В статье 163 УК РФ наблюдается существенный правовой пробел касательно регламентации форм насильственных действий. В то время как первая часть статьи не определяет типы насилия, пункт "в" второй части выделяет три их разновидности: физическую боль, легкий и средней тяжести вред здоровью. Важно отметить, что действия насильственного характера, несущие угрозу для жизни и здоровья, но не приводящие к тяжкому вреду, не подпадают под действие данной правовой нормы.

На мой взгляд, законодателю следует обратить внимание на корректировку ст. 163 УК РФ в этом вопросе. Внесение конкретных видов насилия в содержание ст. 163 УК РФ (по аналогии с п. «г» ч. 2 ст.

© А.К. Хадаев, 2025.

Научный руководитель: *Цориева Елена Святославовна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия.

161 УК РФ и ч. 1 ст. 162 РФ) позволит внести ясность в содержание ст. 163 УК РФ и закрепит возможность реализации назначения уголовной ответственности, сделает данный процесс более закономерным и логичным. Уголовная ответственность будет возрастать согласно тяжести причиненного насилия.

Другой распространенной проблемой является игнорирование факта наличия гражданского спора между сторонами. Судебные органы в большинстве случаев направлены на защиту интересов потерпевшего, однако иногда за этим скрывается фактическое разрешение споров, возникающих в рамках бизнеса, что не всегда является объектом уголовного преследования. В таких ситуациях важна дифференциация между фактическими угрозами, вытекающими из личных разногласий, и уголовно наказуемыми действиями. Неверное определение вида угрозы или насилия также является серьезной проблемой квалификации. В практике нередки случаи, когда угроза применяется в контексте в стадии уголовного дела, и суды совершают ошибки, считающие функции запугивания недостаточной для вымогательства, в то время как подобные действия существенно влияют на психоэмоциональное состояние потерпевшего и создают реальную угрозу его безопасности.

Проблемы доказывания соучастия при совершении вымогательства также значительно усложняют правоприменение. Определение ролей соучастников иногда происходит на основании неполных или искаженных материалов, что приводит к необъективным выводам о степени участия каждого в преступлении. В некоторых случаях судами не учитывается, что совместные действия должны квалифицироваться как единое целое, а не разбиваться на отдельные эпизоды. Окончательное решение о квалификации также может зависеть от недостатков в понимании криминалистической характеристики вымогательства. [4] Судебные органы не всегда правильно определяют момент окончания преступления, что существенно затрудняет возможность правомерной квалификации и приводит к неоправданным задержкам в уголовном процессе.

Одной из значительных трудностей в правоприменительной практике является определение квалификации вымогательства, а именно разграничение его с другими преступлениями, имеющими схожие признаки. Совокупность разбоя и вымогательства имеет место в следующих ситуациях:

– Когда физическое насилие, несущее опасность для жизни или самочувствия, применяется непосредственно при совершении преступного деяния, а злоумышленник настаивает на поэтапной передаче ценностей: часть изымается сразу после применения силы или непосредственно перед этим, а остальное должно быть передано в дальнейшем.

– Если преступник, оказывая давление на жертву угрозами, требует передать имущество в будущем, при этом одновременно с угрозами забирает у жертвы какие-либо вещи или ценности.

По поводу совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 161-163 УК РФ, Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения: «В случаях, когда вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, при наличии реальной совокупности преступлений эти действия в зависимости от характера примененного насилия должны дополнительно квалифицироваться как грабеж или разбой». Нередко правоохранительные органы по разным основаниям не учитывают совокупность деяний, квалифицируемых по статьям 161 и 163 или 162 и 163 Уголовного кодекса Российской Федерации. Это приводит к назначению виновному лицу уголовного наказания, не в полной мере соответствующего тяжести содеянного, то есть, более мягкого, чем следовало бы.

Представляется разумным внести в ст. 163 УК РФ уточнение, касающееся временного интервала, в течение которого происходит передача собственности, имущественных прав или осуществление действий, имеющих имущественный характер. Поправка в диспозицию ч. 1 ст. 163 УК РФ поможет выявить специфику вымогательства и положительно скажется на уровне правового регулирования уголовной ответственности за этот вид преступления.

На базе проведенного исследования была сформулирована следующая формулировка диспозиции ч. 1 ст. 163 УК РФ: «Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера, а равно принуждение с корыстной целью к безвозмездному предоставлению имущественной выгоды в пользу виновного в будущем времени, под угрозой, реально воспринимаемой потерпевшим или связанного с ним лица в причинении существенного вреда их интересам». Кроме того, в ч. 2 ст. 163 УК РФ необходимо, на мой взгляд, внести изменения посредством дополнения данной нормы конкретными видами насилия.

Считаю, что внесение изменений в содержание статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации поможет предотвратить нынешние ошибочные судебные решения. Таким образом, в рамках совершенствования уголовного законодательства нами предложены следующие решения: так как основной проблемой, с которой сталкиваются правоохранительные органы, является неопределенность критериев, позволяющих квалифицировать вымогательство. В этой связи целесообразно уточнить диспозицию статьи 163 УК РФ, добавив положения, которые бы конкретизировали природу угроз и зависимость их от контекста, в котором они проявляются. Введение более четких критериев оценки угрозы, а также соучастия в вымогательстве позволит избежать правовых пробелов.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.09.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 03.09.2025 г.)

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)». - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190790/ (дата обращения: 01.09.2025).

3. Малышева Е.Н. Особенности квалификации вымогательства по УК РФ [Электронный источник] // Актуальные вопросы юридических наук: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, январь 2022 г.). Казань : Молодой ученый, 2022. С. 26-37. - URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/420/16891/> (дата обращения: 24.09.2025).

4. Минская В.П. Вопросы квалификации вымогательства / В.П. Минская // Государство и право. 2018. - № 1. - С. 100-103 [Электронный ресурс]. - URL.: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43995032> (дата обращения: 23.09.2025).

ХАДАЕВ АЦАМАЗ КАЗБЕКОВИЧ - магистрант, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Россия.

Х.Т. Абаев

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

В работе автор рассматривает универсальный принцип действия уголовного закона, а также его роль и значения в уголовном праве.

Ключевые слова: закон, универсальный принцип, иностранные граждане, лица без гражданства.

Распространение уголовного закона на конкретное преступное деяние обусловлено наличием всех элементов его состава, что закреплено в ст. 8 УК РФ как фундаментальное основание уголовной ответственности. Уголовно-правовая доктрина особо выделяет локализацию противоправного акта среди существенных признаков состава преступления. Учитывая федеративное устройство и многонациональный характер Российского государства, законодатель детально регламентирует пространственную юрисдикцию уголовного закона, определяя территориальные пределы его применения. Действие уголовного законодательства базируется на системе взаимосвязанных принципов: территориальном (ст. 11 УК РФ), а также принципах гражданства, реальном и универсальном (ст. 12 УК РФ), что обеспечивает комплексный подход к определению пространственной сферы его применения.[1]

Рассмотрим принцип, охватываемый экстерриториальной юрисдикцией. В соответствии с ч. 3 ст. 12 УК РФ данный принцип состоит в том, что иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательство, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых УК РФ, если они не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации. Универсальный принцип является приоритетным в сравнении с другими принципами действия закона в пространстве.

Квалификационные основания и карательные меры в отношении международных преступлений особой тяжести реализуются через национальное законодательство государства, инициирующего уголовное преследование, при этом гражданство субъекта и территориальная локализация противоправного деяния не влияют на применимость данного принципа, если иное не предусмотрено нормами международного права.[4]

Приоритет в реализации уголовного преследования отдается юрисдикции государства, инициировавшего процессуальные действия на основе универсального принципа, даже при наличии конкурирующих правовых оснований территориальности или гражданства субъекта. В случае потенциального применения законодательства трех государств - места совершения преступления, гражданской принадлежности обвиняемого и локации текущего судопроизводства - преимущественную силу имеют нормативные положения юрисдикции, фактически осуществляющей уголовное преследование.

Такие международные и международного характера преступления, как уже было замечено, рассмотрены многочисленными международными конвенциями по борьбе с преступностью, участником которых является Российская Федерация: Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.; Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г.; Конвенцией ООН против коррупции 2003 г. и др.

Общее правило применимо, когда человека не признали виновным в другом государстве. При этом несущественно, в какой стране вынесен приговор (или оправдательный приговор). Это логично, так как никто не должен нести наказание дважды за одно и то же деяние.

Универсальный принцип предусматривает квалификацию и пенализацию наиболее общественно опасных деяний международного и транснационального характера согласно национальному уголовному

© Х.Т. Абаев, 2025.

Научный руководитель: *Караева Залина Владиславовна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, Россия.

законодательству государства осуществления правосудия, вне зависимости от гражданства субъекта преступления и места его совершения, если международными правовыми актами, признаваемыми Российской Федерацией в сфере уголовно-правового регулирования, не установлено иное. [2]

Универсальный принцип действия правовой нормы в пространстве заключается в распространении уголовной юрисдикции государства на любых лиц за деяния, признанные преступными международным сообществом, независимо от места их совершения.

Как отмечалось, особенностью универсального принципа является то, что в соответствии с ним определяются преступность и наказуемость наиболее опасных преступлений: международных и международного характера по Уголовному кодексу страны, в которой лицо привлекается к уголовной ответственности. [3] При этом не имеют значения государственная принадлежность виновного и территория, где было совершено им преступление, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых УК РФ.

Интеграция норм международного уголовного права в отечественное законодательство сопряжена с определенными сложностями, вследствие чего территориальный принцип действия УК РФ, несмотря на его основополагающий характер, не обеспечивает полноценную криминализацию всего спектра деяний, признаваемых преступными на международном уровне.

Пространственная юрисдикция уголовного законодательства РФ в отношении иностранных граждан и апатридов, не имеющих постоянного места жительства на территории государства, характеризуется существенными ограничениями, обусловленными необходимостью наличия соответствующих международно-правовых соглашений для реализации универсального принципа действия уголовного закона.

Экстерриториальная юрисдикция уголовного законодательства России в отношении иностранных граждан и апатридов, временно пребывающих за пределами государства, реализуется строго в рамках международно-правовых договоренностей, что накладывает определенные ограничения на правоприменительную практику при квалификации отдельных составов преступлений.

Практическая реализация универсального принципа действия уголовного законодательства РФ имеет определенные особенности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно на территории России. При квалификации деяний данных субъектов возможно несоответствие между формулировкой состава преступления в международно-правовых актах и национальном законодательстве. Показательным примером служит ситуация с воздушным пиратством, ответственность за которое закреплена в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, ратифицированной Российской Федерацией. В случае задержания на территории РФ иностранца, совершившего акт воздушного пиратства на борту воздушного судна другого государства, его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 211 УК РФ (угон воздушного судна) и ст. 162 УК РФ (разбой), поскольку специальный состав воздушного пиратства в российском уголовном законодательстве отсутствует.

Совершенное новозеландским гражданином деяние содержит комплекс взаимосвязанных противоправных действий, квалифицируемых как угон воздушного судна в сочетании с разбойным нападением. В отсутствие имплементации международно-правовой нормы о воздушном пиратстве в российское уголовное законодательство инкриминирование указанных составов преступлений представляется единственно возможным вариантом уголовно-правовой оценки действий иностранного гражданина.

Таким образом, особенностью рассматриваемого принципа является то, что он определяет криминализацию и пенализацию наиболее общественно опасных деяний, квалифицируемых как международные преступления и преступления международного характера.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.09.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 01.09.2025 г.)
2. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации [Текст] / С. Ю. Марочкин. - Москва: Норма : ИНФРА-М, 2011. – 287 с.
3. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / В. В. Векленко [и др.]; под общей редакцией В. В. Векленко. — 3-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2022 — С. 43-45
4. Чучаев А.И., Задоян А.А., Князькина А.К. Общая часть Уголовного кодекса Российской Федерации в международных актах / под ред. А.А. Задояна. М., 2009. - Москва : Проспект, 2009 (Ярославль : Ярославский полиграфкомбинат). – 236 с.

АБАЕВ ХЕТАГ ТАЙМУРАЗОВИЧ - магистрант, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Россия.

А.Ю. Езеев

ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Рассматриваются проблемы толкования уголовно-правовых норм. Уделяется внимание понятию толкования, разработке способов и приемов толкования, анализируется толкование в судебно-следственной практике.

Ключевые слова: толкование уголовного закона, применение уголовного закона, неопределенность уголовно-правовых норм, оценочные признаки.

В последнее время в правоприменительной деятельности возникает много вопросов, касающихся толкования отдельных норм уголовного закона и их правильного применения. Современный Уголовный кодекс РФ отличается комплексной структурой нормативных предписаний, включающей абстрактные формулировки, бланкетные и отсылочные положения, а также оценочные категории с альтернативными моделями правоприменения и специальным понятийным аппаратом. Интенсивная законотворческая деятельность по внесению корректив в уголовное законодательство неизбежно порождает сложности в интерпретации обновленных составов преступных деяний и их квалифицирующих элементов, поскольку модификация правовой нормы влечет трансформацию не только ее содержательного наполнения, но и герменевтических подходов к ее толкованию. [2]

Рассмотрим, на мой взгляд, наиболее актуальные проблемы толкования уголовного закона. Неоднозначность формулировок и отсутствие должной точности в действующих и принимаемых нормах уголовного законодательства обуславливают необходимость не только детального толкования их содержания, но и конкретизации пределов правоприменения. Интенсификация нормотворческого процесса приводит к возникновению правовых коллизий как внутриотраслевого, так и межотраслевого характера.

Примером коллизии может быть ст. 32 УК РФ, в которой законодатель закрепляет понятие соучастия в преступлении — это умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления, и ст. 2631 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», ч. 3 — «совершенное группой лиц по предварительному сговору», ч. 4 — «организованной группой». [1] Субъективная сторона данного преступления характеризуется неосторожной формой вины, и возникает вопрос, как оно может быть совершено в соучастии, если соучастие может быть только в умышленных преступлениях. В данном случае наблюдается не просто коллизия, но и противоречие друг другу положений Общей и Особенной частей УК РФ.

Актуальное уголовное законодательство характеризуется избыточным применением неоднозначных оценочных категорий, что существенно затрудняет процессы правосознания и правореализации.

Установление целевой направленности нормативного акта требует от правоприменителя комплексного анализа нормотворческой документации в случаях, когда искомые цели не отражены непосредственно в содержании правовой нормы. Данный анализ предполагает всестороннее изучение сопроводительных материалов законодательного процесса, включая пояснительные записки, протоколы заседаний профильных органов, президентские послания, а также исследование преамбулы вносимых изменений и сопоставление с утратившими силу аналогичными актами.

В свою очередь, необходимо создать такой закон, который был бы понятен не только для правоприменителя, но и для социума. ЕСПЧ констатировал, что «норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие». [4] Интерпретация правовых норм должна быть направлена исключительно на

© А.Ю. Езеев, 2025.

Научный руководитель: *Свежинцев Евгений Иванович* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, Россия.

выявление их истинного содержания, исключая произвольное расширение либо сужение сферы применения уголовного законодательства путем субъективного толкования, способного привести к множественности противоречивых трактовок правовых положений. На таких позициях стоит и Конституционный Суд РФ: «правовая определенность как элемент нормативного содержания принципа правового государства означает, что из сферы правового регулирования необходимо устранять двойственные, амбивалентные нормы с неопределенным юридическим смыслом»; ограничение в конституционно значимых целях прав и свобод человека и гражданина «должно быть для поддержания правовой определенности нормативного регулирования выражено в федеральном законе ясно, четко и недвусмысленно; равенство граждан может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания толкования правовой нормы всеми правоприменителями. Только в тексте нормативно-правового предписания содержатся объективные критерии установления его действительного смысла.

Актуальность корректной интерпретации уголовно-правовых норм при квалификации деяний обуславливает необходимость совершенствования законодательной техники. Оптимизация нормотворческого процесса в сфере уголовного права требует соблюдения ряда фундаментальных принципов конструирования правовых предписаний. Первостепенное значение приобретает лаконичность и предметная определенность формулировок, исключающая множественность толкований отдельных составов преступлений. Императивным требованием выступает терминологическая унификация, предполагающая единообразное применение понятийного аппарата во всем массиве уголовного законодательства при устранении размытых дефиниций. Особое внимание надлежит уделять четкости изложения как основных признаков преступного деяния, так и квалифицирующих и привилегирующих обстоятельств. Конструирование норм должно обеспечивать системную целостность и логическую взаимосвязь структурных элементов как внутри отдельных составов, так и между различными нормативными предписаниями. [3]

Дублирование нормативных предписаний в уголовном законодательстве относительно существующих положений как внутри одного акта, так и между различными отраслями права представляется нецелесообразным ввиду создания необоснованной конкуренции правовых норм. Межотраслевое дублирование санкций, особенно в сфере уголовного и административного права при регулировании нарушений технических регламентов, создает риск произвольного правоприменения в обход установленных критериев квалификации деяний, что неизбежно влечет нарушение фундаментального принципа справедливости.

В связи с вышеуказанными проблемами, актуальной видится разработка Концепции унифицированного толкования и применения уголовного законодательства приобретает первостепенную значимость в контексте существующих правоприменительных коллизий. Данный документ призван регламентировать методологические основы интерпретации уголовно-правовых норм в правоприменительной практике, законотворческой деятельности и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Внедрение единых подходов обеспечит корректную квалификацию преступных деяний, объективную оценку их общественной опасности, формирование целостной системы материальных и процессуальных правоотношений. Концептуализация толкования уголовного закона будет способствовать повышению правовой определенности норм, консолидации юридической практики и достижению внутренней согласованности уголовного законодательства.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.09.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 05.09.2025 г.)
2. Уголовное право. Общая часть. В 2 томах : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройки, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2022- 307с.
3. Черненко Т. Г. Уголовное право. Часть общая [Текст] : конспект лекций / Т. Г. Черненко, И. В. Масалитина ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Кемеровский гос. ун-т". — Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2015, С.44-48
4. Яни П.С. Вопросы толкования уголовного закона // Вестник Московского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 4. С. 55–75.

ЕЗЕЕВ АРСЕН ЮРИКОВИЧ - магистрант, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия.

В.Т. Тедеева

ОТГРАНИЧЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ ДЛЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Данная научная статья имеет цели выявить признаки дящихся преступлений, позволяющие их отграничивать от множественных преступлений.

Ключевые слова: уголовно-правовая квалификация, единичные сложные преступления, дящиеся преступления, множественные преступления, разграничение.

Систематическое совершение нескольких преступных деяний свидетельствует об устойчивой криминальной направленности личности правонарушителя и существенно повышает уровень общественной опасности содеянного, что обуславливает необходимость квалификации каждого противоправного акта по соответствующей статье уголовного законодательства.

Множественность преступлений характеризуется различными вариациями уголовно-правовых ситуаций. К ним относятся: последовательное совершение отдельных преступных деяний, требующих самостоятельной юридической квалификации; единое деяние, образующее признаки нескольких составов преступлений, закрепленных в различных статьях УК РФ; совершение нового преступления лицом, отбывающим наказание либо отбывшим его за предшествующее правонарушение; противоправные действия условно осужденного в период испытательного срока; преступное деяние, совершенное в период неотбытой части наказания лицом, освобожденным условно-досрочно; новое преступление в период действия отсрочки отбывания наказания, предоставленной в соответствии со статьями 82 или 82.1 УК РФ.

Необходимо сказать и о том, что в уголовном праве существуют так называемые единичные преступления, которые в свою очередь подразделяются на простые и сложные. Одними из видов единичных сложных преступлений являются дящиеся и продолжаемые преступления. Для правильной квалификации следует отличать множественность преступлений, от самостоятельного вида сложного единичного преступления - дящегося преступления. Легальное определение дящегося преступления. В российском уголовном законодательстве отсутствует. Восполняет этот пробел Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 N 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях». В нем, в частности, отмечается, что дящимся понимается преступление, которое начинается с определенного преступного действия (например, с размещения в определенном месте незаконно приобретенного или незаконно изготовленного огнестрельного оружия с целью его незаконного хранения, с самовольного оставления поднадзорным лицом места жительства с целью уклонения от административного надзора) или определенного преступного бездействия (например, с невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, иных выплат), образующего состав конкретного преступления, и характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния.

Принципиальным упущением в рассматриваемом постановлении Пленума следует признать отсутствие ряда существенных характеристик, необходимых для полноценного понимания правовой природы дящегося преступления. В частности, формулировка о "непрерывном осуществлении состава определенного преступного деяния" не содержит критериев дифференциации стадий преступного поведения. Принципиально важным представляется разграничение случаев непрерывного осуществления неоконченного преступного деяния (включая стадию приготовления с длительной разработкой плана и сбором информации) и юридически оконченного преступления. При этом категория дящегося преступления применима исключительно во втором случае, когда противоправное деяние продолжается после достижения юридического момента окончания преступления.

Сопряженность дящегося преступления с пролонгированным уклонением от предписанных законом обязательств под угрозой уголовного преследования характеризует исключительно преступное

© В.Т. Тедеева, 2025.

Научный руководитель: *Родионова Галина Сергеевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, Россия.

бездействие, в то время как континуальная преступная деятельность может реализовываться посредством непрерывных активных действий, включая такие составы, как руководство организованным преступным формированием.

Специфика длящегося преступления заключается в непрерывной реализации единого состава противоправного деяния при юридической завершенности преступления, что исключает повторность преступных актов со стороны субъекта. При внешнем сходстве с множественностью преступлений данный вид уголовно наказуемого деяния требует четкой правовой дифференциации, особенно в случаях продолжения субъектом противоправной деятельности после вынесения обвинительного приговора. В частности, непрерывное осуществление длящегося преступления после осуждения нередко имеет место при злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), злостном неисполнении приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ). Приведенные примеры показывают, что задержание и даже последующее осуждение лица за совершение длящегося преступления далеко не во всех случаях приводит к его фактическому окончанию.

В аналогичных обстоятельствах судебная практика придерживается подхода, согласно которому часть длящегося преступного деяния, фактически не прекратившаяся после вынесения приговора, рассматривается как отдельное преступление. Другими словами, в основу правовой оценки заложено допущение, искусственно предполагающее, что момент вступления в законную силу обвинительного судебного решения всегда влечёт за собой окончание длящегося преступления. Следовательно, продолжение преступления, имеющего длящийся характер, после вынесения обвинительного приговора требует самостоятельной уголовно-правовой характеристики и квалифицируется как совершение нового преступления.

В целях надлежащей юридической квалификации противоправных деяний представляется необходимым законодательное разграничение множественности преступлений и длящихся преступных посягательств посредством дополнения главы 3 Уголовного кодекса Российской Федерации нормативными дефинициями единичного, длящегося и продолжаемого преступления.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 01.05.2025 г.).
2. Владимиров, В.А. Преступление совершено соучастниками / В.А. Владимиров. – М.: Госюриздат, 1961. – С.46.
3. Плотников, А.И. Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении / А.И. Плотников // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 85-90.
4. Шеслер, А.В. Соучастие в преступлении: монография / А.В. Шеслер. – Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. – С.36-38.

ТЕДЕЕВА ВИКТОРИЯ ТАЙМУРАЗОВНА - магистрант, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия.

О.К. Бугулиев

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ К ИНТЕГРАЦИИ В ЕДИНУЮ СИСТЕМУ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В данном исследовании проводится комплексный анализ преобразования института муниципального контроля в контексте реализации конституционной реформы публичной власти. Принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [8] рассматривается в качестве системообразующего фактора, определяющего переход от децентрализованной модели контроля к интегрированной системе публичного контроля. Целью работы является выявление системных расхождений и правовых противоречий, возникающих в процессе интеграции муниципального контроля в вертикаль публичной власти.

***Ключевые слова:** муниципальный контроль, единая система публичной власти, государственный надзор, делегированные полномочия, органы местного самоуправления, административная реформа, централизация управления.*

Институт муниципального контроля, исторически сложившийся как гарант автономии местного самоуправления, претерпел структурную реорганизацию в рамках конституционной реформы 2020 года. Правовой формой данной реорганизации стало принятие Федерального закона № 33-ФЗ [8], закрепившего интеграцию контрольных полномочий муниципальных образований в единый контур публичной власти. Данная трансформация отражает эволюцию конституционной доктрины от принципа организационной обособленности (статья 12 Конституции РФ) к принципу единства системы публичной власти (статья 132 Конституции РФ) [4].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа фундаментального изменения правовой природы контрольной деятельности на муниципальном уровне. В контексте правоприменительной практики возникает дискуссионный вопрос: сохраняет ли муниципальный контроль признаки самостоятельного публично-правового института или происходит его поглощение системой государственного надзора? Целью настоящего исследования является деконструкция новой модели контрольной деятельности через призму следующих аспектов: анализ дуализма контрольных полномочий, оценка последствий унификации процедур и выявление правовых рисков деформации местной инициативы. Необходимо отметить, что в соответствии с переходными положениями статьи 39 Федерального закона № 33-ФЗ, до 1 января 2027 года сохраняется действие прежнего порядка осуществления контрольных полномочий по нормам Федерального закона № 131-ФЗ [7].

В доктринальной интерпретации модель муниципального контроля по Федеральному закону № 131-ФЗ характеризуется как локально-ориентированный механизм саморегуляции [1, с. 45-46]. Его отличительными признаками выступали: производный характер от вопросов местного значения, превалирование муниципального нормотворчества в установлении обязательных требований и специализированные процедурные режимы. Ключевым элементом данной модели являлась концепция «самостоятельной деятельности населения» (ст. 1 Федерального закона № 131-ФЗ), где контроль выполнял функцию обеспечения соблюдения норм, принятых непосредственно муниципальным образованием [2, с. 112-115]. Императивы благоустройства, землепользования и застройки формировались с учетом локальной специфики, что определяло территориально ограниченный характер контрольной деятельности.

Нормативная конструкция Федерального закона № 33-ФЗ [8] инкорпорирует муниципальный контроль в общегосударственную систему публичного надзора. Системообразующим элементом выступает

© О.К. Бугулиев, 2025.

Научный руководитель: *Багаева Арина Альбертовна* – кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт, Россия.

принцип «единства публичной власти» (ст. 1), трансформирующий правовую природу контрольной деятельности [3, с. 31-33]. Интеграция органов местного самоуправления в вертикаль власти сопровождается формированием дуалистической модели контрольных полномочий: с одной стороны, сохраняется ограниченный перечень собственных полномочий, с другой – вводится институт делегированного контроля в рамках реализации государственных функций [5, с. 155-158]. Нормативный приоритет федерального законодательства о государственном контроле (надзоре) (ст. 18 Федерального закона № 33-ФЗ) нивелирует значение локальных нормативных актов, унифицируя процедурные основы контрольной деятельности.

Сравнительно-правовой анализ позволяет идентифицировать произошедшие изменения как смену управленческой парадигмы [6, с. 18-19]. Конституционная дихотомия между самостоятельностью местного самоуправления (прежняя ст. 12 Конституции РФ) и единством публичной власти (ст. 132 Конституции РФ) детерминирует переориентацию целеполагания: от обеспечения локальных интересов к реализации единой государственной политики на местном уровне.

Проводимая реформа актуализирует комплекс системных рисков [9, с. 5]. Доминирующим представляется противоречие между унификацией контрольных требований и необходимостью учета территориальной специфики. Централизация нормативного регулирования может привести к дисфункции механизмов решения вопросов местного значения, в частности в сфере благоустройства, где формализованные государственные стандарты не всегда коррелируют с местными потребностями.

Перспективы осуществления реформы связаны с поиском равновесия повышения управленческой координации с сохранением элементов местной автономии. Критическими факторами эффективности станут: дифференциация контрольных требований с учетом типологии муниципальных образований, создание компенсаторных механизмов местной инициативы и развитие института публичного участия в условиях централизованной модели управления. Успешность трансформации зависит от способности законодателя минимизировать риски бюрократизации и сохранить функциональную состоятельность местного самоуправления как уровня публичной власти.

Библиографический список:

1. Анимица Е.Г., Тертышный А.Т. Основы местного самоуправления. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 345 с.
2. Выдрин И.В. Муниципальное право России: учебник для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2019. — 400 с.
3. Игнатюк Н.А. Реформа местного самоуправления в России: от конституционной модели к единой системе публичной власти // Журнал российского права. — 2023. — № 5. — С. 25–40.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — N 237. (первоначальный текст)
5. Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционной модели. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. — 287 с.
6. Сергеев А.А. Муниципальный контроль в РФ: эволюция и перспективы в свете административной реформы // Административное право и процесс. — 2022. — № 4. — С. 15–22.
7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 31.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
8. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — 2025. — 20 марта.
9. Чаннов С.Е. Правовые риски интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. — 2023. — № 12. — С. 3–9.

БУГУЛИЕВ ОЛЕГ КАЗБЕКОВИЧ – магистрант, Северо-Кавказский горно-металлургический институт, Россия.

О.К. Бугулиев

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ

В статье исследуются зарубежные модели муниципального контроля через призму сравнительного правоведения. Анализируются германская, англосаксонская и смешанная (французская) системы организации контрольной деятельности на местном уровне. Цель работы – выявление ключевых тенденций и специфических черт, определяющих эффективность контрольных механизмов в различных правовых культурах. Особое внимание уделяется проблеме баланса между автономией местных органов и интеграцией в общегосударственную систему административного надзора. Научная новизна заключается в систематизации новейших тенденций, таких как «горизонтальный аудит» и «презентационный контроль», не нашедших пока отражения в российской правовой доктрине.

Ключевые слова: муниципальный контроль, местное самоуправление, германская модель, англосаксонская модель, смешанная модель.

Институт муниципального контроля, понимаемый как совокупность правовых механизмов обеспечения законности и эффективности деятельности органов местного самоуправления (МСУ), является индикатором состояния публичной власти в целом. В отличие от российской системы, переживающей этап глубокой централизации, во многих зарубежных странах эволюция муниципального контроля демонстрирует разнонаправленные векторы развития [1]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления альтернативных сценариев развития контрольных механизмов в условиях формирования местного самоуправления в России. Целью статьи является определение ключевых характеристик и выявление доминирующих тенденций в организации муниципального контроля в государствах с различными правовыми системами.

Германская модель: дуализм контроля и принцип «муниципального надзора». В федеративных государствах, таких как Германия, муниципальный контроль реализуется в рамках концепции «двойной администрации» и принципа «муниципального надзора» (Kommunalaufsicht). Например, согласно § 111 Земельного кодекса о самоуправлении земли Баден-Вюртемберг, государственный надзор за деятельностью коммун не направлен на прямое управление, а ограничивается проверкой законности их решений [2, с. 88].

Ключевой особенностью германской модели является ее дуалистический характер:

1. Внутренний финансовый контроль: муниципалитеты обязаны создавать внутренние ревизионные службы (Rechnungsprüfungsamt), которые осуществляют постоянный аудит финансовой деятельности, включая эффективность использования бюджетных средств [3, с. 112].

2. Внешний государственный надзор: осуществляется органами земельного уровня и делится на правовой (Rechtsaufsicht) и профессиональный (Fachaufsicht). Правовой надзор гарантирует соответствие актов МСУ законам земли, в то время как профессиональный применяется лишь в случаях, когда коммуну выполняют делегированные государственные задачи.

Данная модель обеспечивает высокую степень автономии местной власти при одновременном интегрировании ее в общую правовую систему федерации.

Англосаксонская модель: «мягкая» регуляция и институт омбудсменов. В странах общего права (Великобритания, США) доминирует модель, основанная на принципе «выполнения предписаний» (ultra vires) и деятельности независимых надзорных органов. В Великобритании система муниципального контроля характеризуется минимальным прямым вмешательством центральных властей и акцентом на косвенные методы.

Основными элементами данной модели выступают:

© О.К. Бугулиев, 2025.

Научный руководитель: *Багаева Арина Альбертовна* – кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский горно-металлургический институт, Россия.

1. Аудит-комиссии: это независимые органы, которые проводят аудит соотношения цены и качества (value for money audit), оценивая экономичность, эффективность и результативность муниципальных услуг [4, с. 45].

2. Институт локального омбудсмена (Local Government Ombudsman): он рассматривает жалобы граждан на «административные недочеты», фокусируясь не только на законности, но и на справедливости действий муниципалитетов [5, с. 201].

3. Публичная отчетность и сравнительные рейтинги: широкое распространение получила практика публикации сравнительных данных о деятельности муниципалитетов, что создает мощный стимул для повышения эффективности под давлением общественного мнения.

Таким образом, англосаксонская модель характеризуется как система «мягкого права», в которой косвенные механизмы воздействия превалируют над административными предписаниями.

Смешанная модель апостериорный судебный контроль и «презентационный» надзор. Французская система представляет собой синтез элементов централизованного надзора и местной автономии. Исторически сложившийся административный контроль «априори» был заменен в 1980-х годах на контроль «апостериори».

Специфическими чертами французской модели являются:

1. Замена административного контроля на судебный контроль. Ведущая роль в контроле за законностью актов органов местного самоуправления принадлежит административной юстиции, в частности, административным трибуналам.

2. Институт «презентационного контроля» со стороны представителя государства: префект департамента не утверждает решения муниципальных советов, но вправе опротестовать их в административном суде, если усмотрит нарушение закона [6, с. 33].

3. Региональные счетные палаты (Chambres régionales des comptes), которые проводят обязательный аудит финансового управления муниципалитетов, обладая полномочиями по наложению санкций на выборных должностных лиц за финансовые нарушения.

Данная модель демонстрирует эволюцию от строгой опеки к системе сдержек и противовесов, где ключевую роль играет независимая судебная власть.

Проведенный анализ позволяет выявить следующие дивергентные тенденции:

1. Дуализм против монизма. В германской модели внутренний и внешний контроль сосуществуют, тогда как в англосаксонской доминируют внешние независимые аудиторы.

2. Законность против целесообразности. Континентальное право (Германия, Франция) акцентирует внимание на законности, в то время как в странах общего права (Великобритания) уделяется значительное внимание эффективности и справедливости.

3. Новые формы контроля. В Европейском Союзе получает распространение «горизонтальный аудит» — взаимопроверка муниципалитетов, инициативы «открытого правительства» (open data), где данные о муниципальной деятельности становятся публичными, превращая граждан в субъектов общественного контроля.

В отличие от централизующейся российской модели, в зарубежной практике наблюдается поиск баланса между необходимой стандартизацией и сохранением стимулов для местной инициативы. Наиболее перспективными для потенциальной рецепции представляются не конкретные институты, а философия «умного надзора», сочетающего государственный аудит, участие независимого омбудсмена и прямое публичное участие.

Библиографический список:

1. Gemeindeordnung für Baden-Württemberg (GemO). – Stuttgart: Richard Boorberg Verlag, 2022.
2. Wollmann H. Local Government Reforms in (Seven) European Countries: Between Convergent and Divergent, Conflicting and Complementary Developments // Local Government Studies. – 2019. – Vol. 45. – № 1. – P. 82-108.
3. Kuhlmann S., Wollmann H. Introduction to Comparative Public Administration: Administrative Systems and Reforms in Europe. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – 358 p.
4. Laffin M. Central-Local Government Relations in the UK: Stability and Change // The Oxford Handbook of British Politics. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – P. 40-58.
5. Crawford M. The Local Government Ombudsman: A Jurisdiction of Fairness // Public Law. – 2022. – № 3. – P. 199-215.
6. Marcou G. Local Government in France: The Challenge of Decentralization // Local Governance in England and France. – London: Routledge, 2020. – P. 25-41.

БУГУЛИЕВ ОЛЕГ КАЗБЕКОВИЧ – магистрант, Северо-Кавказский горно-металлургический институт, Россия.

Информация для авторов

Журнал «Вестник магистратуры» выходит ежемесячно.

К публикации принимаются статьи студентов и магистрантов, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0,7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1,5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов.**

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название рубрики, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И.В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: magisterjourn@gmail.com

Мы ждем Ваших статей! Удачи!